

Urban Schubert

*Посвящается светлой памяти
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II,
по благословению и при поддержке которого
организована работа, отраженная в настоящем сборнике*

**Совет Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
Комитет Совета Федерации
по конституционному законодательству
Социально-инновационный центр России**

**УЧЕНИЕ И.А. ИЛЬИНА
О ПРАВЕ, ВЛАСТИ
И СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ**

**Материалы научно-практической конференции,
посвященной 125-летию выдающегося правоведа и философа
И.А. Ильина**

19 июня 2008 года

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

Под общей редакцией
А.И. Александрова, Г.П. Ивлиева и М.Г. Розинского

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Стенограмма пленарного заседания	9

Документы по обобщению работы "круглых столов"

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" I

"Во имя расцвета грядущей России: иерархия ценностей в развитии институтов власти и гражданского общества — право, правоприменение, правосознание"	47
--	----

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" II

"Во имя расцвета грядущей России: духовно-нравственные ориентиры в построении социальной культуры — воспитание, образование, социальная педагогика"	53
---	----

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" III

"Во имя расцвета грядущей России: этические и социально-инновационные условия оздоровления регионов — сотрудничество местного, федерально-регионального и международного уровня"	62
---	----

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	81
--	-----------

Материалы, представленные к конференции

Н.Ф. Медушевская

Учение И.А. Ильина о духовных основаниях права и его роль в становлении правовой культуры современной России	87
---	----

Л.М. Миронов

О государственной форме по И.А. Ильину	91
--	----

Н.С. Семенов

И.А. Ильин и русское самосознание	101
---	-----

Игумен Георгий (Шестун)

Духовное обновление человека как цель воспитания и образования (по работам И.А. Ильина)	106
--	-----

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ	113
--	------------

Приложения

Фотообзор работы конференции	125
О Международном форуме "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви"	133
Аннотация программ и проектов, отобранных для разработки в рамках Форума	135
Из выступлений официальных лиц на Прологе Форума. <i>1 ноября 2005 года</i>	141
Из посланий старцев	148
Из официальных документов по Международному форуму "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви"	
Распоряжение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 26 декабря 2003 года № 564 рп-СФ "Об участии Совета Федерации в подготовке и проведении Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви"	154
Письмо патриарха Московского и Всея Руси Алексия II председателю Комитета Совета Федерации по международным делам М.В. Маргелову.	156
Распоряжение Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 сентября 2004 года № 379 рп-СФ "О ходе реализации распоряжения Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 26 декабря 2003 года № 564 рп-СФ "Об участии Совета Федерации в подготовке и проведении Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви"	157
Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 июня 2004 года № 773-р.	160
Меморандум участников встречи 31 августа 2007 года в Свято-Даниловом монастыре (Россия) (на русском и греческом языках).	161

И.А. Ильин. ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	163
---	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек есть целостный организм в единстве его духовной, душевной и материальной природы. И общество, народ есть подобный целостный организм, имеющий иерархичное устройство и соответствующие этой иерархии законы духовные, социальные и материальные, открытие и следование которым возвышают и благоустраивают его, равно как их нарушение или искажение ведут к его расстройству и падению. Из этого исходил И.А. Ильин в своих глубоких и сердечно выстраданных трудах о построении грядущей России. Такая мировоззренческая установка взята из святоотеческой традиции, христианского православного мироощущения, на что неоднократно указывал И.А. Ильин в своих работах.

Следуя этой духовной традиции, ум (око души, раскрытое в истину), сердце, свидетельствующее о том, что хорошо и что плохо (не по совести), воля, переводящая смысл в действие, — образуют единство, без которого человек не человек.

Точно так же соборный ум народа (его душа, раскрытая в истину) — не арифметическое сложение всех умов, разной силы, а умножение за счет соединения лучших умов, несущих свет познания истины своим собратьям. Соборное сердце народа — соединение самых чистых сердец, несущих просвещение и нравственные ориентиры всему обществу. Соборная воля — власть лучших — энергия, способная поднимать на новый уровень все более широкие слои народа, раскрывая его таланты и возможности, объединять народ и вести в делах, направленных на общее благо.

Без такого смыслового единства, как свидетельствует история, дичают и разделяются науки, темнеют искусства, чахнут прочие области жизни, а отчаявшийся в высоких помыслах народ со страстью предаётся жажде наживы и сквернейшим порокам.

Как ни парадоксально, многие сокровища русской мысли, охватывающей цельность бытия и способной помочь пробуждению страны к одухотворенному творчеству, пребывают в состоянии невостребованности.

Цель научно-практической конференции, приуроченной к 125-летию со дня рождения И.А. Ильина, великого русского мыслителя, государствоведа и правоведа, и виделась в том, чтобы сделать шаг в сторону обретения богатейшего наследия русских мыслителей прошлого, живого единства с ними.

Идеи Ивана Ильина дают ключ к теоретическому осмыслению современности и нахождению назревших практических решений. Естественно, что в разных кругах его труды воспринимаются по-разному. Но вряд ли найдется человек, знакомый с ними, способный отказать

ему в глубине, масштабности и искренности поиска. Он будит мысль всех, способных мыслить. И очевидно, что соединение наследия Ивана Ильина с современностью — высокая творческая задача, требующая усилий инициативной мысли в вопросах теории и практики. Соответственно в ходе конференции пленарная часть, посвященная общим вопросам, переходила в параллельную работу трех "круглых столов", на которых без потери цельности рассматривались вопросы государственно-правовой, социально-культурной жизни и регионалистики — с целью найти пути и формы постоянной созидательной работы.

Организаторы конференции и составители настоящего сборника ставили перед собой задачу дать начало творческому диалогу специалистов разных областей знаний и служения, глубоко переживающих за будущее своей Родины.

И.А. Ильин, благодаря удивительному дару воодушевлять и соединять, сила которого ощущается и через поколения, привлек к себе людей разных взглядов, и есть надежда, что взгляды, приобретая все большую глубину, начнут сближаться, постепенно преодолевая противоречия, обогащая друг друга новыми гранями общей идеи подъема социальной культуры народа на основе духовно-нравственных ценностей.

Представляя материалы, касающиеся творческого наследия такой концентрированной духовной энергии, следует обратить внимание на одну таящуюся в нашем восприятии серьезную опасность.

Кому как не нам знакомы прискорбные издержки, проистекающие из тенденции обожествлять, поклоняться как кумирам "основоположникам" принимаемой идеологии, из стремления превратить в догмы каждое из их изречений. Не таково должно быть отношение к наследию И.А. Ильина, которое вполне заслуживает того, чтобы мы стали рассматривать его в качестве руководства в деле воскрешения и достижения расцвета грядущей России.

Сам Ильин ставит задачу избавления от мертвящего уже почти обычая обожествлять идеологов. Его высота и в этом. Он хорошо понимал, что как человек, может быть подвержен слабостям, неточностям, и искренне желал диалога с будущими поколениями, которые воспримут все лучшее и смогут преодолеть эти невольные и неизбежные слабости (присущие в нашем несовершенном мире и самым выдающимся умам). Более того, в его трудах звучит призыв к этим будущим поколениям единомышленников в России отнестись к ним как к вкладу в общее дело, с ожиданием сердечного отклика и творческого развития.

Нижепубликуемые материалы содержат мысли авторов, порой противоречащие друг другу, что естественно, когда идет творческий поиск. Пусть прозвучат разные неравнодушные голоса людей, захотевших высказаться. То, что они говорят в мысленном диалоге с выдающимся патриотом и мыслителем, свидетельствует о незамкнутости на себя, о том, что они ищут и стремятся обрести смыслы, открывающиеся при духовном подъеме. И это путь, соединяющий ум с сердцем. Путь, сближающий всех, кто будет следовать по нему, как это сделал И.А. Ильин.

СТЕНОГРАММА ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

СТЕНОГРАММА пленарного заседания

*Председательствует
председатель Комитета Совета Федерации
по конституционному законодательству
А.И. АЛЕКСАНДРОВ*

А.И. Александров. Добрый день, уважаемые коллеги, дорогие друзья! Сегодняшняя конференция является крупным событием в нашей политической и научной жизни. Она посвящена 125-летию со дня рождения выдающегося русского мыслителя Ивана Александровича Ильина.

В России сейчас решаются многие важные вопросы государственного строительства. Это проблемы государственно-территориальной целостности, уменьшения угрозы терроризма, экономического развития. Но России как воздух нужны правовая идеология, нравственно-духовное объединение, развитие правовой культуры и правосознания. Нам необходимы новые разработки в государственно-правовом и политическом строительстве.

Особое внимание нужно обратить на детей, на их духовное и нравственно-правовое воспитание. Нужно "включить свет" в нашей общественно-правовой жизни. Нам еще многому нужно учиться. Нам нужно научиться жить своим умом, используя мудрость выдающихся русских мыслителей, философов и правоведов, таких как Иван Александрович Ильин.

Наша конференция подготовлена Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству, Комитетом Государственной Думы по культуре, Советом Социально-инновационного центра России и Комиссией по правовой культуре и пропаганде права Ассоциации юристов России. В Совете Федерации открыта выставка на эту тему, мы с вами на ней побывали. Я глубоко убежден, что материалы нашей конференции будут полезны всем, кто любит Россию и готов ей служить.

А сейчас разрешите предоставить слово для приветствия заместителю Председателя Совета Федерации Александру Порфирьевичу Торшину.

А.П. Торшин. Уважаемые коллеги, дорогие наши гости! Позвольте мне от имени Председателя Совета Федерации Сергея Михайловича Миронова приветствовать вас в стенах верхней палаты российского

парламента. К сожалению, сейчас Сергей Михайлович в отъезде и он поручил мне выступить на этой конференции.

Алексей Иванович Александров уже сказал о значимости этой конференции. Мы даже не ожидали, что так много людей интересуются наследием выдающегося русского правоведа и философа Ивана Александровича Ильина. В конференции участвуют помощник Президента Российской Федерации Юрий Константинович Лаптев, председатель Комиссии Совета Федерации по естественным монополиям Николай Иванович Рыжков, заместитель Председателя Совета Федерации Михаил Ефимович Николаев. Сюда пришли люди, которые действительно интересуются этой тематикой, этой личностью. И очень хорошо, что таких людей немало.

Думаю, что сегодняшний разговор даст повод для размышлений и послужит благому делу становления нашей правовой идеологии, о необходимости которой сейчас очень хорошо сказал Алексей Иванович. Давайте подумаем над тем, не сделать ли эти конференции регулярными. 125 лет со дня рождения Ивана Ильина — это великая дата. Но мне кажется, что обращаться к тому большому наследию, которое оставил нам Иван Александрович Ильин, можно каждый год, и каждый год открывать новые и новые грани его таланта, новые и новые мысли, которые не потеряли актуальности и в XXI веке.

Еще раз поздравляю всех с этим знаменательным событием. Замечательно, что мы собрались в этом зале, чтобы обменяться своими мыслями, мнениями, информацией. Спасибо еще раз большое за то, что вы приняли участие в нашей конференции.

А.И. Александров. Спасибо, Александр Порфирьевич.

Предоставляю слово председателю Комитета Государственной Думы по культуре Григорию Петровичу Ивлиеву.

Г.П. Ивлиев. Уважаемые участники конференции! Для Комитета Государственной Думы по культуре, для государственного патриотического клуба "Единая Россия", которые я представляю, чрезвычайно важно, что вы откликнулись на это приглашение и готовы обсуждать такую важную тему, как наследие Ивана Александровича Ильина.

Именно в современный момент нам важно обратиться к тем принципам и духовным истинам, которые заложены в работах Ивана Александровича Ильина. Обществу, государству, политической элите нужно определиться. Как нам понимать современный патриотизм? Как нам оценивать государство? Как люди должны относиться к самому государству? И почему они в последнее время перестали чувствовать некие естественно-правовые связи своей личности с государственными институтами? (В этом, наверное, корень всех наших бед.)

Поэтому столь важна та мысль из работы И.А. Ильина "О правосознании", которая является актуальной и основополагающей для всей нашей деятельности: "Действительно, проблема патриотизма должна быть поставлена и разрешена в терминах нормального правосознания.

Иметь родину значит иметь особый, самостоятельный естественно-правовой союз, не совпадающий со всемирной, общечеловеческой общиной, и отдавать ему преимущество в деле любви и служения. Этот союз покоится на некой преимущественной духовной однородности и близости людей, а духовная однородность создает то преимущественное — жизненное и действенное — патриотическое единение, которое имеет всегда естественно-правовой характер, а обычно изливается и в положительно-правовую организацию. Патриотическое единение людей имеет в корне духовную природу, слагаясь и протекая в формах права и государства".

Из этих рассуждений, из всего творчества И.А. Ильина становится очевидным: чтобы избавить само ценное понятие патриотизма от сиюминутного, конъюнктурного, даже просто политизированного употребления, нам требуется возродить и наполнить подлинным, современным, живым смыслом еще одно понятие, более пригодное для повседневного политического употребления, — консерватизм.

Возвращать смысл этому слову, незаслуженно забытому почти на столетие, приходится с большим трудом, находя зерна смысла и логические взаимосвязи в книгах дореволюционных российских философов и юристов и сравнивая наше историческое понимание с западной политической мыслью. Понятие "консерватизм" нашло отражение и в творчестве И.А. Ильина.

Так, в статье 1924 года, посвященной памяти одного из своих учителей — Павла Ивановича Новгородцева, И.А. Ильин особо указывает, что его учитель ценил "органический зиждущий консерватизм, политическое учение, технику, формы, традицию государственности, трезвый реализм". Политически не "левый" и не "правый", он был "патриот и реалист, организатор и муж совета".

Это понятие "органический зиждущий консерватизм" вполне может быть применено и к самому И.А. Ильину, у которого есть и уважение к традициям в религии и культуре, и новаторский дух, стремящийся к высшему уровню творчества и наилучшим качествам, и бесценные рассуждения о политической реальности, политической воле и политической деятельности.

Философские книги И.А. Ильина стали одним из главных источников современной консервативной политической мысли. Но не только это привлекает нас в творчестве Ильина. В его трудах обнаруживается, что многие идеи и образы в произведениях великих русских писателей, прежде всего Пушкина, Гоголя, Достоевского, Бунина, Шмелева, имеют очевидную связь с политическим консерватизмом.

Одним из основоположников российского консерватизма по праву считается писатель и историк Н.М. Карамзин. Именно он сформулировал главную идею российского консерватизма: можно конкурировать с иными цивилизациями, заимствовать новшества и развиваться, оставаясь при этом верным собственным историческим традициям и

духовным ценностям, по-своему созидая и преумножая их в изменяющихся условиях жизни.

Для того чтобы быть по-настоящему современным, нужно обогатиться традициями, историческим опытом. Но традиции из вериг становятся надежными помощниками, только если воплощаются в творческом развитии. Это и есть формула современного консерватизма. Отступления от этой формулы в любую сторону ведут в конечном счете к проигрышу в конкурентной борьбе, будь то соревнования экономик, конкуренция государств или взаимное влияние культур.

Приверженность традициям без развития ведет к утрате современного смысла слов и понятий и оборачивается в итоге господством другой крайности — беспочвенных псевдосовременных имитаций. Нам с вами крайне необходимо понимание консерватизма как подлинной современности, которая имеет место только там, где из прошлого создается будущее, где традиции становятся основой для инноваций. Где нет такого консервативного развития, там нет настоящего, там случается только безвременье.

Однако если мы достигли более полного смысла, обнаружили силу слов и понятий, то нужно делать из них и практические выводы. Например, в сфере духовно-нравственного воспитания молодежи это означает, что мы должны помочь нашим детям стать по-настоящему современными людьми. А для этого нужно не просто изучать и проходить историю, а научиться сопереживать историческому опыту, нашим традициям, имея при этом в виду цель быть конкурентоспособными в современном мире.

В связи с этим следует вспомнить статью И.А. Ильина "О национальном воспитании" (1935 год), где он пишет: "В меру возрастания и в меру возможности необходимо открывать ребенку доступ ко всем видам национального искусства, от архитектуры до живописи и орнамента, от пляски до театра, от музыки до скульптуры, тогда душа его всесторонне раскроется для восприятия того, что впервые дали ей песня, сказка и поэзия".

Трудно переоценить значение творческой общественности — писателей, художников, музыкантов и других представителей творческих профессий — для формирования таких условий для развития нашего молодого поколения. Каждая книга, каждое музыкальное или художественное произведение, каждый фильм, сюжет игры, воплощающий на современной основе, на понятном новому поколению языке исторические традиции и вечные духовные ценности, — это вклад в созидание нашего общества.

Думаю, что сегодня мы услышим от вас много интересного о том, как можно идеи, смыслы и духовные ценности, которые заложены в творчестве Ильина, применить в современном мире. Будем вам очень признательны за обстоятельную, детальную, подробную дискуссию.

А.И. Александров. Спасибо, Григорий Петрович.

Слово предоставляется ректору Московской духовной академии, его высокопреосвященству архиепископу Верейскому Евгению.

Архиепископ Евгений. Я сердечно приветствую всех участников нашей конференции. То, что она проходит в верхней палате российского парламента, говорит о значимости этой конференции, о том, что Иван Александрович Ильин — это великая личность, великий сын русского народа. Он таковым был, есть и останется навсегда.

Хочется поделиться чувством радости и удовлетворения от того, что тема нынешнего форума посвящена личности выдающегося русского православного мыслителя, пламенного патриота, крупного ученого, чьи научные интересы охватывали многие сферы права, государственного управления, религии, образования, воспитания, экономики и философии.

По масштабности, глубине и целостности идеи Ивана Александровича Ильина можно назвать "наше всё". Его творческое наследие — это глубоко продуманное и органически цельное руководство к построению новой, возрожденной России, в которую он верил самоотверженно, прозревая пророческим духом ее будущее величие и славу.

Здесь уже приводили цитаты из работ Ильина, мне также хотелось бы привести несколько выдержек.

Обозначая русскую идею как идею сердца, он утверждал, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. О преобладающей силе одухотворенной любви мыслитель говорил, что она "вносится во всякое свое отношение — и к Богу, и к церкви, и к Родине, и к царю, и к своему народу, и к его вещественным и личным алтарям, и к своей семье, и к своему ближнему".

Сравнивая одухотворенную любовь, источником которой является Бог, с обычным религиозно-слепым воззрением, которое убеждено, что все люди равны, что всякий человек имеет право на жизнь и что последнее слово всегда принадлежит гуманности, что здоровье лучше болезни, что власть лучше подчинения, что богатство лучше бедности и что жизнь всегда лучше смерти, Ильин дает замечательное описание истинной любви: "она не измеряет усовершенствование человеческой жизни довольством отдельных людей или счастьем человеческой массы, ей ведомы все духовные опасности, связанные с наличностью земного наслаждения и всё духовное значение его утраты. Ее видение давно открыло ей, почему болезнь может быть лучше здоровья, подчинение лучше власти, бедность лучше богатства. Именно сила этого видения укрепила ее в убеждении, что доблестная смерть всегда лучше позорной жизни, и что каждый человек определяет себя перед лицом Божиим именно тем моментом, который заставляет его предпочесть смерть".

Это описание одухотворенной любви удивительно созвучно определению любви, которое оставил нам святой апостол Павел в своем знаменитом гимне любви: "Любовь долготерпит, милосердствует, любовь

не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит" (Первое послание к коринфянам).

Стойкая преданность православной традиции, наполненность всех произведений Ильина духом евангельской проповеди ставят его творчество вне времени, делают его всегда актуальным и востребованным. Читая Ильина, нельзя не заразиться его живым оптимизмом и верой в свой народ и в свою Родину, от которой он был отторгнут телом, но не духом.

Наконец пришло время, когда вера нашего великого соотечественника может воплотиться в конкретные дела, обрести ту практическую предметность, за которую он всегда ратовал. Именно с этой верой обращается он к нам, нынешним россиянам, напоминая нам о той великой задаче, которая стояла и будет всегда стоять перед Россией — "осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности". Этой идее будет верна и грядущая Россия.

Всем участникам научно-практической конференции хочется пожелать творческих успехов и помощи Божией в практическом осуществлении замечательных идей нашего юбиляра, чье 125-летие со дня рождения мы отмечаем в этом году, на благо процветания и во славу нашего Отечества.

А.И. Александров. Спасибо большое, Ваше высокопреосвященство.

А сейчас я хотел бы попросить выступить с приветствием советника Президента Российской Федерации Юрия Константиновича Лаптева.

Ю.К. Лаптев. Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья! Мне также хочется поздравить всех нас с этим замечательным событием. Думаю, эта конференция выйдет на большие практические решения, которые будут предложены в докладах и выступлениях. Это очень актуально сейчас.

Наверное, такие мероприятия свидетельствуют о мудрости, которая приходит с развитием общества. Есть известное изречение: "Если ты выстрелишь в свое прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки". Мы слишком много в своей истории стреляли в наше прошлое. И сейчас очень важно обрести надежную опору в той мудрости, которая нам досталась от наших предшественников, мудрых и прозорливых людей, горячо любивших свою Родину и думавших о ее будущем. Это особенно важно в связи с достаточно агрессивной средой, в которой находится наша молодежь. Мы это прекрасно видим и понимаем.

В средствах массовой информации публикуются подчас материалы, где размываются понятия "Родина", "патриотизм". И это лишь отголосок тех опасных проблем, которые угрожают разрушением фундамента нашего общества. Надеюсь, что эта конференция, направленная на привлечение лучшего патриотического наследия России к решению

современных фундаментальных проблем общества, положит начало глубокому диалогу и послужит практической пользе. Я приветствую вас всех.

А.И. Александров. Спасибо, Юрий Константинович.

Слово для доклада предоставляется человеку, который очень много сделал для сохранения наследия нашего юбиляра, — профессору Юрию Трофимовичу Лисице, издателю и комментатору Полного собрания сочинений Ивана Александровича Ильина, члену Совета Социально-инновационного центра России.

Ю.Т. Лисица. Уважаемые участники конференции, дорогие гости и друзья! Тема моего доклада **"Творческое наследие И. А. Ильина и его значение для современной России"**.

Творческое наследие Ивана Александровича Ильина поистине огромно и хорошо сохранилось (практически без потерь). Полное собрание сочинений И.А. Ильина в 40 томах издается в Москве с 1993 года, 27 томов уже вышли в свет, а очередной том появится в ближайшее время. Этот 28 том самый объемный (800 страниц) и, по моему мнению, самый важный. Его название: "Русский Колокол. Журнал волевой идеи" (1927—1930). Вместе с уже опубликованными в предыдущих томах книгами и брошюрами Ильина — "О России. Три речи" (1934), "Творческая идея нашего будущего" (1937), "Основы борьбы за национальную Россию" (1938), "Проект Основного Закона Российской Империи" (1938), "О грядущей России. Заочные чтения" (1940—1941), "Сущность и своеобразие русской культуры" (1942) и двухтомным сочинением "Наши задачи" (1956) — он представляет собою, употребляя нынешнюю популярную терминологию, "Проект Россия". Проект этот высокого качества и огромного достоинства. Он требует пристального внимания и современного прочтения.

В этом, пожалуй, *главное значение* наследия Ивана Александровича Ильина, для которого Россия была не только *Родиной*, но и *смыслом* его жизни, не только *объектом* его философских раздумий, но созданным им, в некотором роде, новым *предметом* — "Философией России".

Диапазон его философских, этических, религиозных и политических тем весьма широк, глубина его мысли поразительна, а умение находить всему этому прекрасное словесное выражение удивительно.

Хотя огромный интерес к Ильину отмечается в современной России уже около 20 лет, нельзя сказать, что его творчество до конца понято и освоено, что оно интенсивно используется нынешним поколением в сегодняшней жизни.

К счастью, в 2006 году весь его архив, переправленный в 1966 году из Швейцарии, где Ильин проживал последние 16 лет перед своей кончиной, в США, где его ученик, профессор Мичиганского университета Николай Петрович Полторацкий поместил его на временное хранение, спустя 40 лет, согласно завещанию философа, был возвращен в Московский государственный университет, где Ильин учился, работал

и был профессором до осени 1922 года, когда его насильственно выслали из Советской России. Под страхом вынесенного смертного приговора ему было запрещено возвращение на Родину, он был лишен гражданства, а имущество его было конфисковано.

Сейчас в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова идет работа по научной описи архива для дальнейшей его оцифровки. В этом архиве содержатся многочисленные рукописи, черновики, заметки, конспекты, книги, брошюры и статьи, письма и воспоминания, его собственная библиотека: книги с автографами его друзей-писателей и с его собственными пометками и комментариями на полях. Вторая половина его библиотеки (358 книг), которая считалась нами утерянной, чудесным образом найденная в запасах библиотеки Мичиганского университета, в настоящее время находится на пути в Россию.

9 апреля, накануне 125-летнего юбилея И.А. Ильина, на старом здании МГУ (ул. Моховая, 11) была торжественно установлена мемориальная доска: "Выдающемуся русскому ученому правоведу и государственному, философу и профессору Московского университета Ивану Александровичу Ильину". В Научной библиотеке МГУ (Ломоносовский пр., 27) была открыта выставка, посвященная Ильину, где были представлены документы, фотографии, книги, картины, портреты, значки, медали и материалы, связанные с жизнью и творчеством великого русского патриота.

В ближайшее время будет реконструирован оставшийся незавершенным и неопубликованным последний замысел Ильина — его книга "О возрождении и обновлении России", поистине *социально-инновационный* проект философа (известно, что латинское слово *innovatia* буквально переводится как *обновление* и *возобновление*, которое в русском языке может быть передано двумя словами, как у Ильина, что означает сочетание *нового* и *традиционного*).

В юбилейный год здесь, на научно-практической конференции в стенах Совета Федерации, хотелось бы подвести промежуточный итог такого явления в современном мире, как Иван Ильин. Однако это непростая задача. Одно перечисление того, что внес И.А. Ильин в различные сферы науки, заняло бы весьма продолжительное время и потребовало бы другого формата конференции: это, в частности, его вклад в юридическую науку, философию, историю философии и историю философских учений, философию права, нравственную философию, философию искусства и художественной критики, философию религии и религиозную актологию, в христианскую культуру, политическую философию, социальную культуру, в формирование национального характера, в воспитание детей, молодежи и студентов и во многие другие сферы человеческого и государственного бытия.

Ограничусь здесь только *узловыми* вопросами наследия Ивана Ильина и их связью с нашими современными проблемами.

1. Во-первых, это его вклад в юридическую науку как правоведа и государствоведа.

Его "Учение о правосознании", созданное им в 1916—1919 годы не имеет аналога.

Право в этом учении становится *духовной* категорией, что делает его (право) цельным и неразрывным с этикой, религией и искусством (например, правоприменение, особенно в судебной практике: идея Ильина о высоком нравственном статусе и авторитете судьи в обществе у нас пока не проговаривается и не рассматривается).

Его оригинальная точка зрения (высказана в первой научной работе 1910 года "Понятия права и силы") "*методологического плюрализма*" в изучении фундаментального понятия права, заключается в разложении этого понятия на такие "*методологические ряды*", которые включают в себя категории воли, интереса, принуждения, действия, порядка, свойства, отношения, власти, возможности, свободы, связанности и другие, что говорит об Ильине как об очень крупном и сильном аналитике. Вывод его из этой теории методологических рядов в праве, в частности, был им продемонстрирован на понятии *государственного суверенитета* как "неделимого по своей природе". На это *не обратили внимание* современные политики, и пагубность такого незнания продемонстрирована новейшей историей на всей территории постсоветского пространства.

Его замечания о реальных, трудных и неразрешенных *проблемах международного права* ("Общее учение о праве и государстве", 1915) до сих пор являются актуальными: это и отход от ялтинских соглашений, и продвижение НАТО на восток, и статус Севастополя, и многое другое.

Ему принадлежит авторство трех аксиом правосознания и шести аксиом государственной власти.

Этим я ограничусь, так как у нас по правовой тематике состоится первый "круглый стол", выступлений и мнений будет достаточно.

2. Во-вторых, это его вклад в нравственную философию и социальную культуру.

Этому будет посвящен второй "круглый стол", поэтому ограничусь только несколькими словами о его знаменитой книге "О сопротивлении злу силою" (1925), которая там обсуждаться не будет.

Грех и зло существуют в этом мире — это всем известная истина. Ясно, что нет таких средств и человеческих сил, чтобы их уничтожить полностью и окончательно. Но, как православный христианин, Ильин понимал, что грех и зло в человеке — "явление *ненормальное*", нравственное состояние человека при такой действительности его участия во зле — ненормально, и причина этого — сам человек и его свободная воля; нужны самые разнообразные меры и методы для того, чтобы зло это было "*повязано*", чтобы его не "разнуздывать" (термины Ильина). В своей книге он подробно рассматривает и решает эту проблему для отдельного, *индивидуального* человека, для одной личности.

Мы в современном мире сталкиваемся с таким явлением, как терроризм, которое всеми признается *радикальным злом* и мировой проблемой. Однако на уровне стран и народов нет согласия даже в *понимании* или *дефиниции* международного терроризма, не то что правильного и эффективного решения этой проблемы, хотя борьба как-то ведется. Книга Ильина является образцовой для подобного исследования и нашла положительный отклик на Западе (статья 2003 года Пола Робинсона, доцента проблем безопасности Халльского университета, Англия, автора работ по военной истории и военной этике, мнение которого примечательно: "Работа Ильина несомненно соответствует общей православно-теоретической теории применения силы, и является частью четко определенной восточной традиции. Западные теоретики справедливой войны могли бы извлечь пользу из более глубокого анализа этой альтернативной перспективы хотя бы потому, что она излагает некоторые определенные сомнения в самой идее отнесения войны к категории "справедливой". Поэтому анализ работ Ильина может внести полезный вклад в современную мысль не только в России, но также и на Западе").

3. В-третьих, это вклад Ильина в понимание сущности и своеобразия России, в ее региональную, национальную и межконфессиональную проблематику, чему посвящен у нас третий "круглый стол". "Задачи ее, — писал Ильин в своем проекте Конституции постбольшевистской России о Думе Национального Единения, — создание и упрочение межнационального мира и братского сожительства всех народностей Российского Государства; обеспечение национально-культурной свободы всех российских национальностей; водворение законности и справедливости во взаимных отношениях российских народностей; совместная борьба всех верных народностей России с нелояльными, сепаратистскими и противогосударственными течениями в их среде; взаимная поддержка всех национальностей в воспитании российских граждан в духе веры, отечественной верности и духовного характера". Как мне кажется, это является одной из задач и целью Совета Федерации.

Ильин считал: "Современный мир переживает глубокий кризис — религиозный, духовный и национальный. Из него необходимо найти выход. Этот выход надо каждому из нас найти, прежде всего, *в самом себе*, творчески создать его, убедиться и удостовериться в его верности. И только потом можно будет указать его другим. Надо *самому начать быть по-новому*" ("Путь духовного обновления", 1937). Он любил повторять слова своего любимого писателя Томаса Карлейля: "Человек не должен жаловаться на свое время: из этого ничего не выйдет; время плохое, ну что же, на то человек живет, чтобы сделать его лучше. Начиная! Только этим ты сделаешь невозможное возможным". Именно эту самостоятельность и автономию человека особенно ценил Ильин, его вторая аксиома правосознания — "способность к самообязыванию и

самоуправлению" — обращена к человеку как самостоятельному, живому, личному духу, ответственному за все свои поступки.

Ильин был очень цельным философом. Говоря, например, о "сердечном созерцании" (оригинальное и центральное понятие его философии) как "о самом драгоценном и могучем религиозном акте", он увязывает это со всеми дарами и способностями человеческой души: "Однако сердечное созерцание имеет, далее, способность присоединяться ко *всякому* культурно-творящему акту и сообщать ему особую глубину и чистоту, особую укорененность, духовную значительность, жизненную силу и содержательное богатство.

Так, присоединяясь к *мысли, оно дает ей проникновенность любви и созерцательную силу*. На этом пути возникали все великие философии и все глубокие богословские учения. Именно этим путем шли гениальные ученые и в пределах эмпирической науки: ибо они не просто "наблюдали" свой предмет или "размышляли" над ним, но созерцали любовь и духом его живую самосуть.

Присоединяясь к *воле, сердечное созерцание связует ее совестью, сообщая ей ее настоящую глубину и подлинное благородство и научая ее видеть свою цель* и измерять ее сразу мерилami *совершенства и живой реализуемости*.

Овладевая *художественным творчеством*, сердечное созерцание указывает ему его достойнейшие и значительнейшие предметы и дает ему дар любить, видеть и петь. Овладевая *правосознанием*, сердечное созерцание раскрывает в нем его глубочайший корень — волю к духу, добру и справедливости и превращает его в *живую правовую интуицию*.

Все акты человека обновляются, очищаются и углубляются от участия этой драгоценной духовной силы. Все сферы жизни заживают новыми содержаниями: воспитание, преподавание, дружба, брак, семья, врачевание, служба, суд, воинское дело, политика, хозяйство — все приемлет дары религиозного обновления, в которых так настоятельно нуждается современная культура человечества" ("Аксиомы религиозного опыта", т. 1).

В чем же секрет его философии и почему она не оставляет равнодушными многих читателей? Ответ на этот вопрос прост: Ильин верил в Бога и любил Бога, он любил Россию и верил в Россию, он любил свой народ и верил в его творческие силы. Его удивительное выражение о России и ее народе: "В годину величайшей соблазненности и величайшего крушения уже началось и совершается *незримое возрождение в зримом умирании*. Да славится в нас Воскресение Христово...". Это сказано еще в 1927 году в речи "О путях России" по случаю Дня русской культуры, ежегодно отмечавшегося эмиграцией и приуроченного к дате рождения А.С. Пушкина — правда, по поводу большевистского и коммунистического режима в России, но воспринимается читателем как историческая константа, как судьба нашей Родины и нашего народа. Сказанное осталось бы умозрительным и утопическим, если бы на-

ши отцы и деды не были участниками и свидетелями нашей победы в Великой Отечественной войне и восстановления страны, если бы мы не стали свидетелями великой подавленности нашего народа в 1990-е годы — и политического, и военного, и социального, и хозяйственного, и международного, и культурного. Но не прошло и 10 лет, как во многом эта подавленность *начинает исчезать*, и Россия вновь *заявляет* о себе как о динамично развивающейся стране, что стало для кое-кого неожиданностью. И уже не пафосно звучат слова Ильина о русском народе: "Не хороните его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!" ("Что сулит миру расчленение России", 1950).

Но есть и более глубокий пласт силы философии Ильина. У него было нечто, что в современном мире именуют английским словом know-how, а в научной литературе — словом *patent*. Сам он называл это своей "философской лабораторией". Первое, относящееся к практике (духовного делания), — "сердечное созерцание" — уже было упомянуто мною. Второе — Ильин открыл для себя подлинный предмет философии и назвал его весьма сложным термином "объективное обстояние". Не буду объяснять этот термин подробно, скажу только о примерах таких "предметных обстояний" — это "смысл", "ценность", "норма", "идеал", "цель", "истина", "добро", "красота", "абсолютное совершенство". Слова всем нам знакомые, но очень емкие и содержательные. Например, "смысл", который не совпадает с вещью, не совпадает с явлением, не совпадает с душевными процессами, а есть объективное обстояние, как "то, что мыслится в мысли". Для первого прояснения этого сложного понятия Ильин условно называет "смысл" "Божеской мыслью" о чем-то, а метафорически: "смысл всегда присутствует в вещи как его лучшая возможность, как лучший способ жизни, как ее идеал или цель" ("Введение в философию как духовное делание", 1913). Теперь нужно только задуматься над вопросом: в чем смысл России? И следует ответ по Ильину: "Это Божеская мысль о России", это "ее лучшая возможность, ее лучший способ жизни, идеал ее жизни, цель ее жизни". Скажем богословскими словами: это "замысел Бога о России".

Многие ищут и не находят Русскую идею. Думают над тем, что могло бы объединить такую большую и многонациональную страну, предотвратить ее дальнейший распад. Все это важно, верно и существенно, но обретение подлинного смысла жизни каждым отдельным человеком — осмысленная работа, осмысленная деятельность, осмысленная политика, осмысленное мирное соседство, осмысленная семья, осмысленное воспитание, осмысленная вера — все то, что называется в православии "замыслом Бога о мире и человеке", — стало бы естественным и реальным скрепляющим фактором современной России.

И последнее, о чем хотелось бы упомянуть. Ильин любил не только свою Родину, свой народ, но и свой родной *русский язык*. Его слова о

русском языке прекрасны, его заботы о русском языке, о русском правописании, о его "орфографических ранах" известны. Год русского языка в современной России приобретает в связи с этим особую современность и особую значимость. Закончу свое выступление цитатой из Ильина, взятой из отрывного календаря 5 января 1949 года: "И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык!

В нем вся она — наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и возвышенность, и размах; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он всему покорен и потому над всем властен!..

Горе нам, что не умели беречь его и бережно растить его — в его звучании, в его закономерной свободе, в его сокровенном ритме, в ризах его правописания! Не любить его, не блюсти его — значит не любить и не блюсти нашу Родину.

А что есть человек без Родины?"

Мы же видим, как на наших глазах теряется привычная и исконная *интонация* и *артикуляция* русского языка. Прислушайтесь!

А.И. Александров. Спасибо, Юрий Трофимович.

Слово для выступления предоставляется члену Совета Социально-инновационного центра России, заведующему кафедрой конституционного права государственного университета "Высшая школа экономики", доктору юридических наук Михаилу Александровичу Краснову.

М.А. Краснов. Сложно выступать после такого знатока наследия Ильина, как Юрий Трофимович Лисица. Но я хочу сказать о вещах гораздо более приземленных. Начну, может быть, со спорной, но для меня очевидной мысли, что существует разделение между людьми по их восприятию публичной жизни, а точнее, по их отношению, по взгляду на отношения между человеком и государством. И в этом смысле, можно сказать, существуют, условно говоря, персонцентристы и этоцентристы. Почему так получается? Это Божья загадка. Никто никогда не даст ответа на вопрос, как это получается.

Один автор задал прямой вопрос: человек для государства или государство для человека? И ответил: да, человек для государства. Я не могу с этим согласиться, и в этом смысле, наверное, я нахожусь в меньшинстве. Но дело в том, что я не могу согласиться и с другим ответом: государство для человека.

Во всяком случае, хотя мне и ближе этот, условно говоря, персонцентризм, но я против персонцентризма, понимаемого в антихристианском духе, как обожествление человека. Потому что за этим скрывается не только гордыня, но в этом есть еще и некоторое лицемерие, ибо на практике оказывается, что в центре стоит не всякий человек, а, если можно так сказать, *Nomo prosperus*, то есть человек успешный. Я

лично с этим не могу согласиться, как не может, наверное, с этим согласиться христианское мировоззрение вообще.

Так вот, беда наша российская состоит в том, что мы "пуляем" друг в друга "измами". И обозначая этого человека или это движение каким-то "измом", не вдумываясь в их суть, и потому на поверхности оказываются совершенно крайние воззрения. Иван Александрович Ильин как раз один из тех, кто в силу своего высочайшего интеллекта и совершенно беспримесного христианского мировоззрения отвергает "измы". Как он это делает? Он не отбрасывает те или иные понятия, с которыми, может быть, не очень согласен, а скрупулезно исследует их. И именно поэтому он из тех мыслителей, которые способны не разъединять, а объединять. Причем не искусственно, не принудительно, а на основе вполне определенных критериев, которые оказываются близкими разным слоям и течениям, за исключением, разумеется, тех, кто открыто исповедует зло.

Ильин становится (кто читал его, наверное, видели эти вещи) совершенно бескомпромиссным, когда речь касалась совершенного зла. Именно поэтому он жестко спорил с тем же Бердяевым по поводу того, можно ли противостоять злу силой. Можно и нужно, говорил Ильин. Повторю, Ильин — это великий прорыв к идее объединения. Мы не должны (я высказываю свое мнение) помещать Ильина в какой-то из лагерей, иначе в России, как и в любой другой стране, будет вечная война всех против всех.

Так вот Ильин — это великий прорыв к идее общих базовых ценностей, но это объединение не в колонию насекомых, где одна особь ничего не значит, а объединение на основе, говоря его же словами, "свободной лояльности", на основе взаимного доверия, на основе свободного исповедания тех самых общих ценностей. Но не лукавлю ли я? Ведь, казалось бы, мне, как человеку, симпатизирующему демократическим принципам, должно претить положение Ильина о том, что вторжение широких масс в политику разрушает государство, что демократия есть начало антигосударственное. Нет, у меня, как говорят психологи, здесь нет никакого когнитивного диссонанса. Я не стараюсь ни обмануть себя, не заигрывать перед той или иной аудиторией. Для меня это положение вполне органично.

Во-первых, потому что я и сам давно уже пришел к выводу, что сама по себе демократия не есть ценность. Это только инструмент для достижения других ценностей, прежде всего ценностей права — естественно, в высоком смысле этого слова, а не как совокупности правовых норм. И действительно, если заказ социальный делает чернь (не в смысле характеристики людей, а в том смысле, что в этом социальном заказе проглядывают низменные человеческие потребности), то государство разлагается. Кто же с этим будет спорить? Поэтому демократия как таковая, как абсолютная ценность для меня тоже не существует, несмотря на то что я в этом лагере.

Во-вторых, Ильин справедливо восстает против сакрализации народа. Он говорил, что демократия ценна и допустима лишь постольку, поскольку она создает аристократическое осуществление государственной цели, то есть служит общему делу власти, права и духа. Вот здесь камень преткновения для очень многих.

Это, вообще очень интересное направление мысль Ильина — аристократия, то есть правление лучших, лучших не по крови, а по духу. Он этому посвятил и проект Основного закона, и ряд других работ. Другое дело, что вряд ли мы сейчас сможем этот проект реализовать, в его буквальном смысле, тем более что составлен он был в конце 1930-х годов, и уже тогда Ильин сознавал трудность его реализации, говоря о будущей посткоммунистической элите: "Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией, мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную. При таком положении дел строить государственную форму на изволении массы значит готовить правление черни, цезаризм и бесконечные гражданские войны". К сожалению, примерно так все и произошло.

Как мы пойдем к аристократии, я не знаю. Но я знаю главное: в элите должен возникнуть консенсус, но не по примитивно поставленному вопросу: демократия или авторитаризм? В такой, я бы сказал, хулиганской постановке Ильин никогда не ставил вопрос и, как умнейший человек, не мог ставить. Он лишь призывал к пониманию того, что "политическая форма определяется всею совокупностью духовных и материальных данных у каждого отдельного народа и, прежде всего, присущим ему уровнем правосознания". Действительно, какова эта совокупность, таково будет и общество. И если уж мы займемся этим строительством на основе идей Ильина, то нам придется сначала понять, а что же это за совокупность. Знаем ли мы сами себя? Знаем ли мы наше общество? Потому что по тем вопросам, которые задают социологи, невозможно понять, кто мы и каково наше общество.

Итак, в каждом, условно говоря, мировоззренческом лагере есть люди, способные к тому, чтобы спокойно, без спекуляций исследовать эту самую совокупность. И вот хороший пример. Меня трудно заподозрить в сильной любви к власти, но объективности ради хочу сказать о том, что на меня произвело очень положительное впечатление. Мне подарили книгу "Православная государственность. Двенадцать писем об империи". Я не большой поклонник этой идеи, но там я обнаружил статью, тогда неизвестного мне автора — А.В. Коновалова. Я увидел в ней очень близкие мне мысли. Теперь это Министр юстиции Российской Федерации.

Понимаете, трагедия состоит в том, что, когда мы прячемся за теми или иными "измами", то отталкиваем от себя многих людей, а ведь есть люди, которые в этих "измах" чувствуют тонкости. И здесь Ильин — хорошее подспорье.

Когда вся эта совокупность, о которой говорил Ильин, будет понята, элита, оберегая, разумеется, не свои теплые места, а ценности правового порядка в высоком смысле этого слова, должна будет приняться за выработку модели государственного переустройства страны. И модель эта основана на трех аксиомах, выдвинутых Ильиным. Первая — чувство собственного духовного достоинства и его проявления: уважение к себе, начало чести и духовного измерения в жизни. Вторая — способность к волевому самоуправлению и ее проявления: принципиальность, убежденность, самодеятельность дисциплины и долг. И третья — это взаимное доверие и уважение гражданина к гражданину, гражданина к власти, но и власти к гражданину. А политическая форма, соответствующая этим аксиомам, как говорил Ильин, и есть совершенная форма. Неважно, какой "изм" мы ей присвоим. Не из "изма" мы должны исходить.

Неслучайно учитель Ильина, известнейший юрист и философ Новгородцев, который был, в общем-то, человеком демократических воззрений, писал в 1923 году: "Свобода, отрицающая начало общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни".

Поэтому неправильно говорить, и что государство для человека, и что человек для государства. Иван Александрович Ильин как раз соединил, как я понимаю, тот самый персонцентризм с этоцентризмом. Он органично увязал эти две ценности, которые, оказывается, просто не могут существовать друг без друга. И ни одна из них не является главной по отношению к другой.

Вот почему Ильин — это мыслитель, идеи которого способны объединить наше ныне разорванное, разобщенное общество.

А.И. Александров. Спасибо, Михаил Александрович.

Слово имеет профессор Московской духовной академии архимандрит Платон.

Архимандрит Платон. Высокопочтимые участники собрания, посвященного важной исторической дате — 125-летию со дня рождения великого мыслителя Ивана Александровича Ильина! Ваше превосходительство, Ваше высокопреосвященство, милостивые государи! Празднуя юбилей, мы обращаемся к великому наследию Ивана Александровича Ильина. Это наследие можно уподобить неисчерпаемому морю, где находится множество драгоценных жемчужин. Каждое из учений Ивана Александровича Ильина представляет собой великую ценность. И наша мысль, подобно орлу, способна лишь перелетать с одной вершины его философского умозрения на другую.

Можно без конца цитировать его тексты. Иван Александрович Ильин — мыслитель прежде всего религиозный, церковный, православный. Его творчество характеризуется тем, что оно очень органично сочетает в себе глубину и высоту умозрения, глубину созерцания, предвидение пророка, высокохудожественную поэтичность литературного

слога и стратегию политика. Все это он сочетает в себе, Иван Ильин, в этом заключается его универсализм.

Иван Александрович Ильин учит нас любить Россию, думать о России, о ее истории, культуре. Его наследие актуально и в XXI веке. Благополучие России как геополитической державы должно утверждаться на базовых ценностях, составляющих основу мировоззрения и нравственности всего российского общества. Среди других народов мира Россия выделялась всегда высокой степенью причастности к мировоззренческим и этическим ценностям христианства. В своей истории Россия следовала тому евангельскому идеалу, признание или отвержение которого представляет собой или, лучше сказать, определяет собой номинальный характер истории.

И если призвание и существование человечества заключает в себе находящуюся за рамками его имманентного бытия высокую цель, то выясняется, что только в системе духовно-религиозных и нравственных координат следует искать ключ к тому, чтобы адекватно интерпретировать мировой исторический процесс.

В своем выступлении я хочу подчеркнуть ту мысль, что уровень качества общественной структуры определяется уровнем сформированности каждой отдельной человеческой личности. Чем выше будет уровень духовно-нравственной, религиозно-мировоззренческой сформированности каждого отдельного человека, тем будет выше уровень нашей общественной структуры.

Иван Александрович Ильин говорил, что главная задача наших современников и наших соотечественников — самоопределиться и духовно, и мировоззренчески, и нравственно, и религиозно, и конфессионально, и политически.

Когда-то считалось, что главным фактором, обеспечивающим уровень общественной структуры, является экономический фактор. Экономический фактор действительно является важным, но не самым главным, не самым определяющим.

В Священном Писании по этому поводу говорится, что лучше дом с коркой сухого хлеба, но с миром, чем дом, полный заколотого скота, но с раздором.

Конечно, не только экономический фактор определяет уровень социальной структуры, благополучие России. Нет, прежде всего это духовный фактор. Благополучным мы назовем не такое общество, где будет изобилие материальных благ. Благополучным мы назовем такое общество, где будут сведены к минимуму такие явления, как психические и соматические болезни, аборт, разводы, алкоголизм, наркомания, табакокурение, преступность, суициды — вот если этих явлений в жизни нашего общества не будет, то такое общество мы назовем благополучным.

Говоря о духовном возрождении России, Ильин писал: "России нужен новый русский человек с обновленным религиозным, познава-

тельным, правовым, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным укладом".

Он говорил о том, что России необходимо религиозное доверие народа к власти. Власть инославная, иноверная или безверная всегда будет пользоваться в России скудным, урезанным, сомнительным авторитетом.

По его словам, русское православие воспринимает Бога любовью, посылает ему молитву в любви и обращается с любовью к миру и людям. Русскому народу необходимо духовное обновление. Но духовное обновление невозможно без церкви, и по этому поводу Иван Александрович Ильин говорит: "Что есть наша жизнь без Бога, без веры, без благодати, без церкви? Это все равно что источник без воды, очаг без огня, светильник без света. Но когда в нашей жизни присутствует причастность к высшему абсолютному божественному началу, тогда наша жизнь приобретает и смысл, и ценность, и полноту, и самое главное, она приобретает свое высшее и безусловное оправдание перед Богом".

Иван Александрович Ильин учит нас созерцанию, приобщению к религиозному опыту, учит нас пониманию церкви как проводника всех естественных божественных благодатей в жизни мира. И эта божественная благодать духовно обновляет, возрождает и преображает мир от самых высочайших вершин до самых далеких и скромных, но все-таки ценных периферийных реальностей бытия.

Можно заключить это выступление словами другого великого русского мыслителя, Алексея Федоровича Лосева, о том, что и во всех вещах, и во всех явлениях, и во всей природе, и во всем космосе, и во всех человеческих личностях, и во всем человеческом творчестве прекрасным является лишь озаренность со стороны этого высшего абсолютного божественного начала, то есть отражение во всем абсолютно-го лика Божьего.

Иван Александрович Ильин верил в то, что отражение лика Божьего будет сиять над Россией, которая традиционно именовала себя Святой Русью.

А.И. Александров. Спасибо.

Слово имеет первый заместитель председателя Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета Юрий Никифорович Солонин.

Ю.Н. Солонин. Я вышел на трибуну, обобранный и ошипанный предыдущими докладчиками, которые приготовленные мною заметки уже произнесли и, наверное, в лучшей форме, с лучшей интонацией и, конечно, пользуясь бóльшим вниманием аудитории, чем то, на которое я могу рассчитывать.

Начну с того, что скажу: Ильин не являлся в полном смысле слова открытием для людей того, так сказать, клана, к которому профессионально принадлежу я. И в целом какая-то часть его теоретического на-

следования была освоена людьми совестливыми, понимающими свою профессиональную обязанность.

Издание Полного собрания его сочинений, о котором говорил мой коллега Лисица, открывает нам деятельность Ильина с другой стороны. Удивляешься такой чудовищной работоспособности и видишь свое удивительное несовершенство.

Хочу сказать, что на факультете, который я представляю, с Ильиным довольно основательно ознакомились студенты и преподаватели уже в 1991 году с легкой руки уже упоминавшегося здесь Полторацкого, который вместе со своей супругой являлся хранителем творческого наследия Ильина.

Так вышло, что в 1990, а затем в 1991 году Полторацкий приезжал в Россию по приглашению нашего факультета и прочел у нас ряд лекций, небольшой курс, где изложил идеи Ильина в новом, прежде нами не воспринимаемом свете. Печально, что Полторацкий скончался прямо в аудитории нашего факультета во время лекции. Будучи человеком очень больным, он имел мужество пересечь океан, чтобы в обновленной или обновляющейся России говорить о тех проблемах, которые до того были либо неприемлемы, либо не имели широкого распространения.

И с того времени ведется дискуссия об Ильине в узком кругу профессионалов Петербурга, Москвы, других городов, чтобы определить его место в русской философии.

Я прошу вас обратить внимание на то, что, когда говорится о философии и берутся метафоры из "золотого века", Ильин не стоит в первых рядах, во всяком случае так было до недавнего времени. Надобно на это обстоятельство обратить внимание, не надо создавать себе иллюзию спаянности, интеллектуального консенсуса, "умственного оркестра", объединявшего мыслителей этого периода. Их разделяли глубочайшие расхождения, споры доходили в некоторых случаях до жестких крайностей.

Ильин, конечно, почитался человеком с первостепенным интеллектом, но он стоял в стороне от общего движения в направлении понимания судеб России, программ будущего, партийных бурь, которые в это время разыгрывались. И хотя исследование наверняка раскроет более сложную картину, он, по сути дела, не создал школу и не представляет ее. Он остается удивительно крупной фигурой, но все-таки он стоит в стороне.

Мы сейчас можем его вписать в ту или другую тенденцию, но это человек, "вываливающийся" силой своего интеллекта из ряда, и хотя по некоторым вопросам его взгляды совпадали, например, со взглядами Бердяева (идея аристократии), тем не менее они не были соратниками в этом интеллектуальном движении.

Надобно сохранять трезвость в оценке того, что сделано Ильиным. Во всяком случае, не поддаваться иллюзии того, что его тексты, его суждения, даже тот Проект Конституции, который здесь упоминался,

могут быть прямо переложимы на нашу реальность с какими-то поправками, которые внесла жизнь, что по ним можно жить, что все его рассуждения обладают суггестивной, нормативной формулой и если следовать им, то все будет благополучно. Конечно, это общие, отвлеченные суждения очень мощного мыслителя. Тем не менее они требуют серьезной корректировки и прагматизации. И задача эта лежит именно на нас, работающих в нынешней России в сложившихся условиях.

Надо обратить внимание на то, что, будучи в социальном смысле философом (помимо тех характеристик, которые были здесь даны), Ильин странным образом обошел (даже если это не является существенным фактором) экономическую действительность России. Он обошел и социальную проблему России, то раздирающее ее противоречие, которое не возникло на пустом месте, которое не было просто забвением этических основ жизни человека, индивидуума и общества в целом. И эту ситуацию нужно понять, принять во внимание, чтобы понимать творчество Ильина. В нем, конечно, есть огромный накал той мощи, которую рождает этико-религиозный утопизм. Но вот принять этот утопизм, эту побудительность как непримиримый призыв, потому что они, мол, также действуют здесь и сейчас, будет, конечно, неверно.

Нам предстоит, изучая его труды, провести огромную интеллектуальную и нравственную работу, чтобы понять, что же в трудах Ильина сказано применительно к нам и о нас. Конечно, этические суждения универсальны, свойственные человеку особенности воспринимаются как актуальность на протяжении тысячелетий. Поэтому можно цитировать, этические максимы, высказанные Платоном, апостолом Павлом, Августином Блаженным, Святыми Отцами православной церкви, просто моралистами светского толка.

И они звучат актуально, но это недостаточное основание для того, чтобы говорить: вот они-то и есть нормы нашего конкретного действия. Давайте обратим внимание на такую проблему: почему так фатально все расходится, почему совершенные институты вдруг оказываются несовершенными, распадаются, становятся бессильными, разлагаются, в чем причина всего этого? Вопрос, на который Ильин тоже не в состоянии дать ответ. И не только он не способен дать ответ, но множество ученых, философов, религиозных деятелей разного толка. Из моря суждений конкретному живущему человеку приходится выбирать, что же подходит к его собственной жизни.

Что еще я хотел бы сказать. Ильин при гигантском объеме написанного им не является ученым-энциклопедистом, то есть тем универсальным мыслителем, который высказался обо всем по всякому поводу, по любой теме, в любой науке оставил свой след. Мы не должны забывать, что, хотя есть исключения, энциклопедизм нередко связан с дилетантизмом, с поверхностностью. У Ильина как раз этого не было ни в коей мере.

Так в чем заключается особенность Ильина? В понятии "сосредоточенность". Это мыслитель удивительной напряженности и сосредоточенности, сконцентрированный на той гигантской проблеме, которую для него представляла Россия. И это чрезвычайно важная особенность творчества Ильина, которая объединяет тематически самые разные сочинения.

И сама Россия воспринимается им не просто как некая социокультурная, социоисторическая реальность со всеми ее сложностями и противоречиями. Он Россию воспринимает существенно, теологически. Это своего рода наиболее совершенный на земле проект Бога, который только требует еще, чтобы его раскрыли в полноте возможностей, заложенных в этом проекте.

Поэтому, безусловно, в своей социальной философии, философии истории, философии культуры, как справедливо было отмечено, Ильин теоцентричен. Это специфическая форма некоей теологии, которая соединяет собственно теологию и некую светскую теологию. Позволю себе такую не очень правильную, не очень приемлемую, но для данного случая подходящую форму выражения, такую метафору.

Несовершенство истории в том, что она каждый раз не давала возможность этому божественному проекту, которым является Россия, раскрыться в своей полноте. И поэтому все суждения, высказанные Ильиным, как раз направлены на то, чтобы мы смогли раскрыть этот проект.

Если пользоваться современным выражением, сочинения Ильина можно было бы назвать матрицей. Это единый устойчивый комплекс мыслей, который в различных видах, проблематиках, вариациях присутствует во всех его сочинениях.

Прежде всего эта матричность выражена в его труде "Аксиомы религиозного опыта". Это попытка свести все многообразие проблем к какому-то единому, законченному, лаконичному теоретическому выражению, и эти аксиомы в специфической экземплификации присутствуют в его этическом учении, правовом учении. Но все они на самом деле являются трансформациями аксиом религиозного опыта человека. И как раз наличие этих трансформаций одного и того же объединяет всю совокупность его сочинений. Это в каком-то отношении разговор об одном и том же на разном материале, разным языком, в разных модификациях. То есть внутренняя идеальная форма сочинений одна и та же. Это чрезвычайно важное и редко встречающееся свойство настоящего мыслителя.

Я уже сказал, что Иван Александрович Ильин не принадлежит к какому-то конкретному философско-политическому, правовому течению. И народ, и самого человека, и общество он понимает как живой целостный организм. В философии есть такое понятие, как целостность, но не в бытовом смысле, а в некоем категориальном выражении, как органичное единство и уникальность того, что подлежит рас-

смотрению, которое определяет все составные части, входящие в это целостное. Это не есть некое биологизаторство или что-то подобное, в чем обвиняют сторонников этого направления. Во второй половине XIX века вот это направление целостности, которое противостояло системологическому направлению, чрезвычайно прочно укрепилось. Неслучайно те, кого называли представителями консервативного направления и которые противостояли индивидуалистическому либерализму, зафиксированному в системологической философии, тяготели к этой философии целостности. Назову в качестве примера Николая Лосского. Это чрезвычайно важное направление, и люди принадлежали к нему объективно. Они понимали, что индивидуалистический взгляд на мир изживает себя. Целостность — это то, что живет собственной жизнью, что имеет собственные законы, и законы эти не являются суммой похоти, стремлений индивидов, что как раз индивиды приобретают свой смысл и свои жизненные достоинства постольку, поскольку на них падает свет высшей цели существования этой целостности.

Хотя Иван Ильин не разрабатывает в метафизических понятиях идею целостности, органического единства, тем не менее он принадлежит к этому направлению.

Что любопытно, он в понятие "государство" не включает понятие целостности. В этом смысле государство есть дериват, то есть производное определенных взаимоотношений, функций. А общество, народ, культура — три основных объекта, которые представляют собой самую фундаментальную целостность и которые не живут отдельно друг от друга, а находятся в каком-то синхроническом и симфоническом соотношении между собою.

Первый серьезный труд Ильина — это его докторская диссертация, посвященная проблеме гегелевской философии, интерпретированной как некое учение о Боге и личности. Из этого первичного постулата возникает поверхностное впечатление, что вот (и было в свое время такое суждение) появился новый русский гегельянец немарксистского толка.

И сейчас еще идут споры (профессор Лисица, наверное, куда более сведущ в этом деле) о том, является ли он гегельянцем, оставил ли Гегель какой-то след в его творчестве. Я хотел бы заметить, что в философии Ильина присутствует ясное стремление сочетать несочетаемые или находящиеся в противоречивом столкновении характеристики общества, культуры, их свойства или отношения. И он пытается это все решить в каком-то этико-правовом смысле, полагая, что этот уровень решения всех основных социальных, государственных или политических проблем способен упразднить разрушающие эту целостность противоречия.

Может быть, моя интерпретация не вполне адекватна, спорить на этот счет не буду без детального изучения вопроса, однако думаю, что

и здесь заложен определенного рода интеллектуальный утопизм концепции Ильина.

В практическом смысле мы всегда пользуемся только односторонностями. Создавать сразу взвешенную универсальную теорию и постоянно следовать ей невозможно. Мы люди односторонности, мы движемся от одной крайности к другой, от одной односторонности к другой. Другое дело, что русский доводит эту односторонность до абсурда. Европейец как-то умеет вовремя остановиться или его какая-то сила останавливает. Научиться эти крайности продуктивно использовать, а не доводить их до степени разрушающего действия — это один из важнейших уроков, которые, думаю, следует извлечь из философии Ивана Александровича Ильина, потому что сам он полагал, что такие разрушительные крайности вполне могут быть устранены сознательным и верующим человеком.

А.И. Александров. Спасибо, Юрий Никифорович.

Слово предоставляется заведующему кафедрой истории государства и права Московской государственной юридической академии, доктору юридических наук, профессору Игорю Андреевичу Исаеву.

И.А. Исаев. Глубокоуважаемые участники совещания! Я бы даже сказал, товарищи, потому что мы сегодня делаем общее и очень важное дело.

С начала так называемой перестройки прошла целая череда реабилитаций имен. Не все они были одинаково ценны. Но Ильин как бы и не уходил из круга нашего мышления, потому что национальная идея не разыскивается где-то, она существует. Либо она есть, либо ее нет. И вот Ивану Александровичу Ильину удалось, по-моему, сформулировать эту идею самым четким, артикулированным образом.

Когда встала проблема поиска национальной идеи в 1990-е годы, имя Ильина стало самым востребованным. Причем к этому имени обращались и демократы (Михаил Александрович Краснов об этом неоднократно говорил), и представители других политических течений.

У Ильина можно найти очень много разных высказываний. Здесь есть одна опасность: Ильин афористичен по стилю, и каждое его положение может быть истолковано в разных, так сказать, смыслах.

Ильин охватывает огромное количество вопросов, проблем и аспектов, поэтому представители религиозных кругов, философы, юристы, другие специалисты могут у него найти то, что им надо. Ильин — энциклопедист, но энциклопедист не в просвещенческом, ренессансном смысле, а в глубоко духовном смысле этого слова. Поэтому то, что сегодня говорилось, можно и повторять. Мы возвращаемся к одним и тем же проблемам и аспектам учения Ильина. Это неслучайно, потому что он многоаспектен.

Для юристов очень важны несколько положений, которые Ильин сформулировал. Все-таки юрист он был не только по духу, но и по образованию. Понятие власти, которое Ильин очень широко использует,

постоянно к нему обращается, пожалуй, встречается у него так же часто, как и понятие правосознания. Правосознание в его понимании, да и в понимании Новгородцева, его учителя, это то состояние души и духа, которое существует где-то в глубине. Его не надо разыскивать, оно постоянно дает о себе знать, оно формирует и позитивное право, и представление естественного права, и многое другое.

Что касается власти, Ильин и о ней говорит совершенно иначе, чем его современники. Надо сказать, что сейчас мы говорим об Ильине как о фигуре изолированной в культурном, философском контексте, хотя в Европе была масса пересечений, были люди, которые занимались теми же проблемами, вели полемику с Ильиным, — тот же Бердяев, из иностранцев — Карл Шмидт. Это 1920-е годы, начало 1930-х годов, когда формулировались представления о власти совершенно иные, чем они были в XIX веке.

Хотел бы отметить один аспект: Ильин постоянно подчеркивает, говоря о власти, что власть — это единство. Власть не может быть несильной. Несильная власть — это отсутствие власти. Целый ряд моментов, к которым он обращается, связаны с разными аспектами власти, с иерархией, которую он в отличие от Бердяева совершенно по-другому рассматривает. Иерархия — это органическое явление, вырастающее из духа народа, нации, из духа религии этого народа. Иерархия отбирает тех людей, которые могут эту власть осуществлять законно.

И это столкновение двух понятий, столкновение власти как силы и права, которое обычно у юристов достаточно дискуссионно обсуждается, у Ильина органически связывается. Вообще он исходит из понятия организма как живого существа. Нация — это живое существо, и человек как живое существо в качестве части организма вписывается туда. Неорганичности быть не может, хотя существуют и механические системы власти, управления, государственности. Ильин противопоставляет им именно органический стиль и органический тип существования. Власть всегда едина, власть не может быть разделена.

Надо сказать, что Ильин нигде не употребляет такое понятие, как разделение власти. Власть не может делиться. Делятся функции, но не сама власть. Власть едина. Если в политическом организме существует власть, это целый организм, а если в нем появляются две власти, то это два политических существа, это двоевластие, это распад, это раскол. Идея единства проходит через многое. Это связано с аксиоматичностью тех самых представлений, о которых говорил только что уважаемый профессор, когда Ильин хочет все свести к каким-то жестким и четким формулам. Это ему часто и удается.

С Бердяевым они стояли на совершенно различных политических, идеологических позициях, но у них, мне кажется, есть одно общее направление, которое они выделяют. Это понятие нового средневековья. Ильин об этом не говорит, он не использует этот термин, а Бердяев

много об этом писал. Но то, что появляется в наше время и требуется нашему времени, у Ильина и Бердяева часто как бы дублируется. Ильин вводит в оборот понятия, которые как в те времена, так и в наше время ушли из оборота. Честь, достоинство, добровольное подчинение, служебность — это те самые понятия, которые связаны с органическим понятием государства, на чем Ильин настаивает.

Еще один момент, который юристу бросается в глаза. Ильин много говорит о естественном праве. Причем естественное право или естественное правосознание, как он иногда говорит, это не то естественное право, которое возникает в XVIII веке в Европе и связано с либеральными, демократическими, гуманистическими формами существования. Это нечто иное. Это то, что должно быть истинно.

Он иногда говорит о том, что эти, казалось бы, наивные формы естественного правосознания составляют основу позитивного права, они в нем проявляются. Если они не проявляются, то это право будет неправым. Вот это неправое право для юриста, конечно, антиномия, но Ильин, мне кажется, в это вкладывает очень глубокий смысл, на это надо обратить внимание.

И еще один аспект, который связан у Ильина с понятием единства власти. Это так называемое множество в единстве. Он выделяет две формы государственности, которые являются крайними: это тоталитаризм и партийная государственность, которую он прямо связывает с демократией.

Под партийной государственностью Ильин понимает то, что называется "охлократическая государственность". Это не та государственность, которая вырастает из реальных нужд, реального духа и реального правосознания народа. Под партией он понимает какую-то часть общества, которая свои интересы хочет представить как интересы всего общества, всего народа, всей нации, всего государства.

Ильин здесь полемизирует, иногда скрыто, иногда открыто, еще с одним течением. Это евразийцы, среди которых были такие крупные фигуры, как Николай Алексеев, Флоровский, Карсавин, — люди, глубоко проникшие в суть государственного бытия, общественного бытия, религиозно-духовного бытия.

Евразийцы говорили, что государственность может быть идеократической. Ильин не использует этот термин. Но все, что он говорит о государстве как о концентрации вокруг общей идеи, единой идеи, объединяющей людей, как о стержне, вокруг которого формируется и общество, и государство, и нация, это смыкание, приближение к этому течению.

Партийную государственность он сравнивает с государством идеократическим (термин евразийцев). Идеократическое государство формируется вокруг идеи-правительницы, которая подбирает людей, ведет правящий отбор, подбирает элиту, о чем сегодня уже говорилось.

Элита формируется из тех людей, которые могут максимально много сделать для общества, государства, для своего времени. Идея их отбирает. Они выходят наверх, на поверхность, они управляют. Это не бюрократическая структура псевдоэлиты, это не партийный подбор руководителей, это совершенно другое. Это люди, которые требуются в данный момент, и они приходят.

Ильин и говорит о таких людях, которые со своим духовным зарядом, со своей любовью к Родине, к России могут выйти наверх и управлять. Это будет совершенно другая партия, ее даже партией можно не называть. Это будет движение, течение, как угодно, это будет правящий отбор.

Эта идея Ильина, мне кажется, нуждается в более углубленной разработке, потому что там масса потенциалов, которые еще для нас не ясны.

Считаю, что для юристов наследие Ильина — это, может быть, одно из самых фундаментальных потенциалов, которые следует и еще только предстоит разрабатывать.

А.И. Александров. Спасибо, Игорь Андреевич.

Слово предоставляется сотруднику Антитеррористического центра государств — участников СНГ, доктору юридических наук Марине Анатольевне Кочубей.

М.А. Кочубей. Уважаемые коллеги! Мужской части аудитории придется смириться с тем, что женщина будет говорить о философии войны Ивана Ильина.

Современная философия, имея сегодня серьезный социальный заказ на переосмысление устройства общества, структуры общества, серьезных мотивационных течений в обществе, этот заказ не выполняет. Фактически философия продолжает идти по пути того, что мы называем европейским релятивизмом, и активно осваивать проблематику в лучшем случае глобализации, биоэтики и других серьезных проблем, а проблема философии войны остается на прикладном уровне.

И фактически ниша квалифицированных исследований заполняется трудами военных, политологов и отчасти юристов. Очевидно, что современные войны — локальные, инсургентские, партизанские, сетевые, террористические — требуют серьезного политического и философского осмысления как с точки зрения целеполагания и функциональности, так и с точки зрения необходимости и допустимости отступления от гуманитарных институтов. Это проза жизни, это философия войны, и она Иваном Ильиным также предполагалась.

Сегодня в обществе есть фантастический интерес к философским проблемам войны и мира, что само по себе указывает на качественно новое состояние социума, на изменение мотиваций социума в широком смысле. И совершенно логичным представляется обращение к философии Ивана Ильина, в том числе к его философии войны.

Иван Ильин — русский православный человек, государственный. И это человек пассионарный. Иван Ильин является апологетом воинской этики православия. Появился серьезный интерес именно к воинской этике православия. Если вы посещаете картинные галереи, то видите, что появляются изображения православных святых, которые символизируют этот вид деятельности. Совершенно отчетливо я вижу визуальный ряд такого рода картин, в том числе на православных выставках. Значит, обществу эта идея интересна, она крайне актуальна. В работах Ильина "Духовный смысл войны" и "О сопротивлении злу силой" это видно отчетливо.

Что касается той точки зрения, которую коллеги здесь высказывали. Ницше тоже исследовал проблемы войны и мира, проблемы силы и бессилия, но в силу дихотомичного европейского мышления он противопоставляет элитарное превосходство наступательной агрессии, с одной стороны, и бессилие, слабость, мягкость и податливость, с другой стороны.

В этом смысле Иван Ильин демонстрирует просто высоты духовного прозрения, и не только интеллектуального, но и душевного. Он смотрит на проблемы войны и мира гораздо шире. Воинская этика православия противопоставляется пацифизму как форме пораженчества, форме преступных мечтаний и опасных бездейственных рефлексий. Это очень существенный момент. И по Ильину пацифистский идеал утопичен. Это следует из его работ.

Что касается оценки начавшейся Первой мировой войны, то Ильин пишет: "Нет сомнения в том, что русский народ испытал и испытывает настоящую войну как призыв, ответить на который составляет для него не только правовую обязанность или моральный долг, но и живую духовную потребность. Мы словно проснулись и опомнились, что над нами стряслось, и почувствовали, как вновь загорелось в душе древнее чувство Родины. Война зовет защищать свободу твоей жизни от насилия поднявшихся врагов-иноземцев". И едва ли кто-то в этой аудитории возразит против того, что русское сознание мобилизационно в основе своей. В этом его огромный плюс, и в этом же его слабость.

Фактически мой народ мобилизуется тогда, когда "враг стоит у ворот". Нам надо дождаться, пока враг встанет у ворот, да? И тогда мы мобилизуемся. Иван Ильин это отчетливо понимал. Тем не менее он развивал эту позицию, говорил о том, что центральный вопрос для солдата любой войны: "За что умирать?" Это действительно так.

Здесь достаточно подготовленная и весьма квалифицированная аудитория, и вы прекрасно знаете статистику суицидов в армиях разных стран мира. Количество суицидов, скажем, на 10 тысяч воюющих солдат заметно выше, если армия воюет не на своей земле. Сегодня самые серьезные показатели суицидов нам демонстрирует армия НАТО в Афганистане и в Ираке. "Rent Corporation" в апреле 2008 года опубликовала подробные данные по этому поводу.

И в этом смысле Иван Ильин абсолютно прав: солдат будет воевать только за то, что ему действительно дорого, дорого ему лично, без чего он просто жить не может.

И с этим же связана проблема дезертирства. Суицид на войне — это своего рода дезертирство. Так вот, дезертирство возникает там, где солдату не за что воевать. Это серьезный вопрос военной философии.

Сегодня рассуждения о философии войны перестали быть академическими. Россия столкнулась с такими геополитическими военными угрозами, которые мы не наблюдали, пожалуй, с конца 1930-х годов. Я не собираюсь сгущать краски и пугать вас, но концепция национальной безопасности, даже та, которая писалась почти на коленке в конце 1999 года, достаточно адекватно отражает эти угрозы.

Смещаются центры силы, в том числе силы военной. Это все происходит на фоне отчаянной борьбы за энергоресурсы. Вы прекрасно понимаете, что все современные войны — это войны за энергоресурсы, за места их добычи или транспортные коридоры, по которым они поставляются. Это очень существенный момент.

Конфликты, генерирующие ситуацию, сегодня связаны с образованием квазигосударств. Я, кстати, очень благодарна Ватикану за то, что он не признал Косово.

Международные институты, что совершенно очевидно, не справляются с задачами локализации, недопущения военных конфликтов. В 2007 году в мире зафиксировано шесть серьезных войн, локальных и средней интенсивности, и 328 политических конфликтов, из них 130 вооруженных. Эти цифры указывают на то, что сегодня нет твердой грани между войной и миром. Мы находимся в состоянии перманентной войны. Это новая философия социума, и это новая философия войны.

Наблюдая за технологией подготовки новой военной концепции России и отслеживая те вопросы, которые ставил Генеральный штаб перед разработчиками этой концепции, я ясно понимала, что военные люди прагматичны, хорошо разбираются в военных технологиях, но им не хватает той самой философии войны, которая отчетливо сформировалась и в православии, и в философской науке. К сожалению, современная философия не предлагает обществу искомого продукта.

Что касается философии асимметричных войн, то они получили в военной науке разные названия — партизанские, инсургентские и так далее. Смысл заключается в том, что практически больше не воюют государства между собой, появился новый серьезный игрок на международном поле, которое не было к этому готово. Этот игрок — негосударственные воюющие субъекты. Мир заключать не с кем. Военные об этом стали кричать лет 20 назад. Мы хотим заключить мир — с кем? С талибами, например. Но каким образом?

То есть правовой стандарт, о котором Ильин тоже писал в контексте понимания военных технологий, перестал работать. И это очень существенный момент.

На мой взгляд, философия войны сегодня переживает большой социокультурный сдвиг. Отражать террористические акции партизанской войны невозможно стандартными военными действиями. Военные, в том числе российские, много пишут о том, что война Клаузевица ушла в прошлое. Сегодня в мире идут войны совершенно другого типа, они подлежат теоретическому осмыслению именно с точки зрения пребывания мира в состоянии перманентной войны.

И еще один момент. Как я говорила, современные войны полностью завязаны на вопросе контроля над энергоресурсами. Кстати говоря, об этом предупреждал товарищ Сталин. Может быть, кому-то неприятно будет услышать это имя, но я считаю, что это была очень точная оценка, выданная еще в 1946 году. В 15-м томе его Сочинений есть статья, где говорится, что после Второй мировой войны будущего будут войнами только за энергоресурсы. А Уинстон Черчилль в 1947 году сказал, что войны между государствами, пожалуй, ушли в прошлое и войны будущего — это войны террористические. Он едва ли не первый из политиков произнес это слово в таком осмысленном контексте. Это тоже очень серьезное предвидение, но оно не было озарением. Черчилль сам активно участвовал в формировании матрицы террористической войны, это мое глубокое убеждение.

Актуализируя этот тезис, я перехожу к современным политическим событиям. В ноябре 2006 года в Риге проходил саммит НАТО, на котором было заявлено, что НАТО следует готовиться к энергетическим угрозам со стороны Москвы. Повышение цен на топливо назвали энергетическим шантажом и призвали приравнять это к вооруженному нападению. А статья 5 Устава НАТО гласит, что вооруженное нападение хотя бы на одно государство альянса влечет реакцию со стороны НАТО — военные действия в защиту этого государства. Тогда речь шла об Украине. Представьте, Украина становится членом НАТО (совершенно реальная перспектива). В какую-нибудь новогоднюю ночь Российская Федерация перекрывает вентиль — и это расценивается как энергетическое посягательство и подпадает под агрессию.

НАТО очень серьезно относится к этим войнам, и господин Схеффер, Генеральный секретарь НАТО, обозначил способы реагирования на такого рода угрозы — оснащение, переоснащение армии. И тут нелишне вспомнить оценку Иваном Ильиным стратегических ошибок Гитлера: "Как близорукий дилетант, он решил, что весь секрет в том, чтобы воевать на чужой территории, грабить ее и кормить свой народ, сидящий, как на скачках, в стратегической ложе. А между тем на своей территории народ дерется совсем иначе, отдавая все силы и обороняясь до последнего". По-моему, это очень актуально, Схефферу надо давать на ночь читать.

"Еще грубее была ошибка Гитлера пытаться бороться сразу и с коммунистами, и с русским народом. Произошло это от сочетания невежества, самомнения психологии торопливого выскочки, расистского

презрения к другим народам и прямого политико-психологического бессмыслия".

Я считаю, что философия Ивана Ильина постулирует правило: тот, кто встал на колени, будет уничтожен первым. Он прямо пишет: "Таков духовный закон — несопротивляющийся злу поглощается им". Поэтому благонамеренный и столь модный сегодня пацифизм, на мой взгляд, так же опасен, как агрессивный милитаризм. Угрозы современной войны просто не оставляют места для такого вот модного пацифизма.

По счастью, в православии и в православной философии заложены основы того, чтобы мы могли адекватно смотреть на разработку собственной военной позиции.

А.И. Александров. Спасибо, Марина Анатольевна.

Хотел бы пригласить на трибуну руководителя Центра социально-педагогических нововведений и традиций Социально-инновационного центра России, профессора Московской государственной консерватории, доктора искусствоведения Вячеслава Вячеславовича Медушевского.

В.В. Медушевский. Тема моего выступления — **"Через полвека после И.А. Ильина: социальная педагогика сегодня"**.

Провидческая сила Ивана Ильина беспрецедентна. Зримо, словно живя в одно время с нами, описал он ход постсоветской перестройки, наши беды, опасности, проблемы, творческие задания.

Мыслью своей он наш современник. Больше того, возродитель России. Ведь народ — это не одно поколение. Это исторический организм, восстановлению которого от смертельной болезни Ильин отдал всего себя.

Он писал: "Преклонение перед святым и героем возвышает душу: оно дает ей сразу — и смирение, и чувство собственного достоинства, и чувство ранга; оно указывает ей — и задание, и верный путь. И так национальный герой ведет свой народ даже из-за гроба"¹.

Откуда эта способность? Ильин ничего не выдумывал. Онтологическая предметность бытия вставала пред его взором, потому что он любил Россию как дивную правду, которая и проговаривалась в его трудах. Небесное ясновидение любви сближает его со всеми гениями России, воспитателями нации.

О таинстве воспитания страны — моя речь. О том, как в духе мысли Ильина выстраивать науку и практику **социальной педагогики**, главного делания человечества.

Под социальной педагогикой понимается все дело воспитания в обществе, как оно совершается в духе власти, хозяйствования, в науке, искусстве, языке, СМИ. Она столь едина, что ни один из ее элементов, например школу, не исправить без исцеления целого. Потому и пред-

¹ *Ильин И.* Путь к очевидности. М., 1993. С. 239.

метод науки, адекватно ее изучающей, может быть только единое: внутреннее, сущностное, сердцевинное.

То сокровенное, к чему она стремится, есть дух нации, способный угасать и возгораться.

Ильин писал: "Мы не верим и не поверим ни в какую "внешнюю реформу", которая могла бы спасти нас сама по себе, независимо от внутреннего, душевно-духовного изменения человека... Невозможно, чтобы дрянные люди со злою волею... усовершенствовали общественную жизнь. Жадный пустит в ход все средства; продажный все продаст; человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление".

Если, по Гераклиту, "все едино" и "многознание уму не научает", то незачем распыляться на триллионы частных.

Ключ к единству, по Ильину, в понятии **предметности**. В нем презумпция истины, вера в то, что она есть, и притом бесконечно выше человечества. Здесь путь к гениальности. Если ж решим, что это мы сотворили истину, отсюда путь в дурдом.

Предметность мышления — источник не только зречести ума, но также творческой воли и красоты сердца. Откуда иначе взяться пламени жертвенного служения, подвига, правде сердца, вдохновению жизни? От самовнушений не больше проку, чем от пьяных фантазий. Творческий энтузиазм народа — иной природы. В чем предметность, например, мужества? Оно, по учению Святых Отцов, есть твердость стояния в истине. А если нет ее в сердце? Тогда вместо мужества имеем суррогат — наглость, которая взамен умножения любви в народе плодит злобу.

Потеря предметной ориентации в бытии смертельна. От нее гибли народы и цивилизации.

Предметный подход восстановит в онтологическом достоинстве важнейшие для социальной педагогики понятия **культуры и традиции**. Культура — не испарения коллективной души. У нее есть предмет. Он столь высок, что заповедан уже в раю. Культура — возделывание рая. Эту заповедь Святые Отцы понимали не в сельскохозяйственном смысле, а как жизнь в мысли Божией, в Его любви.

Непослушание истине дало начало антикультуре — возделыванию ада.

Антикультура беспредметна — чисто отрицательна. Нет ведь в природе лучей тьмы. Есть лучи света; тьма — их отсутствие. Точно так же не может быть и культуры тьмы, лжи, насилия. Антикультура меняет предметное содержание жизни на фикции и симулякры, отрицательные псевдопредметы. Бог не сотворял зла. Оно возникло от бешенства твари. "Озлился и не захотел", по Достоевскому. Не захотел любить, то есть быть в Боге, Который есть любовь, — тут же стал завидовать, отделяться, разделяться, отнимать, насиловать. Многовидное зло искусало народную душу.

Как слит закон с его исполнением, так в культуре предметна слитость ее сакрального генетического ядра с обновляемой светской периферией. Святому Серафиму Саровскому Господь сказал: человечество спасется, лишь приведя в единство расколотые сферы. Пагубность распада и пути единения описал Ильин. Виртуозным анализом государства и права дал пример всем областям культуры.

В динамике истории культура рая дает понятие **традиции**. По-русски это Предание: передача от поколения к поколению опыта святой жизни в подвиге служения. Этой заповедью Христа поднялась величайшая цивилизация на земле. Один из моих китайских студентов на вопрос, что они думают о сегодняшней России, с крайней серьезностью ответил: "Нельзя отходить от традиции". Почему этого не понимаем мы?

Управление в социальной педагогике. Оно тоже предметно. Дар управления, по апостолу Павлу, величайший из даров Святого Духа, истинного Управляющего жизнью.

Отличие от псевдоуправления просто: онтологически высшее должно быть наверху. А если наоборот? Тогда согласно политической теории китайского мыслителя VIII века до Р.Х. Гуань Чжуня ориентация на правду сменяется установкой на силу. Семья перестает быть добрым прообразом государства. Страшные плоды подобных перемен в XX веке Ильин описал в статье "Политика и уголовщина".

Как воспитать творческую элиту и поднять нацию из омута цинизма?

Здесь мы переходим к вопросам **практики**. Все, рассмотренное только что *in abstracto*, надо приложить к конкретному "сейчас и здесь" нашей жизни.

Ильинский критерий предметности вновь сослужит добрую службу: укажет на коренные неправильности, связанные с потерей целей, напомним их, а далее с использованием современных методов процессного управления поможет изменить ситуацию (попутно возвысив саму методику идеалом смысловой предметности).

Практику нужно вновь развернуть от центробежности к центростремительности. Ее исходные смыслы помнит этимология. Экономика выросла из выражения апостола Павла: домостроительство Божьей благодати. Лютер сместил акцент на бережливость, ибо роскошь уходит от духовных смыслов жизни. А сейчас экономика уже насквозь прошита центробежными силами. Дух корысти прикрылся модной идеологией рыночной экономики (безумной с точки зрения стран с настоящей рыночной экономикой). Грибок коррупции разъел школу. Если покупать хорошие оценки — нормально, то есть ли что-то, чего нельзя было бы купить? Ради наживы отцов дети растлеваются курением, пивом, развратом разного рода. Слово "индустрия" в переводе — усердие, рвение. Благородное свойство души! Но куда рвется душа в индустрии разврата? Страна прислуживает ей, не имея и минимальных рычагов общественного контроля над насильником.

Как оздоровить практику, замкнув ее на главную цель нации — воспитание людей и духовно-нравственный подъем страны?

"Каков делатель — таково и дело", — учит Библия. Но и дела отбирают для себя делателей. Дела предметные, наполненные семейной теплотой и нравственностью, пробуждают дух стопроцентной творческой инициативы (как в новациях японского опыта управления — см. статью автора в журнале "Экономические стратегии", 2008, № 3).

Начинать надо с конкретных дел — где возможно, где есть инициативы. А дальше от одного очага пробужденным им энтузиазмом возжигаются другие.

Здесь заканчивается предварительная постановка вопроса. Дальнейшая конкретизация уходит в работу "круглых столов", в организацию постоянной деятельности многих специалистов — в частности, как мы предполагаем, в рамках Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви".

Через полвека после Ивана Ильина темп растления нации ускорился, что он предвидел. С другой стороны, мировой опыт процессного управления, умноженный на глубину аналитической мысли великого мыслителя и на богатейшие традиции России, позволяет надеяться на возвращение в страну духа жизни, который выведет ее из Смутного времени и подаст добрый пример всей земле.

А.И. Александров. Спасибо, Вячеслав Вячеславович.

Слово для краткого введения в тематику "круглых столов" предоставляется генеральному директору Социально-инновационного центра России Михаилу Григорьевичу Розинскому.

М.Г. Розинский. Уважаемые участники конференции. Я хотел бы обратить ваше внимание на следующие моменты в целостной системе взглядов Ивана Ильина, которые определили логику выбора тематики трех наших "круглых столов".

Прежде всего на присутствие "**вселенскости**" в трудах Ильина, включающей как органическое свойство особенные дарования и предназначения каждой личности и каждого народа. Его глубокую сосредоточенность в этой системе координат на предназначении русского человека, русского народа и русского государства.

Во-первых, Иван Ильин в своих трудах предлагает рассмотрение на общечеловеческом уровне (но сквозь призму острейших российских проблем, не теряющих своей значимости и поучительности для других стран и народов) связей государство — общество — личность, предметом которых являются право — правоприменение — правосознание.

На конференции этому посвящен первый "круглый стол".

Во-вторых, предлагаются рассмотрение и осмысление связей личность — общество — государство, предметом которых являются воспитание — образование — социальная педагогика.

Этой тематике посвящается второй "круглый стол".

Подчеркну, что здесь как раз проявляется логика организма: обе эти цепочки от государства к личности и от личности к государству взаимно дополняют друг друга, неразрывны и иерархичны.

В-третьих, предлагается осмысление предназначения, особенностей и лица России среди народов мира.

По И.А.Ильину:

Особенности: климат; территория; многонациональность.

Предназначение: явиться единым социально-культурным организмом, единым хозяйственным организмом, единым государственным организмом. (Образ не "казармы", а "семьи".)

О проблемах и путях исполнения предназначения России как живого целого, органично соединяющего народы, регионы и материальные богатства, будет говориться на третьем "круглом столе".

Таким образом, "круглые столы" конференции должны послужить началом процесса творческого продумывания возможностей перевода в практическую плоскость идей выдающегося патриота-мыслителя с учетом современного состояния общества. Продумывания нами, его соотечественниками, желающими соединить свои усилия для освоения во благо России этого богатого идейного наследства.

А.И. Александров. Спасибо, Михаил Григорьевич.

Мы сейчас вот какой вопрос должны обсудить. У вас среди документов есть проект Итогового документа конференции. Предлагаю принять его сейчас за основу, а после завершения работы "круглых столов" обсудить какие-то замечания, поправки в этот документ. Нет возражений? Нет.

Итоговый документ конференции принимается за основу. После перерыва мы продолжим работу в рамках "круглых столов".

**МАТЕРИАЛЫ
ПО ОБОБЩЕНИЮ РАБОТЫ "КРУГЛЫХ СТОЛОВ"**

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" I

"Во имя расцвета грядущей России: иерархия ценностей в развитии институтов власти и гражданского общества — право, правоприменение, правосознание"

В материале по обобщению идей, высказанных на "круглом столе" I, нашли отражение суждения и предложения всех участников, среди которых следует отметить вклад: **проф. В.К. Андреева, к.ю.н. А.К. Бондарева, к.ю.н. А.Г. Елизарова, к.ю.н. С.В. Ковпака, к.ю.н. Н.М. Колосовой, к.ю.н. Д.Л. Комягина, проф. Н.Ф. Медушевской.**

Вел "круглый стол" **проф. М.А. Краснов.**

Дискуссия в рамках данного "круглого стола" показала, что даже среди мировоззренческих единомышленников, во всяком случае людей, симпатизирующих общему строю идей И.А. Ильина, существует довольно большой разброс как в оценке существующего в нашем государстве порядка вещей, так и в понимании основных направлений развития российской государственности.

Так, одним из моментов, вызвавших горячие споры, было *отношение к идее разделения властей*. Однако, судя по выступлениям, те, кто считает разделение властей идеей вредной для государственности, плохо представляют себе как суть данного принципа, его значение, так и позицию И.А. Ильина по этому вопросу. В этом, как в капле воды, проявилось общее недостаточное, точнее, поверхностное понимание концепции государственности Ильина. Многие обобщенно видят во взглядах Ильина только два слова: "сильное государство" — и на основе только этого прямолинейно записывают великого мыслителя в разряд "державников", т.е. тех, кто обожествляет государство, считая, что только оно и есть высшая ценность. Это и ошибочно, и контрпродуктивно для страны.

Во-первых, тем самым пресекается возможность какого-либо диалога с той частью общества и элиты, которая отрицает поклонение государству, обычно превращающееся в оправдание любых действий власти и имеющее в пределе обожествление власти и прежде всего властителя. Во-вторых, сам И.А. Ильин никогда не ставил вопрос именно таким образом (в противном случае его идеи вряд ли можно было бы назвать выдающимися). В том-то и дело, что он говорил:

"Сила власти есть прежде всего ее духовно-государственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее **способность импонировать гражданам**".

"Сила власти проявляется не в крике, не в суете, не в претенциозности, не в похвальбе и не в терроре. **Истинная сила власти состоит в ее способности звать не грозя и встречать верный отклик в народе.** Ибо власть есть прежде всего и больше всего дух и воля, т. е. достоинство и правота наверху, которым отвечает свободная лояльность снизу. Чем меньшее напряжение нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть".

"Сильная власть грядущей России должна быть не внеправовая и не сверхправовая, а **оформленная правом и служащая по праву, при помощи права** — всенародному правопорядку. **России нужна власть не произвольная, не тираническая, не безграничная. Она должна иметь свои законные пределы, свои полномочия, обязанности и запреты — во всех своих инстанциях и проявлениях.** Это относится и к органу верховной власти, как бы он ни назывался и кем бы ни был представлен. **Русский народ должен осознать себя как правовое единство,** как Субъекта Права, состоящего из множества субъектов права: как живую Всероссийскую Личность, которую строит и ведет сильная правовая власть".

"Социальность" — это живая справедливость и живое братство людей; и потому всякое установление, всякий порядок, всякий закон, от которых жизнь становится справедливее и братство крепнет, — "социальны". Понятно, что первое условие "социальности" — это **бережное отношение к человеческой личности: к ее достоинству, к ее свободе**".

Таким образом, можно видеть, что сильное государство, по Ильину, это — правовое государство, т.е. государство, само связанное правом в его высшем божественном смысле, а потому служащее главному — защите человеческого достоинства. Только такое государство, как считал Ильин, способно и само обладать достоинством и авторитетом. Разделение же властей есть не самоценность, а только один из инструментов, которые способны институционально обеспечить верховенство права. Другими словами, Ильина нельзя отнести к "этацентристам". Да, он был за сильное, но не всеильное государство, ибо второе понятие означает Державность, держащуюся на произволе одних и слепом подчинении, страхе других. Такого рода государств в истории было немало. Но без свободной лояльности подобная государственность неустойчива в долгосрочном и даже в среднесрочном планах, а главное, она сковывает творческий потенциал общества и каждого человека в отдельности.

Из этого, однако, вытекает первый практический вопрос: если российская Конституция закрепила принцип разделения властей, то почему мы — граждане — не очень ощущаем того правового духа нашей государственности, который только и способен дать мощный импульс для выплеска творческих сил народа? Ответ на этот вопрос необходимо найти, ибо от него зависит направление дальнейшего государственного строительства.

Второй вопрос, поднятый участниками "круглого стола", можно сформулировать так: *нужна ли современной России правовая идеология?* Причем некоторые говорили о необходимости ее формализации. Предложение о выработке подобной идеологии не получило поддержки. Было справедливо замечено, что правовая идеология уже содержится в Конституции России. Она, так сказать, разбросана по тексту Конституции, прежде всего это те ценности, принципы, которые Конституция России провозглашает. Противоречат ли эти ценности тем, которые И.А. Ильин считал необходимыми для России? Этот вопрос также должен быть предметом исследования. Но предварительно можно предположить, что основные конституционные ценности не вызвали бы отторжения у Ильина. Другое дело, что он мог бы, наверное, не согласиться с формулировками тех или иных ценностей. Однако мы должны понимать причину внешне "антиэтатистских" формулировок. Разрабатывали конституционный текст люди, которые, с одной стороны, во многом еще были носителями советских представлений, над которыми довлела текущая социальная и политическая ситуация, которые, наконец, не выстрадали, что называется, не выносили в себе философию должного государственного строительства. С другой стороны, эти люди инстинктивно хотели создать такой конституционный текст, который радикально рвал бы со всем большевистским наследием. Как выразился один современный исследователь конституционализма, "Конституции рождаются в страхе перед былым деспотизмом. [...] Конституции, которые возникли после тираний и однопартийных правительств, нашпигованы ненавистью ко всему, что связано с однопартийной системой и узурпацией власти". Этот феномен со всей очевидностью проявил и, видимо, не мог не проявить себя в нашей современной Конституции.

В то же время современная драма российской государственности и состоит в том, что мы все ощущаем "ножницы" между конституционно закрепляемыми основами того, что можно назвать правовой идеологией, и реальным правотворчеством, а также правоприменительной практикой — как судебной, так и административной. Эти "ножницы" порождают и у исследователей, и в обществе в целом сакраментальный вопрос: что это — следствие наших социокультурных и исторических особенностей или неудачная конфигурация институтов власти?

Это — еще одно необходимое направление исследований. Пока же гипотетически можно сказать, что, скорее всего, это все-таки следствие обоих факторов. В таком случае возникает новый вопрос: *что нужно предпринять для того, чтобы ильинский дух российской государственности положить в основу последней?*

И.А. Ильин дал замечательную методологическую основу, которая способна быть практическим путеводителем для разрешения данной проблемы. Он, в частности, писал:

"Современный русский политик, к какому бы возрасту он ни принадлежал и в какой бы стране он ни находился, должен продумать до конца трагический опыт русского крушения и затем обратиться к истории. Он должен отыскать в истории человечества живые и здоровые основы всякой государственности, основные аксиомы права и государственного здоровья и проследить их развитие и судьбу в русской истории. Тогда ему откроется судьба русского государства — источники его силы (чем держалась и крепла Россия?), ход его великодержавия (рост России вопреки всем затруднениям и препятствиям!) и причины его периодических крушений (иссыкание государственного чувства и жертвенности). И пусть он всмотрится в современное положение России и пусть попытается представить себе ее грядущие очертания... И тогда — пусть он выскажет публично то, что он увидит".

"В грядущей России необходимо будет найти **верное**, жизненно-целесообразное, **для русского правосознания — подходящее сочетание из учреждения и корпорации**. Участие русского гражданина в строительстве русского государства будет драгоценно, жизненно, необходимо; но оно не должно будет ослаблять силу государственной власти. Это участие не должно колебать и разлагать ее единства, авторитета и ее силы. Составитель будущей русской конституции должен понять и запомнить, что все установления, правила и обычаи демократического строя, которые усиливают центробежные силы в политике или ослабляют центростремительные тяготения народной жизни, — должны быть специально для России обезврежены и заменены иными, **закрепляющими национальное единение**. Здесь потребуются творчество новых государственных форм: нового избирательного права, новых партийных принципов, новых форм контроля, единения и водительства. Русский гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, — даже и там, где он не участвует в делах формальным голосованием. Форма "общественного договора" неосуществима в России: — **всенародный сговор с арифметическим подсчетом голосов быстро развалит русское государство**. Но именно поэтому "общественный договор" должен стать живой, всепокрывающей, непоколебимой **предпосылкой русского правосознания**".

"Сильная власть отнюдь не должна привести в России к формам **централизации и бюрократизма**. Русское государство должно быть единым, но дифференцированным. Оно должно иметь **сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России**. Центральное управление не сможет обойтись без назначаемого чиновничества, но надо будет найти новые формы для выдвижения снизу людей талантливых и достойных назначе-

ния. И в то же время бюрократии центра должно соответствовать широкое — местное, сословное и профессиональное самоуправление. Россия должна иметь **сильный центр, формально-авторитетный, но по существу и по духу — народный и народный**".

"Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться,— русский народ увидит себя **без ведущего слоя**. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. То, *в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего — будет **новый ведущий слой***.

Мы знаем и понимаем, в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции: она будет состоять в **выделении кверху лучших людей**, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих **новых русских людей** удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет,— то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости".

"Прежде всего, ведущий слой не есть **ни замкнутая "каста", ни наследственное или потомственное "сословие"**. По составу своему он есть нечто **живое**, подвижное, всегда пополняющееся **новыми, способными людьми** и всегда готовое освободить себя от неспособных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинул еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в "опричнине".

"Вместе с тем в России должна быть искоренена дурная традиция **"кормления"**, т.е. **частного наживания на публичной должности**. Государственный чиновник, так же как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольствоваться получаемым им окладом ("жалованьем") и не пополнять его никакими "прибытками" или "поборами" с обслуживаемого им населения. Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку **удовлетворяющее его вознаграждение** и должны переживаться им не как "кормление", а как **служение**. Конец взятке, растрате и всякой продажности!.. Всякая власть, всякое водительство обязывает к самоограничению!.. Только этим возродим Россию.

Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в **слишком высокой оценке государственной власти**, ее значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть **власть, извне подходящая к человеку**, предписывающая и воспрещающая ему **независимо от его согласия или несогласия** и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все твор-

ческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, **не подлежат ведению государственной власти** и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать оказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей".

"Ведущий слой призван **вести**, а не гнать, не запугивать, не поработать людей. Он призван **читать и поощрять свободное творчество ведомого народа**. Лучший способ вести есть живой пример. Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ; а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, **достоинством и свободой личного духа**, во-вторых, самодеятельностью творческого инстинкта человека. России нужна власть, **верно блюдущая свою меру**".

"Суворов готовил каждое сражение, разъясняя солдатам ход и смысл предстоящей операции; и именно благодаря этому он выигрывал бой за боем. Так и в политической жизни. Она делается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием, их характером, их чувством долга, их организационными навыками, их уважением к закону. Все это **надо воспитать**. Нелепо вводить в стране государственную форму, не считаясь с уровнем и с навыками народного правосознания. Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой. Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным".

Итак, если вывести из этих идей великого философа практические задачи, то их можно было бы сформулировать следующим образом:

Первое. Глубокое изучение правового сознания народа с тем, однако, чтобы строить государственность не для потакания некоторым низменным, темным чертам общественного сознания, а чтобы выявлять, стимулировать, направлять высокие помыслы и устремления.

Второе. Поиск институциональных механизмов с целью выявления тех, кто составит элиту страны.

Третье. Создание таких правовых и организационных механизмов, которые задавали бы нравственные ориентиры для этой элиты и одновременно служили критериями оценки действий тех или иных ее представителей.

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" II
"Во имя расцвета грядущей России:
духовно-нравственные ориентиры
в построении социальной культуры —
воспитание, образование, социальная педагогика"

И.А. Ильину принадлежит важная социальная инновация, состоящая в том, что он углубил современное значение таких социальных понятий, как: "право", "воспитание", "образование", "труд", "хозяйство", "собственность", восстановив их более высокий статус как "духовных" предметов. Это придает им, при всей дифференцированности, внутреннее единство, позволяет взаимно питать и поддерживать друг друга, определяя содержание социальной культуры, а нам глубже понимать их смысл и назначение.

В материале по обобщению идей, высказанных на "круглом столе" II, нашли отражение суждения и предложения всех участников, среди которых следует отметить вклад: **проф. А.Б. Ефимова**, **игум. Вениамина (Лабутина)**, **прот. Дмитрия (Лескина)**, **проф. В.В. Медушевского**, **проф. Л.М. Миронова**, **проф. Т.С. Резниченко**, **игум. Георгия (Шестуна)**, **игум. Киприана (Ященко)**. На "круглом столе" выступили председатель Комитета Государственной Думы по культуре **Г.П. Ивлиев**, генеральный директор Социально-инновационного центра России **М.Г. Розинский**.

Вел "круглый стол" **проф. Ю.Т. Лисица**.

1. О национальной идее

Национальная идея, имея национально осознанный и выстраданный стержень духовной традиции, не сводится к какому-то одному положению. Она имеет способность проявляться в разных формах, сохраняя свою духовную сущность. Нелепо, например, говорить о том, чтобы образованный человек свел все свое миропонимание к одной жестко оформленной идее. Такого не бывает. И полифоничность Ильина в этом смысле очень привлекательна. Есть свое мироощущение у Пушкина, у Достоевского, свое мироощущение мы видим и у Ильина. Мы видим разные формы национальной идеи, принадлежащие единой национальной культуре, обогащающие единое национальное самосознание. Отсюда национальную идею не следует искать как какое-то новшество, чем иногда занимаются отдельные политические движения. Продуктивнее было бы, как делал Ильин, осмысленно взглянуть в историю.

Что для нас сейчас является необходимым, так это перевод мыслей Ильина о национальной идее, о патриотизме, о культуре в практическую плоскость. Например, для действующего политика важно не просто усвоение замечательных идей, важно найти способы преломления их в государственной деятельности, в подъеме социальной культуры, которая включает развитие правосознания и подлинного патриотизма.

2. О "россиеведении" Ильина

Самым дорогим было для Ильина понятие Родины. Ильин не только описывает положительные и восхитительные стороны своего предмета, который можно назвать "россиеведение", но с горечью отмечает и анализирует недостатки, исторические провалы русского народа и русского государства. Ильин — философ конкретного мышления, предметного мышления. В некоторых своих произведениях он достиг по-настоящему пророческого дерзновения, ощутил те пути и исходы, те самые болевые точки, которые могут повергнуть Россию в небытие, и прописал выходы из этой ситуации.

Он писал: "Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божьи дары, что по-прежнему лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет, и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге и любить ее духом, а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона, перестанут быть русскими".

В последних своих произведениях, во время мирового апофеоза Советского Союза, в конце 1940-х — начале 1950-х годов Ильин прогнозирует и неизбежный крах Советского Союза и все, что случится вслед за ним. Он ощущает горечь разрушения колоссальной империи, со скорбью предчувствует всеобщую национальную судорогу, которая парализует Россию после падения коммунизма. Предвидит, что вся страна вскипит жадной мести, крови, нового имущественного передела, "тогда вырвутся, — пишет он, — наверх десятки авантюристов, из которых три четвертых будут работать на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи".

Ильин знает, что само историческое бытие России будет в какой-то момент поставлено под вопрос, и указывает на единственный путь преодоления хаоса и распада — **путь духовного обновления**, путь восстановления в народе христианской совести, веры в силу добра, верного чутья к злу, чувства чести, способности к верности. "На этой только духовной основе может начаться, — пишет он, — подлинное государственное и национальное строительство. На смену продажной и беспринципной олигархии переходного времени должна прийти нацио-

нально мыслящая элита, и именно в выделении кверху лучших людей состоит основная задача России. Без этого Россия не возродится, величие не воссоздать. Без этого Русское государство после неминуемого падения большевизма расплзется в хлябь и в грязь".

Для нас очень важны эти тревожные, но в то же время светлые пророчества Ильина, ибо он был по-настоящему светлый философ, ему был чужд дух пессимизма, и не хоронил он никогда Россию, он ждал и служил делу ее воскресения.

У Ильина есть очень интересное высказывание о том, что будет, если мы не соединим свободу внешнюю со свободой внутренней: "Не носящий Бога в своем сердце и не видящий божественного начала в своих ближних может создавать только механическое общество и механическое хозяйство. Безбожное хозяйство строится не на духе, не на естественном инстинкте человека, а на отвлеченной выдумке и на принуждении зависимости, на механическом рабстве и на страхе перед насильствующим центром". Это для нас очень важно, когда речь идет о том, какую Россию мы хотим построить.

3. Об идее православной цивилизации

Философия учения И.А. Ильина — своеобразное и уникальное явление, связывающее историческую миссию России, раскрытие ее возможностей, состоятельность как государства с вкладом в становление особой "православной цивилизации" в русле исторического развития христианства. Цивилизации, ощущающей свое предназначение в попытке сохранить чистоту христианской веры, имеющей спасительный смысл для всего мира.

Центральное явление в этом плане со времени, когда христианство стало государственной религией в Римской империи, — возникновение монашества, самоотверженного движения людей, посвятивших себя служению Богу, уходящих в пустыню, создающих монастыри. Что побуждало к этому людей? Побуждало желание сохранить в чистоте веру, образ жизни, тот дар, который Господь дал человечеству. И монастыри, в свою очередь, несли обществу высокие ценностные ориентиры, просвещение, практику воспитания нравственных устоев, одухотворение социальной культуры во всех ее сферах. И когда общество внимало их мирным, ненавязчивым, лишенным всякого угождения наставлениям, оно расцветало. К сожалению, история свидетельствует о немногих таких примерах, и все же они есть, и их следует продолжить.

Православная цивилизация, родившаяся в Риме, постепенно двигалась сначала на восток, в Византию, потом — на север, в Великий Новгород, Киев, Москву — в Россию. И долг возрождающейся России — вновь обрести ее дух и ее энергию. В творчестве Ильина мы находим замечательные по своей цельности и глубине идеи и разработки, как это сделать. Как сохранить и укрепить на личностном уровне веру, пат-

риотизм, культуру. Как вернуться на путь исторического предназначения России — на путь православной цивилизации с подъемом ее веры, ее культуры, ее государственности.

Последствия трагедии, которая случилась в XX веке, как дамоклов меч довлеют над нами и теперь. Перед нами задача — восстановить и углубить нашу самобытную культуру, но для этого нужна государственная воля, личное осознание своего места в таком многотрудном процессе.

Поэтому когда мы говорим о задачах образования, то надо ясно представлять, что нельзя их решать отдельно от других задач построения социальной культуры. Ильин об этом писал. Полезно прислушаться к мыслям Ильина, он подробно расписывает и содержание образования — например, на чем надо учиться, на каких песнях, на каких стихах, на какой литературе.

4. О центральной проблеме современного образования

Образование играет одну из ключевых ролей в духовном обновлении общества и развитии социальной культуры. Оно обладает самым мощным арсеналом средств воздействия и влияния (по времени, концентрации и разнообразию) на духовно-нравственное, гражданское и профессиональное становление личности. Не следует забывать, что эта мощь может быть обращена и на привитие искаженных ценностей, игнорирование иерархического устройства организма человека или умаление одной из его сторон, и в этом случае она может таить и немалые опасности для общества. Не следует забывать и то, что страна совсем недавно прошла период истории, когда во всех сферах, в том числе и в образовании, обращение к духовной составляющей личности и народа было государственно запрещено.

Именно сейчас, когда государство после длительного перерыва вновь готово действительно участвовать в духовной жизни общества, огромное значение имеет выбор правильных ориентиров, базирующихся на глубоком понимании корней нашей культуры. Государство занимает центральное место в образовательном пространстве, и от его осмысленных и выверенных действий зависит, сможет ли образование реализовать свои возможности в обновлении общества.

Нельзя позволить себе поддаться соблазну популярной сегодня идеи выработки новой модели "идеальной личности", забыв о существовании высших ценностей и многовековых традиций. Как будто мы не имеем образцов высоты личности, проявившихся в лучших представителях разных поколений народа, которые познали и раскрыли нам путь к совершенствованию личности. Как будто в нас иссякла нравственная и по-настоящему патриотическая тяга к этой высоте народной жизни, к тем моментам истории, когда стремление в народе, прежде всего в его ведущем слое, следовать путем внутреннего совершенствования вело к подъему культуры и силы государства. Опасно закреплять статус

целевых установок за принципами, изобретенными путем построения искусственных научных моделей, а не за открытыми в глубине иерархии духовных, социальных и материальных законов, управляющих человеком и обществом.

Свою тревогу по поводу наметившегося движения в эту сторону в системе государственного образования высказали на "круглом столе" представители дирекции программы "Духовно-нравственная культура подрастающего поколения" и сформировавшегося вокруг нее педагогического сообщества. Такая тенденция проявляется, по их мнению, при ознакомлении с сайтом в Интернете по типологии личности в образовательных стандартах нового поколения. В результате применения таких стандартов образования просматривается личность без духовно-нравственного стержня. Предлагаемые ценностные ориентиры и стандарты нейтральны к порочным явлениям и наклонностям, во все века и во всех традиционных религиях считавшимся разрушающими человека и в конечном счете общество. Если не создаются условия для укрепления нравственных устоев, то пороки, как заразные болезни, начинают распространяться в организме, а дальше дело времени...

Наследие Ильина дает замечательную базу для выработки подлинных ориентиров в развитии российского образования, где воспитание по-ильински — "созерцающего сердца", духовного характера — займет свое ничем не заменимое место. Было бы полезно включать меры по содействию разработке этих идей в перечень дел, намечаемых в продолжение конференции.

5. О практических действиях

В наследии Ивана Александровича Ильина ощущается колоссальный потенциал для пробуждения современного социально-культурного творчества. Оно изобилует ярчайшими творческими импульсами, в которых распознаются вариации возможных исследований и действий в решении задач строительства одухотворенной социальной культуры России. Обсуждения на "круглом столе" позволили систематизировать и наметить основные дела, по которым может быть развито сотрудничество в этом направлении.

Первое дело состоит в продолжении изучения и освоения наследия. Причем важно провести осмысление не только на уровне философов, юристов, историков — на уровне науки, но и на уровне практики, то есть на уровне властей, педагогического сообщества и так далее.

Второе дело. Необходимо проанализировать, чем обладает страна сегодня: это касается людей, конкретных начинаний в регионах, которые так или иначе соотносимы с идеями рассматриваемого наследия. Очень важно строить сотрудничество там, где востребованность уже присутствует. Ведь в сфере духовно-нравственной культуры ничего невозможно навязать в приказном порядке, можно только прививать воспитанием и поддерживать.

Полезно было бы создать карту инициативных начинаний. Имеется в виду карта, где бы были отмечены проявившие себя организации и отдельные инициаторы, строящие свою деятельность в соответствии с духовно-нравственными ценностными ориентирами. Полезно было бы провести систематизацию по типам организаций. Это, во-первых, центры просвещения и самодеятельного досуга для семьи, для детей, для молодежи и так далее, основанные разными институтами общества. Во-вторых, это образовательные учреждения, т. е. школы, вузы и так далее. В-третьих, это основные институты общества, за исключением уже выделенных в отдельную категорию образовательных учреждений (органы государственного управления и местного самоуправления, научные, общественные организации, предприятия и фирмы). Это такие организации вне сферы образования, которые свою профильную деятельность осознанно рассматривают как часть социальной педагогики: стремятся к построению ее в соответствии с духовно-нравственными принципами, к осуществлению ее таким образом, чтобы она содействовала развитию личности и социальной культуры.

Ильин обладал ярким талантом математика. Он очень четко различал достаточные и необходимые условия возрождения России. К необходимым условиям возрождения России он относил два. Первое — это наличие общности жертвенных тружеников. Второе условие — народ должен иметь одно главное общее дело, которым, как он считал, должно стать дело спасения наших детей и внуков. То, чем заниматься должны все мы через воспитание, через образование, через социальную педагогику.

Третье дело. Настоятельно требуется организация государственно-общественного межрегионального сотрудничества с участием федерального центра в создании очагов построения одухотворенной социальной культуры и соединении их между собой.

Еще более десяти лет назад на правительственном уровне был сделан шаг в этом направлении. Необходимость в этом проявилась в процессе подготовки федеральной целевой программы "Обретение малой родины", направленной на очаговый подъем демографически ослабленных территорий. Был разработан и опробован в разных фрагментах пилотный проект межрегионального социально-педагогического комплекса "Азбука роста". Он создавался для поддержки инициатив на разных уровнях в области воспитания, образования и социальной педагогики, их взаимного усиления, соединения с отечественным и зарубежным историческим опытом — по сути, для концентрации и умножения творческого потенциала и развития социальной культуры в местах интенсивных комплексных преобразований. С точки зрения возможного использования проекта в деятельности по рассматриваемой тематике здесь уместно изложить главные особенности, касающиеся детской части "Азбуки роста". Что касается взрослой части и не-

которых общих вопросов, то это запланировано обсудить на "круглом столе" III в соответствии с рассматриваемой там тематикой.

Исходная мировоззренческая установка детской части комплекса "Азбука роста", ориентированной на подрастающее поколение и призванной повышать уровень обучения, совмещая это с систематическим воспитанием духовно-нравственных качеств, — "сроднение" опыта XXI века с многовековым опытом человечества, чтобы по-новому объединить в себе основные исторически отшлифованные организационные формы и принципы обучения. Основные предметные центры детской части комплекса "Азбука роста", влияющие на формирование личности, сосредоточены в павильонах (для младшего и среднего возраста) и комплексах (для старшего возраста). **Павильоны и комплексы** ориентированы на активное участие воспитанников в познавательном процессе, организованном так, чтобы преодолевалась изоляция различных сторон жизни и культуры.

В павильонах дети обретают начальный опыт, как созерцательный (внимательного наблюдения и осмысления), так и деятельный (игрового участия в природных явлениях, событиях истории и культуры, даже первый опыт их моделирования). Примеры павильонов: Дворец языка с палатами этимологии, истории; Дворец искусств и ремесел, где станет возможным синтез всех искусств, объединение форм художественного воспитания; Замок математики с лабиринтами комбинаторики, с гротами теорий множеств; Палаты истории эпохальных стилей (аналоги планетария, живого уголка, фруктового сада) и т.п. Для старших детей условия встречи и взаимодействия с мирозданием и жизнедеятельностью общества усложняются и разнообразятся.

Из павильонов вырастает работа и обучение детей в специализированных комплексах: **гуманитарном** (Дворец языка, школа истории и географии человека); **научно-познавательном** (лаборатории, опытные хозяйства в области биологии, физики, отраслевых наук); **художественном** (Дворец культур и ремесел, Дом традиций, разного рода мастерские и студии); **природном** (школа экологических знаний, микропарки, оранжереи); **техническом** (разнообразные мастерские, информационно-коммуникационный центр, технологический инкубатор и т.д.); **деловом** (мини-производства, детский банк, биржа, магазины и т.п.); **благотворительном** (центр организации юношеского попечительства инвалидов, престарелых, сирот, детей с нарушениями развития, центр попечительства уникальных историко-культурных территорий, возрождения отечественных святынь); **защитном** (военно-инженерный отряд, военно-медицинский отряд, эколого-милицейский отряд, спасательный отряд). Комплексы могут создаваться на базе и с участием реальных заинтересованных предприятий и организаций, приобретающих наряду с основной деятельностью социально-педагогические (обучающие и воспитательные) функции. В каждом из комплексов подростки и юноши получают профессиональные навыки в

какой-то сфере, помогающие выбрать свое призвание с учетом запросов местного и регионального развития. Вместе с тем эти навыки даются таким образом, чтобы не замыкать молодого человека в рамках интереса его профессии, но, напротив, вывести его на понимание его места и роли, в т.ч. и в других важнейших сферах жизни общества.

Педагогическая деятельность ориентирована прежде всего **на социально слабозащищенных детей** (сироты, беспризорные, дети из неблагополучных семей, из многодетных семей) и **на одаренных детей**.

Интересный факт. К проекту "Азбука роста" проявила большой интерес известная американская компания "Дисней Уорлд". Ею было направлено письмо в Правительство России с предложением о создании разработчиками проекта симметричных комплексов в России и в США, выражена готовность выделить в этих целях земли в Международном развлекательно-познавательном парке "Дисней Уорлд" в штате Флорида и финансовые ресурсы. Неоднократные смены кураторов подготовки федеральной целевой программы "Обретение малой родины" в связи с частыми в те годы изменениями в Правительстве не позволили довести до стадии реализации это дело, впрочем, как и ряд других.

В работе по формированию творческого актива, соединению инициатив, направленных на построение одухотворенной социальной культуры, одна из самых глубоких проблем, о которой стараются не говорить, — преодоление индивидуализма участников и их собственной эгоистичности. Это одно из самых сложных заданий. Для того чтобы что-то сделать в духовной сфере, нужно как бы приподняться над собой, раскрыть себя для других, стремясь что-то вложить не в свой, а в их успех, только тогда он станет общим. Трудно порой уйти от мыслей, подобных таким: "это моя идея", "это мой центр", "это мой успех". Произносятся красивые слова о духовном единении, а как только возникают реальные дела, так начинается все та же элементарная борьба, кто кого важнее, кто кого выживет из той или иной ниши. Если говорить откровенно, нам надо учиться смотреть внутрь себя, внутрь своей деятельности. Она должна быть тоже подчинена духовным законам, Другими словами, следуя Ильину, у нас что-то начнет получаться, если мы сможем явить живой пример действий в духе, сможем явить личный духовный характер, который желали бы помочь обрести другим.

Ильин писал:

"Я глубоко и непоколебимо верю, что русский народ справится с этим кризисом, восстановит и возродит свои духовные силы и возобновит свою славную национальную историю, но для этого ему необходимо прежде всего *свободное дыхание* воли и разума; — и честные, верные слова *диагноза, целения и прогноза*.

...Отсюда наша величайшая ответственность перед Россией.

Мы не должны, мы не смеем упрощать и снижать проблему нашего национального возрождения. Мы должны честно, как перед лицом Божиим, исследовать наши слабости, наши раны, наши упущения; признать их и приступить к *внутреннему очищению и исцелению*. Мы не смеем предаваться церковным раздорам, партийным распрям, организационным интригам и личному честолюбию.

...России нужны *свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи*. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры.

...И вот, созерцающая любовь должна быть вновь оправдана после эпохи ненависти и страха и вновь положена в основу обновляющейся русской культуры. Она призвана возжечь пламя русской веры и верности; возродить русскую народную школу; восстановить русский суд, скорый, правый и милостивый; и переродить русскую систему наказаний; она призвана перевоспитать в России ее администрацию и ее бюрократию; вернуть русскую армию к ее суворовским основам; обновить русскую историческую науку в традициях Забелина; окрылить и оплодотворить всю русскую академическую работу и очистить русское искусство от советчины и от модернизма. И главное: **ВОСПИТАТЬ В НАРОДЕ НОВЫЙ РУССКИЙ ДУХОВНЫЙ ХАРАКТЕР**".

Проведение коллективных обсуждений, подобных организованным на данной конференции, своей атмосферой, своим форматом (выставка, пленарная сессия, "круглые столы", работа проектных групп) открывает нас друг другу, пробуждает доверие и стремление к сотрудничеству. А значит, вносится пусть маленькая, но лепта в движение друг к другу, в отказ от бездуховных эгоистических принципов, которыми, к сожалению, пронизано современное общество, и большого труда стоит не поддаваться этому влиянию.

Конференции, где современные взгляды и дела сопоставляются с мыслями и работами выдающихся личностей, каким является И.А. Ильин, "сынов грядущей России" независимо от времени их жизни, где взгляды углубляются, а дела могут приобрести новое качество и новых сторонников, важно сделать регулярными.

В качестве следующего шага в этом направлении предлагается провести в апреле 2009 года международную конференцию, посвященную наследию И.А. Ильина.

Возможно, кому-то покажется, что конференции — это лишь общие слова. Но глубоко осмысленные слова сильны тем, что они от духа, а значит, они животворят, они рождают дела.

Ежегодная конференция может положить начало процессу создания актива людей, неравнодушных к рассматриваемым идеям и делам построения одухотворенной социальной культуры России. Актива, способного влиять на эти дела, принимая участие в рождении тех ростков социальной культуры, которые, может быть, в будущем превратятся в плодоносящий сад.

"КРУГЛЫЙ СТОЛ" III
"Во имя расцвета грядущей России:
этические и социально-инновационные условия
оздоровления регионов — сотрудничество местного,
федерально-регионального и международного уровня"

Мысли И.А. Ильина о путях, ведущих к "расцвету грядущей России", в современной терминологии и для перевода в практическую плоскость можно использовать как идеи для разработки и реализации стратегии развития страны и системно связанных с ней стратегий регионов. Стратегии, в которой особое внимание уделяется ценностным ориентирам и социально-инновационному содержанию. Творческое наследие выдающегося мыслителя, как было показано рядом участников "круглого стола", содержит целый пласт идей, полезных для ведения работ в этом направлении.

В материале по тематическому обобщению идей нашли отражение суждения и предложения всех участников, среди которых следует отметить вклад: **проф. Л.А. Гнездиловой, В.Ю. Леймана, проф. А.М. Миняйло (отец Александр), В.Е. Михайлова, к.ф.н. С.Н. Семенова, А.А. Соколовского, проф. В.Г. Стародубровского, к.э.н. И.В. Томорадзе.**

Вел "круглый стол" **проф. П.В. Баранов.**

Обобщенные идеи участников "круглого стола" III в сочетании с идеями И.А. Ильина сгруппированы вокруг тем, которые больше всего затрагивались в ходе обсуждения.

Корневая тема
Россия — единый организм, требующий оздоровления,
с социально-культурным содержанием,
государственно-общественным устройством
и эколого-экономической средой

Из выступлений участников.

Дух народа России сосредоточен в его духовно одаренном творческом ядре, слагающемся из представителей разных регионов, национальностей, социальных групп и поколений. Они — созидатели единого социально-культурного содержания общества с общим языком, образованием, наукой, искусством, хозяйством и организацией. Они — стратегический потенциал его развития.

Наличие этого творческого ядра, этого стратегического потенциала развития — свидетельство существования жизни общества как целостного организма (хотя в данный момент и сильно болеющего). Это великий дар — возможность воплотить свое высшее предназначение в истории. Дар, который можно утратить, если жить, не чувствуя и не соблюдая духовных законов — законов высшего происхождения, составляющих таинственную сердцевину всех иных норм и правил, регулирующих жизнь человека и общества как целостных организмов.

Необходимо осознать страну как живой организм, а не механическую систему, что требует глубоко переосмысления в том числе вопросов расстановки акцентов в деятельности по осуществлению стратегии развития страны.

Из работ И.А. Ильина.

Есть два различных понимания государства и политики: **механическое и органическое**. Механическое — отстаивает человеческую инстинктивную **особь и ее частные интересы**; оно измеряет жизнь **количественно и формально**. Органическое исходит от человеческого духа и восходит к **национальному единству** и его **общим интересам**; оно **качественно** и ищет **духовных корней и решений**. Которое же из этих пониманий желательно и спасительно для грядущей России?

Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный "механизм" "областей", *но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению*. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны *хозяйственным взаимопитанием*: этот организм есть *духовное, языковое и культурное* единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями — *духовным взаимопитанием*: он есть *государственное и стратегическое* единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть *сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия*.

Ныне, на наших глазах, новый мир повторяет путь древнего страдания; новый опыт дает старые выводы. Эти выводы снова научают тому, что самопознание и самопреобразование человеческого духа должно лежать в основе всей жизни, дабы она не сделалась жертвою хаоса и деградации; они научают тому, что внутреннее разложение индивидуальной души делает невозможным общественное устройство и что разложение общественной организации ведет жизнь народа к позору и отчаянию. И еще они научают тому, что формальная организованность индивидуальной души и народного хозяйства не обеспечивают жизнь человека от содержательного вырождения и преступных путей. Сквозь все страдания мира восстает и загорается древняя истина и зовет людей к новому пониманию, признанию и осуществлению: жизнь человека оправдывается только тогда, если душа его живет из единого, предмет-

ного центра, — движимая подлинною любовью к Божеству как верховному благу. Эта любовь и рожденная ею воля — лежат в основе всей осуществляющейся духовной жизни человека, и вне ее душа блуждает, слепнет и падает. Вне ее знание становится пародией на знание, искусство вырождается в пустую и пошлую форму, религия превращается в нечистое самоопьянение, добродетель заменяется лицемерием, право и государство становятся орудием зла. Вне ее — человек не может найти единой, устрояющей цели жизни, которая превратила бы все его "занятия" и "дела" в единое дело Духа и обеспечила бы человеческому духу его победу. Эту победу обеспечивает только живая и подлинная жажда Совершенства, ибо она есть сама по себе источник величайшей и непобедимой никакими "обстоятельствами" силы, устрояющей внутренний и внешний мир.

Тема 1

Возрождение социально-культурного содержания

Из выступлений участников.

Нельзя говорить о стратегии развития страны, развития регионов лишь как о планах, схемах, правовых нормах, механизмах и отчетах, сами по себе это стопки резаной бумаги. Стратегии развития страны и регионов должны обладать притягательной силой для их главного стратегического потенциала — людей, в которых укоренено стремление к освоению духовных традиций и культуры, в ком крепки ценности семьи, труда, служения, ответственного отношения к природе. Для этого в верной стратегии определяется не только система новаций, в ней должны содержаться связи намечаемых свершений со всеми достижениями исторического прошлого в разных проявлениях и сферах, со ссылками на их выдающихся создателей — примеры для подражания и освоения опыта.

Из работ И.А. Ильина.

Духовная культура совсем не исчерпывается культурой рассудочной; напротив, от плоского и самоуверенного рассудка истинная культура разлагается и гибнет. Но есть еще *культура сердца, совести и чувства*, есть культура созерцания, видения; есть культура служения, самоотречения и жертвенности; есть культура веры и молитвы; есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой строилась и держалась Россия.

И если новому следуют только потому, что оно "новое", то тем самым рвут нити, которые связывают нас с опытом, накопленным нашими прадедами и дедами; утрачивают корни и традиции. А ведь сколько сильных, благородных, священных традиций... Правильное же и творческое нередко состоит из жизнеполагающего сочетания "нового" и "старого"...

Из выступлений участников.

Стратегия развития **живет** тогда и только тогда, когда есть в регионе главный стратегический — творческий — потенциал, когда люди, его составляющие, готовы воспринять стратегию, воодушевиться ею, соотнести с ней свой труд. Регионы, обладающие устойчивым стратегическим потенциалом, — это регионы, способные к оздоровлению и развитию. Оздоровление регионов — оздоровление нации, оздоровление России.

Из работ И.А. Ильина.

И тот, кто ищет путей к России, тот пусть идет к ее гениям и пророкам. Ибо они подняли на свои плечи наши бремена и наши слабости, наши страдания и беды, и приняли дары нашей природы и нашего духа; и, поставив нас во всей этой данности перед лицом Божие, — открыли наши очи, и отверзли наш слух, и дали нам мощный язык, и закалили наши сердца, и выговорили за нас и от нас символ нашего национального Боговосприятия. **Они показали нам и то, чем мы призваны быть; и то, к чему мы способны; и то, как нам восходить на эту высокую и трудную гору.** Это наши живые алтари, наши очаги, наши ангелы-хранители.

Из выступлений участников.

Прежде всего, необходимо организовать отбор людей, способных служить по благородству души и силе характера (важно, кому поручен отбор), чутких к восприятию духовного наследия. Людей, относящихся к своим делам как к вкладу в духовное и материальное богатство будущих и желанных наследников — новых поколений России. Людей, по определению Ильина, с духовным характером. Даже прекрасное профессиональное обучение (которое, безусловно, необходимо) одно таких людей не создаст. Более того, сильные знания и навыки, если не прививать духовно-нравственных ценностей, не воспитывать гражданского правосознания (важно, кому это доверено), могут употребляться во вред обществу гораздо болезненнее слабых, и примеров этому немало. Только целостное сочетание в личности высоких нравственных, гражданских и профессиональных качеств делают ее способной служить подъему социальной культуры народа — основы государственного укрепления и устойчивого развития.

Из работ И.А. Ильина.

Человек должен обрести в себе свою цельность. Человеческий разум должен снова и снова пробиваться к вере, поборов в себе ложный стыд перед своим сердцем. Мысль должна примириться с творческим и снова стать созерцательной, интуитивной, провидческой. Формальная безудержная воля должна подчиниться совести и сердцу... Тогда рассудок обретет способность к созерцанию и станет разумом, а созреваю-

щий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить от сердца. *Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль* — вот три великих силы грядущего, которым будут по плечу все проблемы бытия; они-то и создадут человека, обладающего *творческой цельностью*.

Идея воспитания в русском народе национального духовного характера — это главное, это — творческое, это — на века. ...Национальное воспитание может быть осуществлено и должно быть проведено самим русским народом, т. е. его верной и сильной национальной интеллигенцией: священником и монахом, народным учителем, профессором, офицером, судьей, чиновником, художником и литератором. Для этого России нужен новый отбор людей — отбор духовный, качественный и волевой, отбор неослабленных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе — Бога, родину, честь и совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка.

Государству не безразлично, воспитывается ли в народе национальный духовный характер или нет. Это есть интегральная часть государственного устройства, хотя и не формальная его сторона. Отсюда проблема невластной, и негласной, подготовки новой элиты.

Но духовный характер дает людям еще одну способность — распознавать людей, их духовность, их силу, их ранг, их призвание, их верность. Ибо распознать все это может только тот, кто сам этому причастен, кто или уже имеет это, или же упорно и усердно работает над тем, чтобы это приобрести.

Вот почему к организаторской или водительской деятельности призваны именно люди с духовным характером, и только они. Вне этого не создать никакой могучей и ведущей, жизненно-творческой организации.

Из выступлений участников.

В современном обществе потребления исчезает понимание, что всякое дело есть труд. Дело же внутреннего совершенствования вообще не считается трудом. Последствия этого видны на каждом шагу, но при духовном ослеплении видны лишь эти следствия, а не причины. Понятию "труд" должен быть возвращен его глубочайший духовный смысл. Воспитание любви к труду — насущная необходимость. Труд важен и для личности, и для общества. Он должен быть поддерживаем и поощряем как в общем порядке, так и специальными мерами, труд внешний и труд внутренний. И тот и другой должен считаться производительным. Трудиться для получения внешнего продукта и трудиться над собой. Один без другого невозможен, но второй приоритетен и задает **качество** первого.

Из работ И.А. Ильина.

Духовный труд изнуряет человека не меньше, чем физический. Каждый благородный человек, получая, старается оправдаться перед

природой и своими ближними. И тут он прав. Он "вкладывает себя" в свою ниву, в свой ткацкий станок, в свою книгу — и уже не ощущает себя среди людей "мироедом". Вот где *искупительная благодать труда*.

Но и этим еще не исчерпывается счастье труда. Всякий труд есть исследование, и всякий труд есть расширение человеческого горизонта, человеческих перспектив и человеческой власти. Каждое мгновение ново, небывало своеобразно. Каждое ставит новые задачи и отрывает новые постижения. Их надо только ухватить и расшифровать. В быту это именуется "опытом" и "культурными традициями". Но любой жизненный опыт — это кладовая суждений и познаний; а каждая традиция — это драгоценное наследие более ранних откровений. Пока жив, он ищет верный путь (по-философски это "метод", от древне-греческого "μεθοδος").

Ничто, поистине ничто не исчезает бесследно в этом мире, любой труд вплетается в его ткань и органично приемлется им... Надо только от души самозабвенно трудиться, в правильном направлении, всей верой правдой...

Всякое верное дело вынашивается *силой духа*, а последний источник ее — во внутреннем, *духовном опыте*, укорененном на той глубине, где жива, откуда светит *религиозная вера*.

Культура народа есть совокупность таких дел во всех областях жизни. И когда они хлынут потоком, наступает эпоха расцвета народа.

Тема 2

Обновление государственно-общественного устройства

Из выступлений участников.

Выводы из наблюдений в регионах. Есть люди, которые многое знают и могут. Идей море. Вот проблема (даже парадокс): **почему при таком потенциале отдельных людей с идеями все вместе не работает?**

Большая пропасть: с одной стороны, люди с идеями, с другой стороны, региональная власть, и даже шире — люди, облеченные властью на всех ее уровнях, а между ними не то что пропасть, а пустота какая-то. Это диалог немого с глухим.

Власти призывают: давайте бизнес поддерживать, давайте еще что-то делать. Люди их не слышат. Люди пытаются что-то сказать — власть их не слышит.

Как заполнить "вакуум"? Как восстановить разорванные связи? Как, не отвергая полезное, что уже делается на том или ином уровне, наладить взаимодействие? Как **встретиться, поверить и задать встречное движение**? Как бы так сделать, чтобы люди обрели общие ценностные ориентиры и следовали им, только тогда они смогут осуществлять полезные общие дела.

Из работ И.А. Ильина.

Мы должны найти в себе мужество и остроту взгляда, чтобы увидеть вещи такими, каковы они суть на самом деле; мы должны найти в себе волю, чтобы выговорить всю правду и вступить на новые пути.

Есть закон, в силу которого грядущая даль открывается только тому, кто смотрит из глубины. Поэтому нам необходимо подлинное углубление духа.

Должна быть найдена форма государственного устройства, при которой **низовая сила будет вовлекаться** в работу авторитетного центра, а **авторитетный центр будет иметь возможность влить свою оздоравливающую силу** в то низовое место, которое потребует этого своею слабостью или своим расстройством.

Из выступлений участников.

Необходим творческий прорыв в организационной деятельности. Требуется обратить внимание на организационное творчество как на особый процесс, зависящий в первую очередь от личностных качеств (ценности, знания, умения), во вторую — от институциональных полномочий и связей и в третью — от информационной и материальной обеспеченности. Причем первая зависимость намного превосходит две другие, а ее центральным компонентом являются ценности, которым привержена личность.

Кроме того, первая зависимость имеет еще одну существенную особенность: личностные положительные качества с точки зрения возможности успешных внешних действий могут затухать и даже подавляться, если нет необходимой концентрации личностей: а) ими обладающих, б) к ним стремящихся, в) их поддерживающих (одобряющих).

Стоит задача не только верного отбора, обучения, но и особой (достаточной) концентрации лиц такого качества на направлениях и в местах ключевых преобразований.

Встречное движение возникнет при организации совместных государственно-общественных федерально-региональных дел, проектов с опорой на формирование качественного кадрового актива, представляющего все участвующие стороны. Необходимым условием является также создание на федеральном и региональном уровнях инфраструктур для поддержки регулярной проектной деятельности. И это уже не занятие разрозненными разработками, а строительство живой организационной системы, проектной социально-инновационной среды.

Из работ И.А. Ильина.

В этом органическом единении важнее всего, чтобы сильная власть верно соблюдала **меру** своего проявления: все, что *может* делаться **не-центрально**, должно совершаться **автономно**; сила центра не должна подавлять автономное творчество людей и корпораций; но в **час необходимости** свободные люди и автономные корпорации должны полу-

чать **опору и оздоровление из сильного центра**. Тогда сильная власть окажется примиримой со свободной деятельностью народа.

Социальный подъем из "низов" в "верхи" надо сделать по возможности доступным. Ни происхождение, ни имущественное положение, ни даже конфессия или партийная принадлежность не должны быть тормозом возможностей для толкового человека. Конкретный отбор деловых данных и добродетелей должен идти беспрепятственно сам собой. Качество должно выказывать себя и заставить признать себя. Честный труд будет ему наградой ("право на уважение").

Из выступлений участников.

Нельзя дать себе увлечься отдельной, пусть даже очень хорошей, идеей, не чувствуя ее связей и места в решении стоящих проблем, не чувствуя причинно-следственных связей между самими проблемами.

Например, крайне важно развернуть работы по межрегиональной хозяйственной кооперации, особенно демографически и хозяйственно ослабленных территорий. Но вопрос: каково качество людей, вовлекаемых в процесс? Людей, организующих процесс? Каковы правовые нормы, обеспечивающие его развертывание, его социальную отдачу? Не следует ли организовать взаимодействие с процессами просвещения, образования, нормотворчества, совершенствования правоприменения и т.д.? Не следует ли продумывать и осуществлять комплекс нововведений поэтапно, доводя каждую фазу процесса до плодотворного созревания (в этом случае достигая уровня действия, целостно обновляющего социум, — уровня социально-инновационного процесса), и только тогда переходить к следующей фазе?

Социально-инновационная деятельность (необходимость которой была предсказана И.А. Ильиным) — это деятельность обновляющая, возобновляющая связанные между собой области жизни общественного организма, сочетающая новое с традицией. Деятельность, восстанавливающая, укрепляющая через нововведения базовые ценности, творчески раскрывающая ранее не улавливаемые смыслы закономерностей, определяющих порядок ценностей, их причинно-следственные связи, усиливающая их влияние на преодоление кризисных явлений, благоустройство жизни общества.

Такая деятельность требует выработки специальных организационных форм, обеспечивающих единство пути к качеству социальных отношений и хозяйственному благоустройству.

Это путь, начинающийся с малых дел, но дел, связанных между собой, взаимно усиливающих, наращивающих массив созидательных примеров. Это путь осуществления системных пилотных проектов. Глобальные действия непродуктивны. Они не могут иметь должной концентрации, они вступают в противоречие с глобальной инертной средой, поглощающей и сводящей на нет все усилия, все новое, все иного качества.

Это проекты нового — социально-инновационного — типа и очагового метода, где идет формирование кадрового актива, выращивание культуры социальных отношений на духовно-нравственной основе, где идет наращивание числа объектов и их связей (очаги в разных регионах) на системно-органической иерархической основе, где заложен ориентир на творческую инициативу, соединяемую с творчески же освоенными традициями и опытом. И каждый этап такой работы опирается и зависит от результатов предыдущего.

Правительством России в 90-х годах прошлого века был сделан определенный шаг в направлении организации такого социально-инновационного процесса при подготовке федеральной целевой программы "Обретение малой родины", направленной на очаговый подъем демографически ослабленных территорий. В ее рамках была разработана и апробирована в отдельных регионах развертка двух сопряженных последовательностей основных фаз социально-инновационного процесса:

1.1. системная диагностика, 1.2. проектирование, 1.3. локальные нововведения, 1.4. системные нововведения;

2.1. формирование организационно-творческого актива, 2.2. обучение, 2.3. экспертиза, 2.4. мониторинг.

Следует подчеркнуть особое значение стартового этапа — системной диагностики, предмет которой — выбор основных делателей, мест и дел.

Системные пилотные проекты определяются как комплексные поэтапно организуемые нововведения в областях или слабо изученных, или требующих качественных изменений, где необходимо применение новаторских подходов и решений.

Системные пилотные проекты могут стать стратегическими инициативами, обеспечивающими качество отработки "прорывных" технологий в реализации приоритетов стратегии развития страны, включающей стратегии развития регионов, как единого организма. Роль федерального центра в нем: накопление, распространение и сохранение энергии социальной организованности и творчества, усиление согласованности действий, своевременная и адресная поддержка. Движущая сила системных пилотных проектов — стратегический (творческий) потенциал регионов, в которых они реализуются.

Для такой деятельности требуется создание организационных "узлов" — площадок сосредоточения и сотрудничества государственно-общественных, межведомственных, межрегиональных сил и творческого актива региона. Была разработана практическая модель такой площадки — межрегиональный социально-педагогический комплекс "Азбука роста", призванный обеспечить развертывание и сопровождение системных пилотных проектов в регионах. В разработке участвовали 5 министерств, 3 региона, 12 районов, специалисты ряда авторитетных научных, учебных и общественных организаций в области педаго-

гики, отраслевой науки и организации управления. Координирующие функции были возложены на Социнцентр.

Комплекс "Азбука роста" призван соединить освоение знаний и передовой практики с традицией духовно-нравственного осмысления всякого знания и деятельности, раскрытие творческого потенциала с воспитанием в личности этически ответственного отношения к жизни и избранному служению. Он состоит из двух автономных, но взаимодействующих частей: для взрослых и для детей. Представляет собой модульное и по-разному масштабируемое сочетание основных элементов, которые в каждом регионе могут иметь свою конфигурацию, темпы роста, степень участия внешних сил. Но важно, что они, находясь в разных местах, организационно связаны в одну структуру, объединяющую все участвующие стороны, сочетающую публично-правовые и частно-правовые регуляторы, обеспечивающую взаимное дополнение и усиление на всех территориях. О содержании детской части говорилось на "круглом столе" II. Здесь речь идет о той части, которая непосредственно связана с осуществлением пилотных проектов.

В комплексе "Азбука роста" предусматривалась федерально-региональная часть, общая для всех участвующих регионов. Ее основные задачи:

1) выявление, "инвентаризация" и систематизация региональных и местных инициатив по подъему социальной культуры с духовно-нравственными ориентирами;

2) разработка форм и организация взаимодействия юридических и физических лиц, реализующих эти инициативы, с регионами их осуществления, а также их адресная поддержка (творческая, административно-правовая, материальная);

3) обобщение опыта, учет его в социально-инновационных федерально-региональных разработках, привлечение к этим разработкам специалистов, реализующих зарекомендовавшие себя инициативы, популяризация и распространение опыта.

Основные элементы комплекса "Азбука роста" представляют собой предметные центры. Предметные центры призваны стать точкой притяжения и приумножения местного творческого потенциала, базой для создания региональных инфраструктур программно-проектной деятельности.

Таких предметных центров во взрослой части предлагается семь: 1) центр системной диагностики, мониторинга и аналитики; 2) центр обучения и консультирования действующих руководителей и специалистов; 3) социально-просветительский центр (работа с различными слоями населения духовно-просветительского, краеведческого, культурно-исторического, художественно-прикладного характера и др.); 4) социально-адаптационный центр (в нем будут адаптироваться к местным условиям новаторские методы и формы работы с мигрантами, беспризорными, неблагополучными семьями, наркотически- и алко-

гольно-зависимыми лицами, освобожденными из мест заключения и т.д.); 5) центр управления проектами (в международной терминологии это "проектный офис", который управляет не только действующими проектами, но и учитывает, предусматривает и подготавливает управление проектами, вводимыми в течение одного — трех лет, задавая цепочку работ и результатов, ориентированных на общую цель); 6) центр управления процессами (сопровождение, оптимизация, корректировка процессов регулярной деятельности); 7) инвестиционный центр (привлечение и сопряжение разных источников финансирования — от различных бюджетов до частных инвестиций — с выработкой рекомендаций по оптимальному распределению долей, точкам вложения, временным параметрам и т.п.).

Число сотрудников в каждом из предметных центров вначале может исчисляться единицами, главное — качество (ценностные ориентиры, творческий потенциал, профессионализм). Масштаб действий, число функций наращиваются постепенно, но уровень заданных работ обеспечивается сразу же благодаря специально организованным связям с базовым центром и центрами в других регионах, включая создание единой федерально-региональной контактной сети.

Таким образом, может быть создана база для государственной общественной поддержки ростков социальной культуры в регионах, продвижения стратегических инициатив и включения их в плановую деятельность, создания федерально-регионального организационно-творческого актива. Здесь органично могут быть востребованы и получают творческое развитие идеи Ивана Александровича Ильина и целой плеяды близких ему по духу выдающихся мыслителей и деятелей.

Тема 3

Благоустройство эколого-экономической среды

Из выступлений участников.

Необходимо вернуться к осмыслению целей, прояснению **духовных смыслов экономики**, поднять общественное сознание до убеждения, что высший "предмет" хозяйства — делатель — духовно возрастающий человек.

Действительно, разработка реальной стратегии действий в экономическом направлении для достижения целей развития общества требует сначала углубления в смыслы понятий, их точного определения и определения связей между ними.

Например, ставится вопрос о создании экономики на духовно-нравственных основаниях как высшего типа хозяйства. Но с точки зрения смыслов и точности понятий, определяющих построение практических действий, вопрос, по-видимому, нужно ставить в другой плоскости: об отборе, о воспитании людей с крепкими духовно-нравственными устоями (духовным характером, по Ильину), занимающихся экономикой, хозяйственной деятельностью (специалисты, работодатели,

ученые и т.д.); о поддержке и защите их деятельности; о содействии в нахождении друг друга и в грамотной организации. Тогда начнет формироваться экономика, согласующаяся с нравственными принципами. Экономика, в которой не будет места хитроумным теневым схемам, явным и скрытым формам хищнического отношения к природе, когда своими руками люди уничтожают среду, от которой прямо зависит их жизнь. Наши школы, ПТУ и вузы готовят ли достаточно таких людей? Наши правовые нормы, правоприменительные механизмы, источники общественного мнения достаточно ли поддерживают и стимулируют их деятельность? Во всех этих сферах требуется продумать специальные органически взаимосвязанные меры.

Из работ И.А. Ильина.

Проблема хозяйства, и в особенности частноправового хозяйства, должна быть поставлена заново как в науке, так и на практике: это есть проблема хозяйствующей души и ее верной мотивации; это есть проблема духа, строящего культуру, и его верных жизненных форм.

В частном хозяйстве заложена тяга к самодавлению и самосильности. Этой тяге должны быть противопоставлены поиски *новых форм солидаризации и сотрудничества* частных хозяйств ("ко-операция" в широком и тесном смысле слова). Каждый частный хозяин должен чувствовать себя связанным законами *хозяйственного инстинкта* (рынок) и законами *хозяйствующего духа* (родина) со всей системой частных хозяйств своей страны.

Вот почему все мероприятия, направленные на то, чтобы инстинкт индивида снова увязать с хозяйственным процессом, соответствуют человеческой природе и общественной экономике: тут и участие рабочего в распределении доходов труда, тут и органическое вплетение пролетария в ткань "своего" предприятия; тут и солидаризация работодателей и наемных. Это и распределение земельных богатств: каждый лишившийся корней (читай — своей земли) человек должен снова укорениться на ней — получить свое кровное и построить свой дом.

В реальности хозяйство есть социальный процесс, в котором взаимодействие людей и их трудовой вклад настоятельно требуют ответственности и солидарности.

Частная собственность есть власть: непосредственно — над вещами, но опосредованно — и над людьми. Нельзя давать власть, не воспитывая к ней.

Другими словами, хозяйствование без свободы порождает противоестественный рабский труд; хозяйствование без обуздания инстинкта ведет к противодуховному антисоциуму.

Значит, природа требует свободы, *частной инициативы и частной собственности*. А дух требует правильного, социального оперирования этими аспектами.

Из выступлений участников.

Восстановление и развитие производства сельскохозяйственного, промышленного и художественно-ремесленного, основанного на добровольном, равном и ответственном взаимодействии организаций разных форм собственности, — одна из важнейших государственно-общественных задач.

Требуется возрождение традиционных видов и технологий производства в сочетании с передовыми, дружественными человеку и природе инновационными технологиями. Должна осуществляться привязка к хозяйственным особенностям территории и традициям населения, задачам подъема социальной культуры и производительных сил.

Необходима организация государственно-общественной помощи регионам в разработке стратегий развития, в первую очередь демографически ослабленным и проявляющим инициативу. Таких стратегий, которые позволяют вовлечь регионы в работу и умножить их творческий потенциал, оптимизировать территориальное распределение и интеграцию видов производств, их взаимодействие и кооперацию. Таких стратегий, которые в целях удержания приоритетов развития предусматривают формирование опорной системы социально ответственных производственных предприятий различных форм собственности, находящихся в разных регионах и сотрудничающих между собой.

Свидетельства попыток действий в этом направлении есть в дореволюционной истории. Например, еще в начале XX века нашим великим ученым **Д.И. Менделеевым**, автором периодической системы элементов, была **разработана уникальная система размещения производительных сил в России**.

Сегодня имеются полезные инициативы на региональном уровне. Например, в Екатеринбургском институте бизнеса им. И.А. Ильина разработан проект "Подготовка творческих предпринимательских сообществ в России". В этом проекте нашли отражение такие курсы, читаемые в институте, как: "Православная антропология человека", "Семейные отношения", "Совершенствование характера русского человека".

В образовавшемся с участием института межрегиональном педагогическом сообществе представления и идеи, созвучные И.А. Ильину (например, что человек — микрокосмос и для его духовно-нравственного, социального и профессионального становления необходимо вернуть целостность образованию), не только декларируются, но и реализуются. Активное участие в этой работе принимают также инициативные силы Самарской, Белгородской, Курской областей.

Из работ И.А. Ильина.

В жизни бывают всякие методы хозяйствования: безжалостные, эксплуататорские, коррупционные, предательские по отношению к сво-

ему Отечеству; и только правильное воспитание народа в должном направлении может положительно справиться с задачей выбора верного пути.

Надо с детства внушать человеку, что эксплуататорское хозяйство недостойно его и что старание одного перешагнуть другого принижает и компрометирует не только последнего, но и первого.

Правомерность получения прибыли можно оценить и с другой стороны, со стороны не только социума, но и природы. Надо по-новому относиться к природе, надо внимать ей, внедряя новшества изобретений, применяя методы интенсификации и рационализации экономики, открывая новые производственные мощности, рынки сбыта и пр. Чуткое отношение к природе вознаграждается богатством; и это богатство почетно. При дурном отношении человеку приходится "выжить" это богатство или вовсе лишаться его; и такое богатство порочно.

Из выступлений участников.

Сегодня труд на земле, отношения с землей, с живой природой становятся все более холодно-потребительскими. И земля, и то, что на ней, приносят все меньше и меньше доброкачественных плодов. Исчезают пашни, уничтожаются леса, гибнет скот. И черта продовольственной безопасности уже где-то позади. Ведение хозяйства на селе, земельные отношения, собственность на землю и ее продажа требуют серьезного анализа с точки зрения ценностных ориентиров и создания условий для привлечения в эту сферу творческого потенциала, о котором уже говорилось участниками конференции.

Вместе с тем в сельском хозяйстве России, в примыкающих к нему лесном и водном хозяйствах существуют не востребованные в должной мере научно-прикладные и учебные комплексы с широкими международными связями и связями в регионах (включая близкие во многих отношениях регионы Белоруссии и Украины). Это, например, Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, Московская ветеринарная академия им. К.И. Скрябина, Московский государственный институт леса и ряд других. Здесь еще остаются специалисты высочайшей квалификации, влюбленные в свое дело, способные передавать эту любовь, свой энтузиазм и профессионализм молодежи. Они готовы участвовать в подготовке кадров, сочетающих профессионализм с духовно-нравственными ценностями, в развитии на местах качественного земледелия, животноводства, лесного хозяйства с предприятиями глубинной деревопереработки и т.п., зная при этом и учитывая региональные особенности.

Сотрудничество в многопрофильной социально-инновационной деятельности, ориентированное на конкретные регионы этих научных отраслевых сил, начало складываться еще в процессе подготовки программы "Обретение малой родины" в 1993—1995 годах. Но поскольку

довольно быстро прекратилось финансирование программы, на сегодняшний день оно носит фрагментарный характер.

Конечно, проще делать единовременно многомиллионные валютные вложения в приобретение за рубежом элитного скота (поголовье которого, как правило, сильно тает после первой же зимы), зерна и т.п., чем постоянно и ответственно заниматься организацией этого дела, с адресным финансированием, назначение которого ясно, а объемы затрат прозрачны. Но на что тогда мы можем надеяться в будущем? Не следует ли нам подробнее ознакомиться, помимо зарубежного опыта, с лучшими отечественными, особенно дореволюционными, достижениями и исследованиями в области сельского хозяйства и его организации, прежде всего с выдающимися реформаторскими подходами и деятельностью П.А. Столыпина, адаптировать, привлечь и развить все ценное для решения стоящих перед страной задач?

Из работ И.А. Ильина.

Всякое государство нуждается, прежде всего, *в землевладельце, инициативно и неутомимо инвестирующем свои личные силы в сельскохозяйственный труд*. Нет этого — и государственная жизнь становится невозможной. Но для такого самовложения необходимо "согласие" *инстинкта самосохранения*, его доверие к окружающей *природе*, к другим, по соседству живущим *людям* и к *власти*, организующей порядок жизни.

Называя свою землю "матушкой" и "кормилицей", пахарь действительно любит ее, гордится ею, откладывает и копит на нее, тоскует без нее. (В Древней Руси земля, не обрабатываемая крестьянином, называлась "дикая пасма", то есть мертвая пустошь, липкая грязь, а крестьянин без земли назывался "бобылем", бездомным, бесприютным человеком.)

Великая земельная реформа Столыпина как бы измерила у русского крестьянина его "собственническую температуру" и подтвердила сполна, — не сентиментальные мечтания аграрно-социалистических демагогов (партия с.-р.), а верный диагноз дальнезоркого реформатора.

К началу этой реформы Россия насчитывала около 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона уже вели самостоятельно-собственническое хозяйство, а 8 миллионов томилось в сельской общине с ее переделами и с ее урезанной личной инициативой. Столыпин не отменил земельную общину, а дал крестьянам право "проситься на свободу", на "отруба" или на "хутора".

И вот, через 10 лет, к следующей большой сельскохозяйственной переписи (1916), оказалось, что из 8 миллионов дворов — **шесть миллионов захотели своей земли и полной хозяйственной самостоятельности**. Они уже получали ее и получили бы ее до конца, **если бы революция не изъяла землю из легального оборота**, объявив ее сначала **"всенародной"** (захватный лозунг "вся земля всему народу"), потом

"национализованной" и, наконец, "колхозной". Этим революция погасила в России идею **законной собственности на землю**, а с тем вместе дала отказ всем **вековым притязаниям русского крестьянства**.

Из выступлений участников.

Для обеспечения гармоничного развития общества большое значение имеют масштабы пространства постоянной жизнедеятельности человека. Место, где человек живет, общается, трудится, поклоняется святыням, должно быть постоянным, лично обозримым, родственно и по-соседски узнаваемым, надежным, доступным для прямых контактов, вводящим и напутствующим в большом мире. Через подобную организацию населенного пункта — "малую родину", несущую тепло и поддержку, вызывающую привязанность и любовь, человек проникается доверием к другим, родственным "малым родинам", ощущая их единство и свою принадлежность к этому единству — своей большой Родине, Отечеству, которому он готов верно служить.

Создание таких условий — одна из важнейших миссий властей всех уровней.

В иных же условиях, особенно в огромных, многомиллионных мегаполисах, все анонимно, никто никого не знает, в том числе соседа или представителя власти. В этой атмосфере усиливаются всеобщее отчуждение, разврат, терроризм и коррупция. Мегаполис — уродливый и разрушающий целостность жизни плод уже завершившейся эпохи индустриальной экономики с ее гигантскими мертвящими формами.

В больших городах с их нравственной (социально-психологическая угнетенность или распушенность), криминогенной и техногенной обстановкой отмечаются колоссальный рост смертности и падение рождаемости. А в селах и малых городах при последовательной вытяжке творческого потенциала в мегаполисы — деградация культуры и массовое пьянство.

Отток населения из сельских местностей продолжается до сих пор. И не наблюдается сколь-нибудь ошутимого внимания к продумыванию и созданию "магнитов" притяжения созидательных сил к сельской территории, малым городам. Проблема подъема сельской местности упирается в наши дни не просто в сельское хозяйство, а в обустройство этой местности, в создание условий для разнообразной занятости и культурного досуга.

Необходима разработка федерально-региональной схемы создания и развития небольших населенных пунктов и малых городов, а также технологий сдерживания роста и разукрупнения мегаполисов. Требуется создание механизмов стимулирования совместной деятельности в данном направлении основных институтов общества.

Из работ И.А. Ильина.

Кто не дорожит традициями своего честного рода и своим семейным очагом, тот превращается незаметно в авантюриста. У кого отнят смысл труда, тот перестает быть гражданином. Народ, находящийся в таком состоянии, неспособен к государственному самоуправлению, к корпоративному строю, к демократии.

Человек научается ценить общежитие не только как средство, необходимое для жизни, но как путь, ведущий к прекрасной и достойной жизни, и, наконец, как самостоятельную ценность. Общество людей прочно и сильно только взаимною поддержкою всех, общею "круговою порукою" (солидарностью); постепенно эта связь и взаимная поддержка, в которой один борется за всех и все защищают одного, скрепляет людей более глубоким образом, — взаимным влечением и взаимною любовью; развитие, углубление и одухотворение этой связи и этого чувства является высшей задачей, идеалом совместной жизни людей.

Человеку дано *художественно индивидуализировать* не только свое отношение к людям, но и свое отношение к внешним вещам, к природе, к зданиям, к земле, к быту. Человеку дано *художественно отождествляться* не только с друзьями и с поэтическими образами любимых поэтов, но и с розами в саду, со взращенным виноградником, с насаженным его руками лесом, с колосющейся нивой и построенной им фабрикой. Только люди религиозно мертвые и художественно опустошенные, люди механического века, люди рассудочные и бумажно-кабинетные могут думать, что хозяйственный процесс слагается из *эгоистического корыстолюбия* (жадности) и *физического труда*.

Итак, хозяйственный процесс есть творческий процесс, отдаваясь ему, человек вкладывает свою личность в жизнь вещей и в их совершенствование. Вот почему хозяйственный труд имеет не просто телесно-мускульную природу и не только душевное измерение, но и духовный корень. Хозяйственный труд имеет *религиозный* смысл и источник, ибо в основе его лежит *религиозное приятие мира*; он имеет *нравственное* значение и измерение, ибо он есть проявление *любви*, осуществление *долга и дисциплины*; он имеет *художественную* природу, ибо он заставляет человека *вчувствоваться* в жизнь вещей, *отождествляться* с ними и *совершенствовать* их способ бытия; он имеет свои *познаваемые* корни, ибо он ведет человека к *изучению* тех законов, которые правят вещами и их судьбою; и, наконец, он имеет *общественную и правовую* природу, ибо он покоится на *организации* совместной жизни и требует верного распределения *правовых полномочий и обязанностей*.

Проведенные в рамках "круглых столов" обсуждения, в ходе которых приводились сведения о научных разработках, практических начинаниях и заинтересованных инициативных силах, связанные с ильинскими идеями о возрождении России, позволяют в развитие положений принятого участниками конференции Итогового документа предложить следующие направления дальнейшей деятельности.

1. Привлечение творческого наследия И.А. Ильина, других выдающихся мыслителей и деятелей России, а также зарубежья, близкого по духовно-нравственным ценностям и традициям, к постановке и разработке решений стратегических задач федерального уровня, а также к подготовке стратегий развития регионов. Использование его для выработки единой иерархической системы ценностных ориентиров, методов проектирования и управления ключевыми процессами, сбалансированной системы показателей эффективности деятельности государственных, общественных и иных институтов общества, участвующих в реализации стратегии развития страны или региональных стратегий.

2. Осуществление системных пилотных проектов, создающих условия для возникновения межрегиональных очагов интенсивного социально-культурного роста — источников опыта сопряжения стратегии развития с локальными социально-инновационными действиями в ключевых точках преобразований.

Следуя взглядам Ильина на органическую природу общества, указанные направления деятельности окажутся плодотворными при условии их внутренней связи. Эта связь может быть обеспечена прежде всего единым духом, задающим нравственно определенную волевою направленность действий, что предполагает единое для направлений работ организационное ядро носителей этого духа и только затем — полномочия и материальные ресурсы.

По мнению участников, придать необходимую динамику работам может использование результатов подготовки федеральной целевой программы "Обретение малой родины", а также увязка этих работ с деятельностью, ведущейся под патронатом Совета Федерации в рамках Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" (см. Приложения).

Одновременно такой подход, соединяющий действия, обращенные внутрь страны, с международным сотрудничеством, стержнем которого является привлечение творческого наследия и потенциала к подъему социальной культуры, послужит поддержке и расширению за рубежом дружески расположенных к России сил, укреплению ее авторитета среди стран, имеющих общие духовно-культурные традиции.

Основное внимание в ближайшее время можно было бы уделить подготовке и осуществлению комплекса мероприятий по данным направлениям, посвятив его 1150-летию Великого Новгорода в 2009 году и 1000-летию Ярославля в 2010 году.

Эти знаменательные даты соединяют духовно-исторические истоки российской государственности с современностью. И если к этому соединению приложить ильинское видение, создать соответствующие организационные условия, оно способно вдохновить и привлечь к сотрудничеству значительный федерально-региональный творческий потенциал.

**ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ
научно-практической конференции
"Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре
России", посвященной 125-летию выдающегося правоведа
и философа И.А. Ильина

Москва

19 июня 2008 года

19 июня 2008 года Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации при участии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Социально-инновационного центра России (далее — Социнцентр), Государственного патриотического клуба при партии "Единая Россия", Комиссии по правовой культуре и пропаганде правовых знаний Ассоциации юристов России провел научно-практическую конференцию "Учение И.А. Ильина о праве, власти и социальной культуре России", посвященную 125-летию выдающегося правоведа и философа (далее — Конференция).

Творческое наследие Ивана Александровича Ильина касается осмысления и восстановления духовно-нравственных ориентиров в построении социальной культуры России во всем ее многообразии: право, управление, образование, воспитание, наука, искусство, экономика. Его освоение позволит привлечь значительный, пока еще по-настоящему не осознанный созидательный потенциал для развития общества и Российского государства.

Конференция организована в рамках программы "Единители поколений" Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви".

В работе Конференции приняли участие представители Совета Федерации, Государственной Думы, Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, Московского патриархата, научного и педагогического сообщества, общественных организаций и деловых кругов.

Заслушав выступления на пленарном заседании, проведя обсуждения в рамках трех "круглых столов": "Иерархия ценностей в развитии институтов власти и гражданского общества — право, правоприменение, правосознание", "Духовно-нравственные ориентиры в построении социальной культуры — воспитание, образование, социальная педагогика", "Этические и социально-инновационные условия оздоровления регионов — сотрудничество местного, федерально-регионального и международного уровня", подводя итоги работы, **участники Конференции решили:**

1. Признать высокий организационный уровень и значимость работы Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и Социнцентра по подготовке и проведению Конференции.

2. Основываясь на предложении заместителя Председателя Совета Федерации А.П. Торшина, просить Совет Федерации рассмотреть вопрос о ежегодном проведении чтений, посвященных творческому наследию И.А. Ильина.

3. Объединить усилия по разработке мер, направленных на популяризацию творческого наследия И.А. Ильина и плеяды близких ему по духу мыслителей и государственных деятелей, на использование этого наследия в законодательной, правоприменительной и педагогической деятельности.

4. Поддержать предложение Комитета Государственной Думы по культуре о подготовке и проведении в апреле 2009 года в городе Москве в рамках совместных мероприятий Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" и программы "Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России" Международной конференции, посвященной осмыслению путей развития современной государственности и социальной культуры через призму творческого наследия И.А. Ильина.

Рекомендовать Совету Федерации принять участие в образовании организационного комитета и деятельности по подготовке и проведению конференции.

5. Отметить важность инициативы Объединения выпускников юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по сбору средств на установку памятника на месте перезахоронения в России останков И.А. Ильина и его супруги (Москва, некрополь Донского монастыря). Призвать участников Конференции присоединиться к этой благотворительной акции и привлечь к ней внимание широкой общественности.

6. Рекомендовать Совету Федерации, Государственной Думе, Правительству Российской Федерации, заинтересованным федеральным органам государственной власти и органам государственной власти субъектов Российской Федерации предусмотреть в своей деятельности:

организацию и осуществление мониторинга законотворческой и правоприменительной практики на основе выработки показателей, связанных с ценностными ориентирами, ведущими к повышению правосознания и социальной культуры в обществе;

разработку системы мер содействия подбору, подготовке и переподготовке кадров, участвующих в нововведениях, направленных на социально-культурный подъем регионов, способных сочетать современные научные и технологические достижения с духовно-нравственными традициями.

7. Для достижения результативности деятельности, рекомендованной в пункте 6, имеющей социально-инновационный характер и требующей нестандартных методов организации, предложить заинтересованным органам государственной власти рассмотреть возможность создания и использования в этой деятельности механизмов государственно-общественного, межведомственного, федерально-регионального и межрегионального сотрудничества.

8. С целью обеспечения скоординированной работы заинтересованных сторон по выполнению настоящего Итогового документа предложить Социнцентру осуществлять организационно-исполнительные функции при поддержке участников Конференции и представляемых ими организаций.

**МАТЕРИАЛЫ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ К КОНФЕРЕНЦИИ**

Н.Ф. Медушевская,
*кандидат философских наук,
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России*

УЧЕНИЕ И.А. ИЛЬИНА О ДУХОВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРАВА И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Для современной России важно обращение к праву как явлению культуры, которое предоставляет одинаковые условия существования в обществе самых разных людей, создает условия, препятствующие и оберегающие личность от разрушения. И.А. Ильин отмечает: "Человечеству, живущему на земле, присущ такой *способ* существования, который делает *право* *необходимой* *формой* *его* *бытия*. Этот способ существования определяется особым соотношением *множества* *и* *единства*, *одинаковости*, *различия* *и* *общности*"¹. Именно благодаря праву общество сохранилось как социальное целое от архаичных времен до современности.

В России сформировались представления о справедливости как о благе государства, долгое время отсутствовало ценностное понимание свободы, которая ассоциировалась с произволом или вольницей, вольностью. Государственное устройство было правом не оформлено, а идея правового государства так и оказалась в России не востребованной. Первые попытки конституционализма в отношении легитимации власти в начале XX века не дали положительных результатов, поскольку среди населения отсутствовало понимание права как ценности. В учениях российских либеральных мыслителей предпринимались попытки вернуть стране и народу цивилизованное правопонимание, но все они не были поддержаны ни народом, ни большей частью интеллигенции. В России мораль всегда ставилась выше права, и чрезмерное увлечение нравственными идеалами приводило к недооценке правовых идеалов.

Дефицит правосознания в национальном сознании получил адекватное выражение в традиционно-моральной интерпретации права в отечественной правовой и философской литературе XIX века, воплощающей этикоцентризм и стремление обосновать правомерность исключительно нравственного подхода к действительности. Юридиче-

¹ Русская философия и социология права. Изд. 2-е. — Ростов н/Д: Феникс; Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005. С. 353.

ская проблематика не имеет в ней самостоятельного исследовательского статуса, она занимает второстепенное место, а феномен права превращается в своеобразное дополнение этической проблематики.

Русская либеральная мысль в лице Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева и Л.И. Петражицкого, В.М. Гессена и Б.А. Кистяковского, И.А. Ильина и Г.В. Флоровского последовательно выступала против распространения в России "русского моралистического антилегализма". Не ограничиваясь рамками профессиональной юридической деятельности, они вели борьбу за реабилитацию права как такового, за его понимание как выражение человеческой свободы. Они стремились развить теорию юридического обоснования прав личности, которая ограничивала бы политическую власть, приходя к выводу о приоритете права над политикой. Большое значение эти известные русские юристы и философы уделяли развитию правовой культуры, которая, по их убеждению, не только не была на должной высоте, но порой и полностью отсутствовала. В настоящее время эти идеи не только не утратили своего смысла, но и приобрели новое звучание.

Уже изначально русский народ относился к праву с недоверием, а зачастую и с презрением. Пренебрежение правом со стороны государственных структур неизбежно порождает уверенность в бессилии права, в том, что все может свершиться "по высочайшей воле", из милости, а порой и по прихоти мелкого чиновника. Вся история русского народа изобилует примерами проявлений беззакония, неуважения закона, стремления его любыми способами избежать или нарушить. Россия всегда страдала от недостатка крепкого и верного правосознания, как пишет И.А. Ильин, "правосознания чувства, правосознания доверия, правосознания ответственности, правосознания действенной воли, правосознания дисциплины, правосознания характера, правосознания религиозной веры"¹. Тоска по порядку, идущему от царя, подсказывала русскому человеку, что искомый порядок далеко, его залогом является далекий и обожествленный Государь, что спасти Русь может только крепкая царская власть.

Постепенно государство в России становилось все более патерналистским, низводило членов общества до уровня несовершеннолетних. Царь Иван Грозный считал, что самое главное свойство народа — "младенчество", инфантилизм. Народ подобен ребенку, поэтому подданные в принципе не имеют свободной воли и чести. Даже перед Богом они не могут отвечать за свои прегрешения, и эту ответственность берет на себя царь. Соответственно, с холопами и обращаться можно так, как считает целесообразным правитель. Опека, желание учредить всеобщее благо и благоденствие, учинить единое для всех блаженство, достичь земного рая характерны и для будущего советского государства, которое наследует из далекого прошлого стремление сделать всех насильно счастливыми, взять на себя смелость в определении для своих граждан лучшей доли.

Конечно, русские как нация не выжили бы без мощного государства, но укрепление государства шло не на основе демократии и личной

¹ *Ильин И.А.* О грядущей России. Избр. статьи. М., 1993. С. 88.

инициативы, а через утверждение деспотии и подавление личной свободы. Национальная идея стала восприниматься как самоотречение от всех человеческих свобод и подвижничество, самоотверженное служение государству, которое строилось по образу и подобию казармы, где право формировалось не на уважении прав личности. Поэтому все начинания в великом общерусском государстве осуществлялись на основе кнута. Обратной стороной такого правопонимания оказался правовой нигилизм, корни которого следует искать на заре формирования российской государственности, когда детерминантами права выступали некие надындивидуальные силы, будь то божественная воля или воля государства. Исходящие от этих сил начала задавали индивиду норму поведения, и он должен был повиноваться ей независимо от своей воли или интереса.

Идеи этатизма оказались созвучны как народному самосознанию, так и юридическому позитивизму, который нашел в России питательную почву. Одним из наиболее ярких поборников этого направления в России был Г.Ф. Шершеневич, понимавший право как закон и требование государства, которое не связано правом, а стоит над ним, поэтому государственная власть — это сила, а не право.

Оппонентом позитивистского понимания права является Иван Александрович Ильин, который, будучи православным мыслителем и патриотом своего Отечества, стал последовательным носителем русской идеи, самобытности русской души и русской культуры. Он утверждал, что правовое государство покоится всецело на признании человеческой личности — духовной, свободной, полномочной, управляющей собою в душе и в делах, то есть на лояльном правосознании. При этом в деле государственного строительства уровень правосознания ставится им в прямую зависимость от силы власти.

И.А. Ильин сформулировал три аксиомы правосознания, лежащие в основе правовой жизни любого народа. Первое, что отличает настоящего гражданина, это свойственное ему чувство собственного достоинства. Он чтит духовное начало в самом себе, свою религиозность, совесть, разум, честь, свои убеждения. Второе — это его внутренняя свобода, превращенная в самодисциплину. Он, гражданин, есть некий ответственный самоуправляющийся волевой центр, истинный субъект права, которому подобает быть свободным внутренне и потому принимать участие в государственных делах. Такому гражданину подобает уважение и доверие. Он есть как бы твердыня государственности, носитель верности и самообладания. Третье, что отличает настоящего гражданина, это взаимное уважение и доверие, которые связывают его с другими гражданами и государственной властью. Данные аксиомы — это характеристики той духовной атмосферы, в которой нуждается право и государство для своего процветания¹.

Итак, следуя учению И.А. Ильина, мы обращаемся к духовным основаниям права, к пониманию его как экзистенциальной потребности человека, нуждающейся в порядке и организованности. Право не является чем-то внешним, навязанным человеку, индивид всей своей су-

¹ *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 144—190.

тью нуждается в нем, как нуждается в искусстве или религии, поэтому уже "простое осуществление его (объективного права. — *авт.*), само по себе, укрепляет и воспитывает в душах людей волю и доверие к праву: то обстоятельство, что правовая жизнь сама открывает пути к совершенствованию права, что самое блюдение положительного права может приблизить его к "естественной" верности, и, тем самым, к его преодолению, — это обстоятельство, само по себе, как бы зовет к его признанию"¹.

Непонимание права как внутренней потребности человека, сведение его только к принуждению и насилию, отсутствие реального представления о роли права в сфере политики породили в современной правовой культуре России глубокую политизированность права и правосознания, непонимание его сущности и природы, сведение права к закону, искажение представлений о правовых ценностях и их содержании. Это касается как населения страны, так и людей, профессионально занятых правовой деятельностью. Как ни вспомнить здесь следующие слова И.А Ильина: "Люди, создающие и формулирующие новые правовые нормы, должны выработать в себе особый "акт" правосознания или, условно говоря, правовой совести, проверяющий или даже впервые формулирующий эту идею и заставляющий положить ее в основу новых норм, в качестве истинной и предметно обоснованной ценности. Истинный законодатель есть художник естественной правоты, ее искатель и служитель. Для него — "лучшее" есть всегда то, что есть лучшее на самом деле и само по себе, ибо им руководит добрая воля"².

Чтобы процесс построения правового государства имел желаемый результат, необходимо создать развитое гражданское общество со всеми необходимыми институтами, осуществляющими контроль власти, принимая во внимание совокупность культурных факторов развития правовой сферы России, сопровождавших становление российской государственности и формирование правовой культуры на протяжении всей многострадальной отечественной истории. Неумение жить вне насилия, противостоять "праву силы" явилось одной из причин усиления в нашей стране коррупции, правового нигилизма, неверия в правосудие и закон, отсутствия механизмов, контролирующих государство. Большинство населения страны пребывает в растерянности, тоске по твердой руке, которая его встряхнет и поведет в светлое будущее. И вместе с тем появляется новое поколение, которое не ориентируется на благодеяния со стороны государства и не абсолютизирует его роль и силу, а стремится к самостоятельности и независимости, полагаясь на личные знания, усилия, умения и инициативу. Сможет ли новое поколение россиян научиться противостоять политическому и экономическому принуждению, решать личные и общественные вопросы самостоятельно — задача не из легких, но от ее решения зависит будущее нашей страны и каждого россиянина, их процветание, благополучие и свобода.

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 67.

² Там же. С. 68.

Л.М. Миронов,
*директор Центра исследований
духовного наследия России ИНЭС РАН*

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЕ ПО И.А. ИЛЬИНУ

Государственная форма есть не "отвлеченное понятие" и не "политическая схема", безразличная к жизни народов, а **строй жизни и живая организация народа**. Необходимо, чтобы народ **понимал свой жизненный строй**; чтобы он **умел — именно "так"** — организоваться; чтобы он **уважал** законы этого строя и **вкладывал свою волю** в эту организацию. Иными словами, именно **живое правосознание** народа дает государственной форме осуществление, жизнь, силу; так что государственная форма **зависит прежде всего от уровня народного правосознания**, от исторического нажитого народом **политического опыта**, от силы его воли и от его национального характера.

Политическая жизнь делается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием, их характером, их чувством долга, их организационными навыками, их уважением к закону. Все это надо воспитать. Нелепо вводить в стране государственную форму, не считаясь с уровнем и навыками народного правосознания.

Далее, государственная форма должна считаться с:

- территориальными размерами страны и численностью ее населения;
- климатом и природой страны. Суровый климат затрудняет всю организацию народа, все сношения, все управление. Природа влияет на характер людей, на продовольствие страны, на ее промышленность;
- многонациональным составом населения. Он может стать фактором распада и привести к губительным гражданским войнам. Но эта опасность может быть и преодолена, например, религиозно-культурным преобладанием и успешным политическим водительством численно сильнейшего племени, если оно отличается настоящей уживчивостью и добротой (Россия).

Каждому народу причитается своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать губительным.

Было абсолютно безответственно — загонять в республиканскую форму жизнь российского народа, выносившего в долгие века монархическое правосознание...

Пройдут годы национального опамятования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельности мысли, прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не погибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только *национальная, патриотическая*, отнюдь не тоталитарная, но *авторитарная* — воспитывающая и возрождающая — *диктатура*.

1. Предпосылки творческой демократии

То политическое течение, которое, по-видимому, преобладает в современном мире, должно быть обозначено как "фанатизм формальной демократии". Фанатизм — потому что это течение превратило свой лозунг в "исповедание веры", в панацею (всеисцеляющее средство), в критерий добра и зла, в предмет слепой верности и присяги, как если бы надо было выбирать между тоталитарным режимом и формальной демократией, ибо ничего больше нет (тогда как на самом деле есть еще многое другое!). Это есть фанатизм формальной демократии, которая сводит все государственное устройство к форме всеобщего и равного голосования, отвлекаясь от качества человека и от внутреннего достоинства его намерений и целей, примиряясь со свободой злоумышления и предательства, сводя все дело к видимости "бюллетеня" и к арифметике голосов (количество).

Но в действительности такая "демократия" ни от чего не обеспечивает: ни от всеобщей продажности, ни от предательских заговоров, ни от эксплуатации плутами слабых, добрых, темных и глупых, ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма. История (1914—1951) (*плюс наш период 1952—1991. — Л.М.*) только что дала новые жестокие уроки, присоединившиеся к прежним (из эпохи греко-римской, из эпохи Возрождения и из революций нового времени). Но разве фанатик внемлет урокам исторического опыта? Сколько раз формальные демократии вырождались, теряли свою творческую силу и губили государства! И нам, русским патриотам, совершенно необходимо додуматься в этом вопросе до конца и договориться друг с другом.

Демократический строй далеко не всегда и не везде у места. Он имеет свои необходимые основы или "предпосылки": если их нет налицо, то ничего, кроме длительного разложения и гибели, демократия не дает.

Каковы же эти предпосылки творческой демократии?

1. Народ должен разуметь свободу, нуждаться в ней, ценить ее, уметь пользоваться ею и бороться за нее. Все это вместе должно быть обозначено как искусство свободы. Нет его — и демократия обречена.

Дело в том, что свобода совсем не состоит в "развязании" граждан или в "разнуздании" народа, но в замене внешней связанности, идущей "сверху", – внутренней самосвязью, самодисциплиной. Свободный народ сам знает свои права, сам держит себя в пределах чести и закона; он знает, для чего ему дается свобода: он наполняет ее верной творческой инициативой — в религии, в самоуправлении, в хозяйстве, в общении, в науке и в искусстве. Он не пойдет за негодами, соблазняющими его "вседозволенностью", но заставит их замолчать. Он не позволит тоталитаристам отнять у него свободу, но сумеет отстоять ее.

Народ, лишенный искусства свободы, будет настигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией...

Не ясно ли, что первая опасность (анархия) настигла Россию в 1917 году и осуществителем ее был Владимир Ульянов и что вторая опасность (деспотия) настигла Германию в 1933 году и осуществил ее Адольф Гитлер?

2. Второй предпосылкой творческой демократии является достаточно высокий уровень правосознания.

В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта — не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти...

Бездуховному инстинкту противостоит дух в человеке, начало сердца, разумной воли, ответственного предстояния и совести. Дух проявляется в жажде священного, в искании Бога, в способности к самообладанию и к деятельной любви. Правосознание есть одно из основных его (духа) проявлений: "я есть личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя, и такую же свободную и ответственную личность я вижу в каждом другом человеке".

Человек, имеющий здоровое правосознание, есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои, и чужие полномочия, обязанности и запретности; он есть живая опора правопорядка, самоуправления, армии и государства.

Человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя, как волк. Человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх. Человек без чувства ответственности и чести — не способен ни к личному, ни к общественному самоуправлению, а потому не способен к демократии.

Если в народе нет здорового правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и преступлений. Беспринципные и пронырливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство,

наживаются на этом и называют это "демократией". Спасти их и страну от гибели может только строгий авторитарный (отнюдь не тоталитарный!) режим.

3. Третьей предпосылкой является хозяйственная самостоятельность гражданина. Я разумею при этом не богатство, не предпринимательство, не земельную собственность, но личную способность и общественную возможность кормить свою семью честным, хотя бы и наемным, трудом.

Человек, лично не способный к честному труду, есть профессионал темных путей, опасный проныра, мастер плутни, продажный рукогрей. Он живет вне правопорядка и правосознания и потому оказывается политическим идиотом.

Человек, не имеющий общественной возможности кормить свою семью честным трудом, есть трагическое явление безработного. Он не повинен в своем несчастье и нередко сам с ужасом следит, как длительная безработица деморализует его и губит.

На обоих этих путях демократия гибнет от обилия в стране черни, отвыкшей от честного труда и жаждущей подачек, развлечений и авантюр...

4. Есть минимальный уровень образования и осведомленности, вне которого всякое голосование становится своею собственною карикатурою. Здесь нужна не просто элементарная грамота. Здесь нужно понимание самого выборного процесса и предлагаемых программ, умная оценка кандидатов, разумение государственного и экономического строя страны и его нужд, верное видение политических, международных и военных опасностей и, конечно, приобщенность к источникам *правдивых* сведений.

Есть уровень необразованности, малообразованности и неосведомленности, при котором голосует не народ, а обманываемая толпа, из этого возникает не демократия, а охлократия (правление темной толпы). И нужно быть совсем наивным, чтобы воображать, будто люди, которым обманно морочили головы 30-40 лет (*мы теперь можем сказать: 75—80 лет. — Л.М.*), завтра станут "сознательными гражданами", способными разобраться в государственном вреде и политической пользе...

5. Но и этого мало: необходим политический опыт, которого в будущей России будут лишены все слои общества.

Надо вдуматься и представить себе все отчетливо. 30—40 лет подряд (*а мы теперь говорим определенно: 75—80. — Л.М.*) голодом, страхом и пыткой — людей отучали от самостоятельного мышления, от политической и хозяйственной инициативы, от ответственного решения; с утра до вечера, от рождения до смерти людям забивали души мертвыми и ложными схемами вульгарного марксизма. Каких граждан, каких демократов готовила этим коммунистическая власть? Не граждан, а рабов тоталитарного государства; не политиков, а до смерти напуганных

карьеристов; не деятелей, а пролаз и доносчиков готовил советский режим; людей, совершенно лишенных государственного кругозора, честного — да, именно честного — опыта и самостоятельного разума...

Какая наивность, какая безответственность, какая историческая слепота нужны для того, чтобы воображать, будто навыки тоталитарного приказчика и тоталитарного поденщика могут сделать на что-нибудь способную "демократию"... Как низко расценивают современные "демократы родом из России" тот режим, которому они присягают! Годы, годы должны пройти до тех пор, пока русский человек опомнится, страхнет с себя эти унижительные навыки и, встав во весь рост, найдет опять свой уклад, свое достоинство, свою русскую самостоятельность и свою независимую талантливую сметку.

б. А между тем настоящая, творческая демократия предполагает в человеке еще целый ряд свойств и способностей, без которых она становится обманым лицедейством и разбазариванием национального достояния.

Участнику демократического строя необходимы личный характер и преданность родине, черты, обеспечивающие в нем определенность воззрения, неподкупность, ответственность и гражданское мужество. Нет этого — и он пустое место, картонный кирпич в стене, гнилое бревно, проржавевшее кольцо в цепи, заранее обеспеченный предатель. Демократический режим, в котором такие люди преобладают, не рухнет только тогда, когда некому толкнуть его. Бесхарактерные люди не способны ни к какому благу начинанию, они только кажутся людьми, они мнимые величины. Граждане, научившиеся интернационализму, суть граждане всех остальных государств, только не своего собственного. Голосователи, не имеющие определенных воззрений и не умеющие их отстаивать, подобны тем резиновым игрушкам-зверюшкам, которых надувают сзади и из коих потом чужой воздух выходит с писком, а сами они валятся на бок. Что же сказать о продажных? Ведь деньги-то будут только у иностранцев, а нищему и вменить в вину его продажность трудно. Человека, лишённого чувства ответственности, совсем нельзя подпускать ни к какому публичному делу: все погубит, словчится и скроется в толпе за ее многоголовой неуловимостью. А гражданское мужество есть сущее условие жизни — для всякого демократа, во всякой демократии...

Но о демократии мы мыслим гораздо выше и лучше, чем господа формальные демократы. И утверждаем следующее: страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех же пор введение демократического строя может быть только гибельным для этой страны.

2. О формальной демократии

Есть два различных понимания государства и политики: механическое и органическое. Механическое отстаивает человеческую инстинктивную особь и ее частные интересы, оно измеряет жизнь количественно и формально. Органическое исходит от человеческого духа и восходит к национальному единству и его общим интересам, оно качественно и ищет духовных корней и решений. Которое же из этих понятий желательнее и спасительнее для России?

Рассмотрим сначала механическое воззрение. Оно видит в человеке прежде всего инстинктивную особь, имеющую свои "желания" и "потребности": каждый желает меньше работать, больше наслаждаться и развлекаться; плодиться и наживать; иметь свои безответственные мнения и беспрепятственно высказывать их; подыскивать себе где угодно единомышленников и объединяться с ними; ни от кого не зависеть и иметь как можно больше влияния и власти. Ведь люди рождаются "равными", и потому каждому из них должны быть предоставлены одинаковые права для отстаивания своих "желаний" и "потребностей": это "неприкосновенные права свободы", которые "не терпят ограничений". Поэтому каждая человеческая особь должна иметь в государственных делах равное право голоса. Сколько людей, столько равных голосов. Что кому нравится, то пусть каждый беспрепятственно и отстаивает. Единомышленники всех стран пусть свободно объединяются; поданные голоса пусть подсчитываются; большинство голосов будет все решать. "Тогда пойдет все гладко и станет все на место"...

Что же касается качества всех этих "желаний", планов и затей у всех этих "единомышленников", а особенно мотивов и намерений всех этих "голосователей", то до них никому не может быть дела: все это ограждается неприкосновенною "свободою", нерушимым "равенством" и "тайною" голосования. Каждый "гражданин" как таковой заранее считается разумным, просвещенным, благонамеренным и лояльным, неподкупным и "почтенным"; каждому дается возможность обнаружить все свои "доблести" и прикрыть словами о "публичном благе" все свои замыслы и затеи... Каждому гражданину обеспечивается право на кривые и лукавые политические пути, на нелояльные или предательские замыслы, на продажу своего голоса, на гнусные мотивы голосования, на подпольные заговоры, на незаметную измену, на тайное "двойное подданство" – на все те низости, которые бывают людям столь выгодны и столь часто их соблазняют. И для свободного выражения всех этих духовных соблазнов гражданину дается "избирательный бюллетень". "Мотивы голосования" должны быть свободны; свобода мнений должна быть полною; государственные чиновники не смеют покушаться на нее и урезывать ее. И самое глупое, самое вредное, губительное и гнусное "мнение" – "неприкосновенно" уже в силу того, что нашелся вредный глупец или предатель, который его провозгласил, укрываясь за его "неприкосновенностью"...

Понятно, что все это сразу обезоруживает государство перед лицом его врагов и разлагателей и в то же время обеспечивает этим врагам и разлагателям полную свободу и безнаказанность. Государство и правительство обязаны обеспечивать народу свободу соблазняемости, а разлагателям и предателям — свободу соблазнения; естественно, что очередное голосование подводит итоги — успеху обеспеченного соблазна. И такой порядок будет продолжаться до тех пор, пока соблазн не подорвет самую идею голосования и самую готовность подчиняться большинству: тогда голосование будет заменено восстанием, и организовавшееся тоталитарное меньшинство захватит власть.

Это означает, что формально-количественное понимание государства открывает настежь двери всем политическим авантюрам, переворотам и революциям.

3. Об органическом понимании государства и демократии

Тот, кто хочет верно понять сущность государства, политики и демократии, должен с самого начала отказаться от искусственных выдумок и ложных доктрин. Так, например, есть вздорная выдумка, будто все люди "разумны", "доброприродны" и "лояльны". Жизнь свидетельствует об обратном, и надо быть совсем слепым, чтобы этого не видеть, или совсем пролганым, чтобы лицемерно отрицать это. Есть также ложная доктрина, будто право голоса можно предоставлять людям независимо от их внутренних свойств и качеств; скажем совсем точно — независимо от их правосознания. Это есть величайшее заблуждение, будто государственный интерес состоит из суммы частных интересов и будто на состязании и на компромиссе центробежных сил можно построить здоровое государство. Это есть слепой предрассудок, будто миллион ложных мнений можно "спрессовать" в одну "истину"; или будто "честно" сосчитанные "свободные" голоса способны указать истинное благо народа и государства. Ибо надо не только "честно" считать, но считать-то надо именно честные и разумные голоса, а не партийные бюллетени.

Итак, жизнь государства слагается не арифметически, а органически. Самые люди, участвующие в этой жизни, суть не отвлеченные "граждане" с пустыми "бюллетенями" в руках, но живые личности, телесно-душевно-духовные организмы; они не просто нуждаются в свободе и требуют ее, но они должны быть достойны ее. Избирательный бюллетень может подать всякий, но ответственно справляться с бременем государственного суждения и действия — может далеко не всякий. Человек участвует в жизни своего государства как живой организм, который сам становится живым органом государственного организма; он участвует в жизни своего государства всем — телесным трудом, ношением оружия, воинскими лишениями, напряжениями и страданиями; своею лояльною волею, верностью сердца, чувством долга, исполнением законов (всем своим частным и публичным) правосознанием. Он

строит государство инстинктивной и духовной преданностью, семейной жизнью, уплатой налогов, службой и торговлей, культурным творчеством и даже славой своего личного имени.

...Таким образом, "ткань государственного бытия" слагается из органической жизни всех его граждан. Каждое индивидуальное злодейство совершается "в ткани" государства, вредит ему и разрушает его живое естество; и каждое доброе, благородное и культурное деяние гражданином совершается "в ткани" государства, строит и укрепляет его жизнь. Государство не есть какая-то отвлеченность, носящаяся над гражданами, или какой-то "я-вас-всех-давишь", вроде сказочного медведя (*а может быть, и не сказочного. — Л.М.*), который садится на теремок, давит всех его обитателей. Государство находится не "там где-то", вне нас (правительство, полиция, армия, налоговое ведомство, чиновничий аппарат); нет, оно живет в нас в виде нас самих, ибо мы, живые человеческие личности, есьмы его "части", или "члены", или "органы". Это участие не сводимо к внешним делам и к внешнему "порядку", оно включает и нашу внутреннюю жизнь. Но это "включение" состоит не в том, что "мы ничего не смеем", а "государство все смеет"; что мы рабы, а государство рабовладелец; что гражданин должен жить по принципу "чего изволите?". Совсем нет. Тоталитарное извращение есть явление сразу большое, нелепое и преступное (*И мы, слава Богу, его пережили! — Л.М.*). В государство включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или, наоборот, разрушают его) — все свободные, частноинициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан...

Политический организм имеет прежде всего *душевно-духовную* природу: народ, потерявший чувство духовного достоинства, лишенный ответственности и государственного смысла, отрекшийся от чести и честности, — неизбежно предаст и погубит свое государство. Недаром мудро сказано: "мир управляется из детской". Ибо воспитание гражданина начинается именно с детской, чтобы продолжиться в школе и завершиться в академии. Гражданин неотрывен от своего духа и своего правосознания: духовноразложившийся человек подает на выборах позорный и погибельный бюллетень; человек с деморализованным правосознанием будет вредить своему государству на каждом шагу — неисполнением своих обязанностей, произвольным преувеличением своих полномочий, мелкими правонарушениями и дерзкими преступлениями, взяткой и растратой, избирательной коррупцией и шпионажем. Это не гражданин, а предатель, продажный раб, ходячее криводушье, недопойманный вор. К какому голосованию он способен? Кого он может "избрать" и куда его самого можно выбрать? Что понимает он в делах государства? Еще в Библии сказано, что город держится десятью праведниками...

Государственное дело совсем не есть "сумма" всех частных претензий, или компромисс личных вожелений, или равновесие "классовых"

интересов. Все эти вождения и интересы — близоруки: они не смотрят ни в государственную ширь, ни в историческую даль. Каждый стяжатель промышляет о "своем" и не понимает, что настоящий гражданин мыслит об общем. Государственное же дело начинается именно там, где живет общее, то есть такое, что всем важно и всех объединяет; что или у всех сразу будет, или чего сразу у всех не будет; и если — не будет, то все развалится и упразднится, и все рассыплется, как песок.

Такова совместная и общая безопасность жизни; такова национальная армия; такова честная полиция; таков правый суд; таково верное и мудрое правительство; такова государственная дипломатия; таковы школы, дороги, флот, университеты, академии, музеи, больницы, санитарная служба, правопорядок, всякое внешнее благоустройство и ограждение личных прав. Кому же это нужно и полезно? Всем, ибо это общее; в нем все "суть едино".

Государство состоит из народа и ведется правительством; и правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это и отдавать свои силы общему делу. Верное участие народа в жизни государства дает этому последнему его силу. В этом выражается демократическая сила истинной государственности. Слово "демос" означает народ; слово "кратос" выражает силу, власть. Настоящее государство "демократично" в том смысле, что оно черпает из народа свои лучшие силы и привлекает его к верному участию в своем строительстве. Это означает, что должен происходить постоянный отбор этих лучших сил и что народ должен уметь верно строить свое государство.

Из всего сказанного мы должны сделать главный для себя вывод: нам надо воспитывать в себе русский духовный характер; нам нужно "вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни". И опять прозорливый И.А. Ильин для достижения поставленной цели формулирует для нас ряд вопросов "глубокого последнего измерения":

- Почему так необходима и драгоценна человеку духовная свобода?
- Почему так важно воспитать в человеке самостоятельную и ответственную духовную личность?
- В чем сущность верного характера и как возрастить его в русских людях?
- Что такое христианская совесть и как осуществляется совестный акт?
- Почему надо беречь и держать в чистоте семейную жизнь?
- Как найти духовные основы и духовные пределы патриотизма и национализма?
- Чего требует справедливость — равенства или неравенства?
- Каковы суть аксиомы правосознания, нарушение которых разложит всякий режим и погубит всякое государство?

- Каковы суть необходимые аксиомы демократии, без коих ее нелепо вводить и бессмысленно поддерживать?
 - В чем основы монархической власти, отсутствие которых погубит всякую монархию?
 - Каковы суть аксиомы и задачи академического преподавания?
 - Почему оно требует свободы для профессоров и самостоятельности от студентов?
 - В чем сущность здорового хозяйственного акта?
 - Почему он требует свободной инициативы, частной собственности и братской щедрости?
 - В чем различие между авторитарным строем и тоталитарным?
 - Почему Россия выросла политически и духовно в авторитарном строе и стала мировой ранюю при тоталитарном порабощении?
- Эти вопросы нам предстоит разрешить.
Это есть и наша программа.

Н.С. Семенов,
доцент кафедры религиоведения
Института теологии им. Святых Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета

И.А. ИЛЬИН И РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

1. Прежде всего я хотел бы подчеркнуть следующее: Ильин показал, что нельзя безответственно ставить решающие, ключевые вопросы национального и государственного бытия (как и личной жизни) поверхностно, без их философского осмысления и продумывания. Кстати, имея блестящее философское образование, сам Ильин определял философию как "опытную науку", то есть признается особым "философский опыт".

У философского познания две отличительные черты: оно опытное по существу и метафизическое по предмету. В "Религиозном смысле философии" Ильин писал: "Философия есть адекватное понятие об абсолютности предмета". И любая философская «спекуляция» покоится на систематическом созерцании предмета, она питается этим опытным восприятием, почерпает из него свое содержание». Здесь мы можем говорить об известной близости Ильина к Гуссерлю.

2. А "в полноте духовного опыта" мы имеем "живое тождество духовного предмета и субъективного духа". Ильин любит говорить об "одержимости предметом". Это так, поскольку сам "философский опыт дается только через самоотождествление духа с предметом". Сказываются уроки Гегеля. И вот что отличает познание на стадии "предметной одержимости":

— воля к тому, чтобы дать простор самому "предмету" или "умение внимать сверхчувственному предмету" (Зеньковский находил в этом сходство с учением об идеализирующей абстракции у Гуссерля),

— способность овладеть "силами своего бессознательного", чтобы достигнуть "очищения ума и души".

3. Эта "верность предмету" (едва ли не главная у Ильина-философа) и есть честность мысли. Переходя уже в область государственно-политического мышления, надо сказать следующее: как главная добродетель чиновника, государственного человека есть неподкупность, так главная добродетель мыслителя есть интеллектуальная честность. Почему же вместо этого мы сталкиваемся с торжеством коррупции среди первых и софистики (и эвристики в дурном смысле того и другого)

среди вторых? Бич страны, ее духовно-правовой жизни — нечестные "мыслители" и продажные чиновники.

4. Хотел бы отметить радикальность Ильина как политического мыслителя. Быть радикальным значит "видеть вещь в ее корне" — одновременно и в ее своеобразии, и в ее призвании. Ильин — пример именно такого "радикального мыслителя". В этом смысле важны не только те ответы, которые он давал, но и то, как, в каких условиях и какие принципиальные вопросы он решал, ибо считал своим долгом поставить их перед собой, перед Россией. Это может помочь и нам понять, как надо ставить подобные вопросы в иных обстоятельствах и условиях.

5. В этом плане необходимо вновь напомнить некоторые ключевые идеи Ильина, сегодня они особенно нуждаются в дальнейшем продумывании и практическом разворачивании. Прежде всего это идеи относительно власти и государства; народа, русской нации и русской идеи; правосознания и образа гражданина.

Государственная власть не может быть сведена к некоему "монолитному единству", она обладает и богатством внутренней дифференциации. Объединяя авторитет и силу, она есть в первую очередь дух и воля. О ее должном состоянии Ильин пишет так: достоинство и правота наверху, которым отвечает свободная лояльность снизу. В этом заключается сила власти, и это, следовательно, может быть мерилom ее "истинности и праведности".

6. Таким образом, пределы государственного водительства ограничены двумя вещами: достоинством и свободой личного духа — и самостоятельностью творческого инстинкта человека. Одновременно Ильин подчеркивает то, что и сегодня может считаться наибольшей государственной нуждой, а именно — потребность в новом ведущем слое. Это вопрос качества, это проблема выделения кверху лучших людей. И это нравственно-патриотическое и национально-государственное требование: научиться различать и узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их. Ибо "политика, безразличная к качеству людей, качественно снижается и начинается государственное разложение".

7. Дает Ильин и критерии такого различения и узнавания. Для лучших отличительным является следующее: преданность России, национальное чувство, государственное мышление, ответственная воля, идейно-творческий дар, причем такой, который выражает не месть и распад, а дух освобождения, справедливости и классового единения.

Теперь о народе и нации. Для Ильина народ отличает правовое единство. Это и есть субъект Права как такового. А у Ильина это даже сама Всероссийская Личность, которую строит и ведет сильная правовая власть. И в отношении нации Ильин стремится не к абстрактному определению, а к конкретному образу, доступному созерцанию. Нация есть единение людей с единым национальным актом и культурой. И

хотя она не определяется принадлежностью к какой-то единой церкви, тем не менее русский национальный дух и акт был взращен в лоне Православия и исторически определяется его духом.

8. После изложенного понимания власти и народа (и на его основе) Ильин проясняет две важнейшие вещи, два принципиальных вопроса. Первый из них касается русского правосознания как синтеза учреждения и корпорации. В русском языке слова "право", "правый", "правота" — однокоренные. Ключевые понятия здесь — достоинство, личность, свобода, справедливость, ответственность. Духовная свобода и является предметной целью права и государства. Исключительная роль правосознания выражена у русского философа так: "Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить — значит для человека жить правосознанием, в его функции и в его терминах". Живое творческое правосознание выступает у Ильина как единство двух сторон: правового разума и правовой совести.

9. Отсюда вытекает задача формирования нового правосознания, которое должно быть национальным по своим корням, христианско-православным по духу и творчески-содержательным по цели.

Отсюда же вытекают статус и значимость гражданина (какового мы и должны стремиться воспитать на основе такого правосознания): это свободная личность с достойным характером и предметною волей.

Фактически Ильин делает нечто большее; он органически связывает государственное строительство, гражданское правосознание и народную жизнь в некое единство, которое определяется основными условиями "духовного делания". К ним относятся следующие: подлинность в опыте, предметность в исследовании, любовь в общении, ответственность в поступании, компетентность в суждении, осознанность в переживании, "духовная зрелость". Я бы сформулировал это как обязательный кодекс государственного мужа.

10. Теперь у нас есть все данные для конкретного (и не голословного) обсуждения и утверждения "русской идеи". В ней видит Ильин все не отвлеченное понятие; он трактует ее скорее в гегелевском духе, как единство понятия и объективности, как живую действительность и главный источник русской веры и русской культуры; главную силу России и русской самобытности. А потому — и как путь возрождения и обновления. Вот ее главные "элементы": идея сердца — созерцающего — свободно и предметно — передающего свое видение воле для действия — и мысли для осознания и слова.

11. Здесь нужны пояснения — и Ильин их дает. Очень кратко: сердце, что это значит? Это значит, что любовь есть главное в жизни, ибо "любовью строится совместная жизнь на земле" и из любви рождается вера (вспоминаются слова ап. Павла) и вся культура духа. Ильин здесь категоричен, Ильин здесь радикален: "Без любви русский человек есть неудавшееся существо". Первое же проявление русской любви и ве-

ры — живое созерцание ("русский верует — огнем сердца, а не волею и умом; созерцает — стремясь увидеть подлинное совершенство; желает — не власти, а совершенного качества"). При этом сердце и созерцание должны дышать свободно, они требуют свободы, без которой их творчество угасает.

12. Итак, "русская идея есть идея свободного созерцающего сердца". Она такова: "свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура". Согласно Ильину вообще "вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный предмет".

И теперь уже отсюда вытекает главная задача творчества, как личного, так и общенационального и государственного: творить культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. Одновременно это и те первичные силы, на основе которых и с помощью которых можно возвращать вторичные силы русской культуры: волю, мысль, форму и организацию.

13. Значит, не разбудив сердца, созерцания, свободы и совести, мы не сможем вырастить и то, что нам сегодня практически особенно необходимо, — волю, мысль, форму, организацию. Фактически речь идет о внутреннем преображении личности и общества.

Что еще хотелось бы подчеркнуть у Ильина, это то, что относится к самой сущности человеческого духа (по крайней мере, Ильин это утверждает); два его четырехактных деяния, посредством которых дух живет, возрастает, побеждает. А ведь "невозможно устроить мир материи, не устроив мир души, ибо душа есть необходимое творческое орудие мироустройства".

14. Четыре акта первого деяния: воспринять — преломить — преобразовать — направить по-новому. Это можно рассматривать как своего рода "интеллигентную схему" творчества — в том числе и в государственном строительстве. Ибо и государственный муж должен в первую очередь обладать остротой восприятия; верно и полно воспринять — необходимый залог правильного решения. Но не просто воспринять (в том числе и чужое), а и преломить через свое, собственные личностность и опыт; значит, это должен быть внутренне многомерный "кристалл". И не просто "преломить", а и творчески преобразовать. И только тогда возможно "направить по-новому". Без выполнения первых трех актов попытка что-то и кого-то "направлять и определять по-новому" вырождается в жалкую и вредную имитацию. Увы, этим больны многие ответственные лица, несущие ответственность за принятие важнейших решений.

15. Четыре акта второго деяния: понимание (проблемы, состояния, события, феномены) — принятие (трудный акт, особенно для нас, привыкших со всем и всеми "бороться") — дружба (даже с тем, что тебе не близко; как найти подступы к тому чуждому и враждебному, с чем,

однако, приходится сосуществовать и жить?) — преодоление. Это я предложил бы рассматривать как своего рода "интеллигибельную систему" пути, любого творческого, продуктивного восхождения. Это означает, что мы не преодолеем наши трудности, наши сложные проблемы чисто силовым образом; не преодолеем, пока не поймем их, не примем как должные (а не как результат "неблагоприятного стечения обстоятельств" или "злоумышленного заговора наших врагов") — и даже пока не сумеем в некотором смысле "подружиться" с ними. Ибо только дружественное и близкое можно преодолеть; преодолеть, преодолевая и самих себя.

16. В этом случае, между прочим, становится возможным также и переосмысление государственного служения, в том числе (и даже в первую очередь) нравственно (как и путь морального совершенствования) и эстетически (в соответствии с той нормой красоты, которую структурно можно выразить так: соразмерность, гармония, ритм, организация).

Ильин, как известно, написал замечательную книгу о Гегеле, дав совершенно неординарную трактовку его философии. У Гегеля же, кстати говоря, бюрократия в качестве "всеобщего сословия", которое должно быть свободно от непосредственного производительного труда и которое опирается на "субстанциональное" сословие, есть необходимая часть гражданского общества.

17. Тем самым чиновник — носитель активной силы. В своей замечательной работе "О противлении злу силой" Ильин убедительно показал, что отнюдь не всякое применение силы есть "насилие". Ибо насилие — это только произвольное и безрассудное (мы бы сказали — неправоное) принуждение, исходящее от злой воли или направленное ко злу. Так мы снова возвращаемся к ключевому, на чем так или иначе завязано все остальное, — к правосознанию. Формирование и повсеместное укоренение последнего — первоочередная и общенациональная государственная и личностная для каждого из нас задача.

Игумен Георгий (Шестун),
*доктор педагогических наук,
профессор, академик РАЕН,
заведующий межвузовской кафедрой
православной педагогики Самарской
православной духовной семинарии,
наместник Заволжского мужского монастыря
в честь Честного и Животворящего Креста Господня,
настоятель Троице-Сергиева храма г. Самары*

ДУХОВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕЛЬ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ (ПО РАБОТАМ И.А. ИЛЬИНА)

Цель и задачи воспитания

Рассматривая вопросы духовного обновления человека, православный философ И.А. Ильин один из главных путей такого обновления видел в воспитании, а точнее, в постановке воспитательных задач, забытых и запущенных в нашу эпоху. Главное в воспитании, по мнению Ильина, будить духовное начало в детском инстинкте, приучать его к чувству ответственности, укреплять в людях предметную силу суждения и волю к духовной цельности в жизни (2. 385).

Под инстинктом И.А. Ильин понимал развивающиеся природные силы ребенка, а точнее, сам природный источник развития. "Кто желает воспитать ребенка, — писал он, — тот должен пробудить и укрепить в нем духовность его инстинкта. Если дух в глубине бессознательного будет пробужден и если инстинкт будет обрадован и осчастливлен этим пробуждением, то в жизни ребенка совершится важнейшее событие и дитя справится со всеми затруднениями и соблазнами предстоящей жизни: ибо "ангел" будет бодрствовать в его душе и человек никогда не станет "волком". Но если в детстве это не состоится, то впоследствии всякие уговоры, доказательства и кары могут оказаться бессильными, ибо инстинкт со всеми его влечениями, страстями и пристрастиями не примет духа и не сроднится с ним: он не будет узнавать и признавать его, он будет видеть в нем врага и насильника, услышит одни запреты его и всегда будет готов восстать на него и осуществить свои желания. Это будет означать, что инстинкт утверждает в себе "волка"; он знает

не знает "ангела" и отвечает на его появление недоверием, страхом и ненавистью" (2. 408).

И.А. Ильин считал, что человека не следует сводить к его "сознанию", мышлению, рассудку или "разуму", он больше всего этого. Человек глубже своего сознания, пронизательнее своего мышления, могущественнее своего рассудка, богаче своего разума. Сущность человека утонченнее и превосходнее всего этого. Его определяет и ведет не мысль и не сознание, но любовь, и даже тогда, когда она в припадке отвращения судорожно преобразуется в ненависть и окаменеет в злобе. Человек определяется тем, что он любит и как он любит. Он есть бессознательный кладезь своих воззрений, безмолвный источник своих слов и поступков, своих пристрастий и страстей, своих "неодолимых" влечений. Именно поэтому сознательная мысль не проникает до главных и глубоких корней человеческой личности и голос разума так часто бывает подобен "гласу вопиющего в пустыне", и поэтому образование не воспитывает человека, а полуобразованность прямо развращает людей.

Такой подход к человеку позволил Ильину поставить цель воспитания. По его мнению, воспитание человека начинается с его инстинктивных корней. Оно не должно сводиться к словесной проповеди, оно должно сообщить ребенку новый способ жизни. Его основная задача не в наполнении памяти и не в образовании "интеллекта", а в зажигании сердца.

Пробуждение духовной жизни

Говоря о духовности или о духе, по мнению Ильина, не следует представлять себе какую-то непроглядную метафизику или запутанно-непостижимую философию. Движения духа есть нечто, что каждый из нас не раз переживал в своем опыте и что нам всем доступно. Но только один переживал духовные состояния и содержания с радостным наслаждением, другой — с холодным безразличием, третий — с отвращением или даже со злобою. Дух есть подлинная реальность, и притом самая драгоценная реальность из всех. Тот, кто жаждет духа, должен заботиться об обогащении своего опыта, а не о наполнении своей памяти из чужих книг и не об изошрении ума. Нужно разыскать в непосредственной жизни то, что придает ей высший смысл, что ее освящает. Один найдет этот творческий смысл в природе, другой — в искусстве, третий — в глубине собственного сердца, четвертый — в религиозном созерцании. Каждый должен сам найти свою дверь в это царство и самостоятельно войти в нее. Но это лишь вход, обретение, начало, это только первый шаг. Важно, чтобы он был сделан в раннем детстве, ибо все последующие шаги в определенной мере подобны первому шагу. Первый луч солнца должен озарить детскую колыбель, только тогда дитя станет "солнечным ребенком", а взрослый человек понесет через жизнь "лучезарное сердце".

Дух живет повсюду, где проявляется или переживается людьми Совершенство, и даже там, где человек стремится к Совершенству, не достигая и не осуществляя его. Дух есть дыхание Божие в природе и человеке, он освящает жизнь, но он же сообщает всему сущему силу, необходимую для того, чтобы приобщиться духу и стать духовным. А это и есть самое главное в воспитании. Человеку от природы присуща способность распознавать и отличать духовное, а также склонность принимать дух и включать его в свою жизнь. Эту способность и это тяготение к духовной жизни принимали во внимание все великие воспитатели человечества, на них они строили свои педагогические системы, их старались укрепить.

Духовный характер пробуждающих впечатлений

И.А. Ильин основное внимание воспитателей и родителей обращал на первые годы жизни ребенка. Маленький ребенок живет потребностями своего маленького организма, в забвенной дреме своего инстинкта. Более сильные и глубокие впечатления извлекают его из этого состояния и проясняют сначала его сознание, а потом самосознание. Это пробуждение не стоит ускорять искусственно. Но как только начнутся проблески сознания, необходимо позаботиться о том, чтобы пробуждающие впечатления имели характер благодный, чтобы они исходили от духа и будили в младенческой душе духовные состояния. Это важно, потому что детский инстинкт, раз потрясенный во всей своей беспомощности грубым и жестоким впечатлением, может получить неизлечимую или почти неизлечимую душевную рану, если у него не будет необходимой духовной опоры. Педагогически важно, чтобы духовность инстинкта была пробуждена до этих неизбежных потрясений.

Воспитатель, а в первые годы жизни младенца это мать или отец, имеет великую и ответственную задачу пробудить при первой возможности детскую душу лучом Божественной благодати и красоты, любви и радости, чтобы она очнулась от чувственного существования и пережила благодное пробуждение. Ласковый взор и голос матери уже начинают это дело. В глубине инстинкта должно открыться духовное око, чтобы воспринять Божий луч, идущий из мира, чтобы душа поверила в благую силу мироздания и восхотела новой красоты и новой радости, чтобы она полюбила Божественное и уверовала в Бога. Ребенка надо приобщить к Божественному счастью на земле как можно раньше, когда он еще ничего не знает ни о горечи жизни, ни о зле мира, когда душа его не испытала суровости природы и жестокости людей, когда он полон естественной доверчивости и богат первозданной чистотой.

Приобщение ребенка к Божественному счастью

В работах Ильина мы встречаем и практические советы, как приобщить ребенка к Божественному счастью. Для этого много средств в обычной нашей жизни. В мире чудесные сочетания красок, безупречные для вкуса, нежные и разнообразно богатые. Надо показать их ребенку. Есть простые и нежные мелодии, их так много в русских народных песнях, колыбельных, свадебных и хороводных, которые ребенок должен полюбить еще в колыбели. Мать, поющая их своему младенцу, начинает его истинное воспитание. Душа засыпающего ребенка пела эти песни вместе с матерью и воспринимала сквозь них первозданное пение ангелов, а потом унесла их в жизнь как благословение материнской любви.

Влияние взрослых велико, но следует предостеречь от излишней общительности, ведь бывают человеческие глаза, полные ненависти и зложелательства, они в состоянии психически ранить впечатлительную, доверчивую и ничем не защищенную детскую душу. Заряд злобы бывает у таких людей слишком велик, младенческая душа слишком обнажена, а духовность инстинкта еще не пробуждена, поэтому правы те матери, которые ограждают своих детей от таких духовно ранящих взоров.

Когда ребенку минует три года, он начинает наблюдать внешний мир, у него открывается возможность новых восприятий и переживаний и ему надо давать богатство духовных впечатлений. Следует направить его внимание на самые красивые и изящные явления природы и их таинственную целесообразность. Рано затруднять его объяснениями, достаточно, чтобы он заметил скрытое и явленное в мире совершенство. Пусть залюбуется красотой бабочек и цветов, взглянется в величавое и легкое, а иногда грозное и глубокое зрелище облаков, вслушается в переливы жаворонка и трель соловья, полюбит шум бора, всмотрится в добродушную задумчивость коровы и оценит своевольный ум коня и изящество кошки. И пусть понесет в сердце благоговение, чуткость и благодарность.

Ребенок должен как можно раньше научиться чувствовать чужое страдание, чтобы жалеть, беречь и помогать. Необходимо найти прямой и близкий путь к его сердцу и научить его хотеть добра и стыдиться зла. Пусть навертываются у него слезы на глазах от русской задушевной песни, пусть он научится умолкать при звуках серьезной и глубокой музыки. После пяти-шести лет он должен услышать о героях своей страны и влюбиться в них. Он должен научиться "стоять" вместе с ними, бороться, побеждать и не искать награды. Надо, чтобы он научился с Пушкиным благодарить Бога за то, что родился русским, а вместе с Гоголем — радостно дивиться гениальности русского языка. Чем раньше он начнет скромно, но уверенно гордиться своей рускостью, тем лучше.

Ребенку необходим поток мужественной, братски-товарищеской любви от отца и женственно-ласковой, религиозно-совестной любви от матери. В его сердце должна навсегда расцвести почтительная и нежная благодарность к родителям, пробудившим его сердце и укрепившим его духовность. Он должен открыть свое сознание голосу совести и научиться внимать его бессловесным призывам к совершенству. После каждого духовного пробуждения и восприятия надо говорить ему о том, что есть благостный Господь, знающий его и любящий его, чтобы ему самому захотелось молиться, и тогда научить его лучшим и кратчайшим молитвенным словам и самим молиться при нем и с ним вместе огнем своего взрослого сердца.

Так пробуждается в ребенке его инстинктивная духовность, и "ангел" входит в сокровенную глубину его сердца. Подрастающий ребенок должен дважды пережить духовное сродство. Сначала во встрече "волка" с "ангелом": "ангел, я — твой преданный волк!"; "волк мой, а я — твое собственное духовное естество"... А потом в обращении к Богу: "Отче, я — твой верный и благодарный сын"... Тогда человек утвердит себя в духовности и станет религиозным.

Это и есть важнейший акт воспитания. Ибо "воспитать" — значит сделать из ребенка не преуспевающего человекоугодника, а духовно зрячего, сердечного и цельного человека с крепким характером. Дух и инстинкт совсем не противоположны друг другу. Дух есть высшее естество инстинкта, а инстинкт есть элементарная, но органически целесообразная сила самого духа (2. 409—415).

И.А. Ильин ничего не говорил о первородном грехе, о воспитательной и охранительной роли Церкви. В этой недосказанности — главная особенность его философии, о которой он сам писал так: "Это философия — простая, тихая, доступная каждому, рожденная главным органом Православного Христианства — созерцающим сердцем, но не подчеркивающая на каждом шагу своей "школы". Евангельская совесть — вот ее источник. Кто ее почувствует и примет, тот сам пойдет в Православие. Это, если угодно, — подготовительная проповедь "на паперти"" (1. 34).

Предметное воспитание как служение Божьему делу

И.А. Ильин посвятил вопросам воспитания и образования отдельную статью под названием "О воспитании в грядущей России". Ориентировочно статья датирована 1953 годом. Мысли о воспитании навеяны, по словам Ильина, "патриотической скорбью". Он не мог предвидеть того дня, когда то, "чему научила его история", будет востребовано в возрождающейся России, но то, что выстрадано за многие десятилетия, необходимо было высказать и письменно закрепить.

По его мнению, образование в России в последние десятилетия сводилось к делу памяти, смекалки и практическим умениям. Все это было оторвано от духа, совести, веры, характера. "Образование без воспи-

тания не формирует человека, — замечал И.А. Ильин, — а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, — и начинает злоупотреблять. Надо раз и навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолудин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная "образованность" вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации" (3. 178—179).

Новой России требуется новая национальная система воспитания, новое "предметное питание русского характера". И.А. Ильин считает, что возрождение России произойдет через сочетание и примирение трех основ, "трех законов духа": свободы, любви и предметности. Свобода без сердца превращается в эгоистическую и своекорыстную "бессердечную свободу". Свобода сама по себе не определяет ни содержания жизни, ни ее направленности, ни ее уровня. Ильин вводит новое понятие — "Предмет" и объясняет, что "свобода дается человеку для предметного наполнения ее, для предметной жизни, т.е. для свободной жизни в Предмете" (3. 181). Остается выяснить, что есть "Предмет"?

Каждый человек имеет жизненные цели. Если цели ведут к удовлетворению его личных потребностей и к достижению личного успеха, то они являются субъективными. Но есть цель — последняя и главная в жизни. По отношению к ней все субъективные цели являются подчиненными средствами. Ради этой цели действительно стоит жить на свете, за нее стоит бороться и умереть. "Жить предметно, — писал И.А. Ильин, — значит связать себя (свое сердце, свою волю, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с той ценностью, которая придает моей жизни высший, последний смысл... Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле — Божьему Делу — "прекрасной жизни" по словам Аристотеля, "Царству Божьему" по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, единый и великий Предмет истории. И вот, в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь" (3. 182).

Найти свое место в "ткани предметного дела" возможно, если увидеть, по мысли Ильина, что жизнь русского народа, бытие России входит в Божье Дело, составляет его часть, в которой есть место и для всех нас. Жить предметно для русского человека значит служить России, служить всем — от крестьянина до министра. "Я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию, — не "мамоне" и не "начальству", — не "личной прихоти" и не "партии", не "карьере" и не просто "работодателю", — но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед Лицом Божиим. Жить и действовать так, — восклицал И.А. Ильин, — значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека" (3. 183). Жить предметно — значит службу превратить в служение, ра-

боту в творчество, интерес во вдохновение, дела освятить духом, заботы возвысить до замысла, жизнь освятить идеей, ввести себя "в предметную ткань Дела Божия на земле".

Предметность выводит человека из состояния безразличия, напоминает человеку об ответственности и обязательствах, связанных с включенностью в "ткань мира", вызывает вкус к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви и родины. Предметность помогает человеку преодолеть в себе примитивный инстинкт личного самосохранения, освобождает его от власти личного эгоцентризма.

Семья и школа, по мысли И.А. Ильина, должны научить человека видеть и разуметь ткань Божьего Дела на земле, — чтобы знать, как можно войти в нее и как следует включать себя в ее жизнь. Система предметного воспитания должна возродить и укрепить порушенные традиции религиозного и патриотического воспитания. Предметное воспитание придает жизни религиозный смысл даже в том случае, когда человек сам себя не считает ни верующим, ни церковным. Человек ищет предметности, то есть "дела Божьего на земле", и это придает его жизни особый дух искательства, ответственности и служения.

Предметность, подчеркивает И.А. Ильин, есть источник всех благих побуждений человека, ибо они определяются словами "хочу Божьего Дела" и "служу Божьему Делу". Предметная жизнь есть духовная жизнь, несущая человеку дары, среди которых можно назвать чувство предстояния высшему, чувство ответственности, чувство реальной силы, призывающей к действию, чувство служения, чувство творческого участия в деле мироустроения, смирение, рожденное пониманием, чему предстоишь, уверенность в своей правоте, лишенная самомнения, дар верного целеполагания. Предметность дает человеку чувство собственного духовного достоинства (3. 188—189).

Человек, живущий предметно, обновляется. "Сущность этого обновления состоит в том, — писал И.А. Ильин, — что человек, по слову Евангелия, научается быть и жить на земле в качестве земного "сына" Божия. Для этого надо, чтобы человек любил Бога и вместе с Богом любил то совершенное, что Бог любит; и желал Бога и вместе с Богом желал того божественного, чего Бог желает; и созерцал Бога и Его Творение лучом своего сердечного созерцания и стремился узреть то, что Бог зрит в людях и в мире" (3. 190).

Литература

1. Ильин И.А. Собр. соч. М., 1993. Т. 1.
2. Ильин И.А. Собр. соч. М., 1994. Т. 3.
3. Ильин И.А. Собр. соч. М., 1994. Т. 2. Кн. 2.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ научно-практической конференции

ПРЕЗИДИУМ КОНФЕРЕНЦИИ

Торшин Александр Порфирьевич

заместитель Председателя Совета Федерации

Александров Алексей Иванович (председательствующий)

*председатель Комитета Совета Федерации
по конституционному законодательству*

Ивлиев Григорий Петрович

председатель Комитета Государственной Думы по культуре

Лаптев Юрий Константинович

советник Президента Российской Федерации

Архиепископ Верейский Евгений

*ректор Московских духовных академии и семинарии,
сопредседатель программы "Духовно-нравственная культура
подрастающего поколения России"*

Розинский Михаил Григорьевич

*председатель Совета, генеральный директор
Социально-инновационного центра России (Социнцентра)*

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

**СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Николаев Михаил Ефимович

заместитель Председателя Совета Федерации

Крашенинников Павел Владимирович

*председатель Комитета Государственной Думы по гражданскому,
уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству*

Рыжков Николай Иванович

председатель Комиссии Совета Федерации по естественным монополиям

Солонин Юрий Никифорович

первый заместитель председателя Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества

Федоров Валерий Иванович

первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Парфенов Валерий Павлович

заместитель председателя Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике

Яровая Ирина Анатольевна

депутат Государственной Думы, председатель Государственного патриотического клуба при партии "Единая Россия"

АППАРАТЫ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ,
АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА,
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Байдина Ольга Валерьевна

заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Бобрикова Екатерина Евгеньевна

главный советник отдела конституционного и международного права Правового управления Аппарата Совета Федерации

Быков Филипп Юрьевич

советник аппарата Комитета Совета Федерации по делам Федерации и региональной политике

Варенцова Анна Борисовна

советник аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Доровских Юрий Метрофанович

заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Елизаров Василий Георгиевич

главный советник аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Ельцов Борис Алексеевич

консультант отдела по вопросам безопасности, уголовного права и судебной системы Правового управления Аппарата Совета Федерации

Костягин Алексей Васильевич

советник отдела конституционного и международного права Правового управления Аппарата Совета Федерации

Крестьянинова Тамара Викторовна

начальник отдела обеспечения законодательного процесса Правового управления Аппарата Совета Федерации

Кузьмичев Александр Георгиевич

ведущий советник аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Милославская Мария Борисовна

консультант отдела конституционного и международного права Правового управления Аппарата Совета Федерации

Мятенко Владимир Федорович

руководитель аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Петровский Дмитрий Николаевич

советник Правового управления Аппарата Совета Федерации

Романовская Наталия Петровна

главный советник департамента аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе

Старуш Владимир Иванович

советник отдела образования Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства Российской Федерации

Сухарева-Крылова Екатерина Александровна

ведущий советник аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Тарасова Екатерина Павловна

главный советник аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству

Шестова Светлана Михайловна

*ведущий консультант отдела социального законодательства
Правового управления Аппарата Совета Федерации*

Широков Юрий Федорович

*ведущий консультант аппарата Комитета Совета Федерации
по бюджету*

Черный Владимир Викторович

*член Научно-экспертного совета при Председателе Совета
Федерации*

МИНИСТЕРСТВА, ИНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОРГАНЫ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ПОДВЕДОМСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Ашиткова Татьяна Васильевна

*старший научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

Бударина Наталья Алексеевна

*заместитель начальника отдела мониторинга Правового
управления Центральной избирательной комиссии Российской
Федерации*

Гусев Александр Борисович

*заместитель директора Департамента по связям с субъектами
Федерации, парламентом и общественно-политическими
организациями МИД России*

Гусев Николай Николаевич

*доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России*

Ковпак Станислав Владимирович

*Правовой департамент Министерства финансов
Российской Федерации*

Колосова Нина Михайловна

*доцент Российской правовой академии Министерства юстиции
Российской Федерации*

Комягин Дмитрий Львович

*начальник отдела Правового департамента Министерства
финансов Российской Федерации*

Костенников Дмитрий Вячеславович

*руководитель Международно-правового департамента
Федеральной службы Российской Федерации по контролю
за оборотом наркотиков*

Кочубей Марианна Анатольевна

*советник Антитеррористического центра государств —
участников СНГ, доктор юридических наук*

Медушевская Наталья Федоровна

*профессор кафедры философии Московского университета
МВД России*

Назаров Александр Викторович

аудитор Счетной палаты Российской Федерации

Недотко Владимир Павлович

*доцент Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Павленко Светлана Петровна

*Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики
Министерства финансов Российской Федерации*

Петраков Виктор Васильевич

*начальник Управления по сохранению культурных ценностей
Росохранкультуры*

Рудик Евгений Николаевич

*советник Министра экономического развития и торговли
Российской Федерации*

Соснина Марина Владимировна

*заместитель директора Правового департамента Министерства
финансов Российской Федерации*

Стручев Александр Сергеевич

*заместитель руководителя Информационно-методического
управления Главного организационно-инспекторского управления
Следственного комитета при Генеральной прокуратуре
Российской Федерации*

Юртаева Евгения Анатольевна

*ведущий научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве Российской
Федерации*

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

архимандрит Алексей (Поликарпов Анатолий Степанович)

настоятель Свято-Данилова монастыря

архимандрит Платон (Игумнов Павел Петрович)

профессор Московской духовной академии

игумен Вениамин (Лабутин Алексей Владиславович)

руководитель отдела религиозного образования и катехизации Самарской епархии, кандидат богословия

игумен Георгий (Шестун Георгий Владимирович)

заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики Самарской духовной семинарии, доктор педагогических наук

игумен Киприан (Ященко Владимир Алексеевич)

руководитель дирекции программы "Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России"

протоиерей Алексей (Куренков Алексей Сергеевич)

проректор Белгородской православной духовной семинарии

протоиерей Дмитрий (Лескин Дмитрий Юрьевич)

заведующий кафедрой теологии и истории религии Самарского государственного университета путей сообщения, доктор философских наук

протоиерей Николай (Соколов Николай Владимирович)

настоятель храма Святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее, декан Миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

иерей Алексей (Кузнецов Алексей Дмитриевич)

священник храма при Сергия Радонежского в Рогожской слободе (Патриаршее подворье), член Экспертного совета Социнцентра

НАУЧНЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ИНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Андреев Владимир Константинович

заведующий кафедрой гражданского права Академии правосудия, профессор, доктор юридических наук

Баранов Павел Васильевич

руководитель Департамента методологии социальных инноваций Социнцентра, доктор психологических наук

Бенилова Светлана Юрьевна

Центр патологии речи и нейрореабилитации Департамента здравоохранения г. Москвы, кандидат медицинских наук

Бондарев Анатолий Константинович

заместитель руководителя Центра правовых нововведений и традиций Социнцентра, кандидат юридических наук

Васильцов Владимир Васильевич

глава представительства Социнцентра в Республике Беларусь

Великодная Ирина Леонидовна

заведующая отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова

Гнездилова Лариса Александровна

заведующая кафедрой клинической диагностики Московской государственной ветеринарной академии, профессор

Горчакова Лариса Федоровна

президент региональной общественной организации содействия защите женщин "Женщины нашего города"

Детловицкий Борис Владимирович

заместитель главы представительства Социнцентра в Республике Беларусь

Ефимов Андрей Борисович

заведующий кафедрой истории миссий Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, профессор, доктор физико-математических наук

Иконникова Марина Юрьевна

заместитель директора издательства "Айрис"

Исаев Игорь Андреевич

заведующий кафедрой истории государства и права Московской государственной юридической академии, профессор, доктор юридических наук

Кашка Анатолий Иванович

президент Фонда преодоления демографического кризиса

Козлачков Анатолий Анатольевич

адвокат Юридического центра "Право и консалтинг"

Краснов Михаил Александрович

*руководитель Центра правовых нововведений и традиций
Социнцентра, заведующий кафедрой конституционного права
ГУ — Высшей школы экономики, профессор, доктор юридических
наук*

Лебедев Сергей Николаевич

секретарь Союза писателей России

Лейман Владимир Юрьевич

глава представительства Социнцентра в Ярославской области

Лисица Ольга Владимировна

советник генерального директора Социнцентра

Лисица Юрий Трофимович

*руководитель Центра системного мониторинга и диагностики
Социнцентра, заведующий кафедрой религиоведения
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
доктор физико-математических наук*

Литвинчук Василий Григорьевич

адвокат Юридического центра "Право и консалтинг"

Лубенченко Константин Дмитриевич

адвокат Юридического центра "Право и консалтинг"

Марченко Владимир Викторович

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Медушевский Вячеслав Вячеславович

*руководитель Центра социально-педагогических нововведений
и традиций Социнцентра, профессор Московской консерватории
им. П.И. Чайковского, доктор искусствоведения, заслуженный
деятель культуры Российской Федерации*

Мелитонян Арсен Аркадьевич

генеральный продюсер ООО "Библио-Посткард"

Мелитонян Ольга Аркадьевна

*руководитель Департамента коммуникаций и связей
с общественностью Социнцентра*

Меняйло Владимир Алексеевич

*заместитель директора по развитию бизнеса
учебно-консультативного центра "Форс"*

Миняйло Александр Максимович (отец Александр)

*ректор Уральского института бизнеса им. И. Ильина
(Екатеринбурге), профессор, доктор экономических наук*

Миронов Леонтий Михайлович

*директор Центра исследований духовного наследия России
Института экономических стратегий Отделения
общественных наук РАН*

Михайлов Владимир Ефремович

*руководитель Департамента производственных программ
Социнцентра*

Орлов Александр Сергеевич

помощник генерального директора Социнцентра

Отрюх Анна Сергеевна

секретариат Социнцентра

Половинкин Сергей Михайлович

*доцент кафедры истории русской философии Российского
государственного гуманитарного университета*

Резниченко Татьяна Семеновна

*Центр патологии речи и нейрореабилитации Департамента
здравоохранения г. Москвы, доктор педагогических наук*

Родионов Арсений Михайлович

директор издательства "Айрис"

Розинский Арсений Михайлович

эксперт-консультант Социнцентра

Рябова Елена Львовна

*главный редактор журнала "Этносоциум",
кандидат социологических наук*

Соколовский Александр Александрович

*руководитель Информационно-аналитического департамента
Социнцентра*

Стародубровский Виктор Георгиевич

*председатель Экспертного совета Социнцентра, главный научный
сотрудник Института экономики переходного периода, профессор,
доктор экономических наук*

Таников Алексей Александрович

эксперт-консультант Социнцентра

Тарумова Наталия Тимофеевна

*ведущий специалист Научной библиотеки МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Томорадзе Илья Владимирович

*руководитель Департамента стратегических исследований
Социнцентра*

Устинова Екатерина Семеновна

*внештатный советник Научной библиотеки МГУ
им. М.В. Ломоносова, вдова известного художника
Юрия Селиверстова, чьи гравюр-портреты русских мыслителей
были ею представлены для выставки, посвященной И.А. Ильину,
в Совете Федерации в рамках настоящей конференции*

Ушаков Александр Федорович

*генеральный директор группы компаний
"Культурно-развлекательный комплекс "Кремль в Измайлово"*

Шаров Всеволод Константинович

пресс-атташе Социнцентра

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ

Селиванова Светлана Анатольевна

*первый секретарь посольства Республики Беларусь в Российской
Федерации*

Семенов Николай Сергеевич

*доцент кафедры религиоведения Института теологии им. Святых
Методия и Кирилла Белорусского государственного университета*

иеросхимонах Сергей (Гарклавс)

Русская зарубежная церковь (США)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ФОТООБЗОР РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Президиум конференции

Слева направо: М.Г. Розинский, А.П. Торшин, А.И. Александров, архиепископ Вере́йский Евгений, Ю.К. Лаптев, Г.П. Ивлиев

Участники конференции

А.П. Торшин,
первый заместитель Председателя Совета Федерации

Архиепископ Верейский Евгений

Пленарное заседание

Г.П. Ивлиев,
председатель Комитета Государственной Думы по культуре

Ю.К. Лагтев,
советник Президента Российской Федерации

Профессор Ю.Н. Солонин,
первый заместитель председателя Комиссии Совета Федерации
по вопросам развития институтов гражданского общества

Пленарное заседание

Профессор Ю.Т. Лисица,
член Совета Социнцентра

Профессор М.А. Краснов,
член Совета Социнцентра

Профессор В.В. Медушевский,
член Совета Социнцентра

Архиепископ Верейский Евгений, архимандрит Алексей (Поликарпов)

Заседание "круглого стола"

Подведение итогов организаторами конференции
Слева направо: М.Г. Розинский, А.И. Александров, Г.П. Ивлиев

В кулуарах конференции

О МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ "КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ"

В умах все большего числа людей крепнет понимание того, что причина нарастающих кризисных явлений кроется в падении морали современного общества. Утрата духовно-нравственных устоев все явственней ощущается по всей системе сфер жизнедеятельности общества: семейные отношения, образование, государственное управление, производительный труд, наука, искусство, торговля, информация. В обществе постепенно зреет **социальный заказ** на программы и проекты, восстанавливающие нравственные устои и, одновременно, задающие устойчивость и эффективность самих этих сфер социальной жизни. Свой вклад в данном направлении призван внести Международный форум "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" (далее — Форум).

Форум имеет целью организацию международного сотрудничества представителей государственных, общественных, деловых и церковных кругов, других организаций стран-участниц, направленного на привлечение потенциала духовно-культурных традиций для решения стратегических задач развития современного общества. Форум призван дать импульс систематическому сотрудничеству стран, имеющих общие с Россией культурно-исторические и духовные традиции. Основной деятельностью является организация совместных программ и проектов, содействующих становлению в странах-участницах очагов интенсивного духовно-нравственного, гражданского и профессионального роста, несущих энергию оздоровления в различные сферы жизнедеятельности общества.

Стратегические задачи для России в этой работе:

- постепенное восстановление собирающей роли России среди стран православной традиции;
- формирование понимания полезности для мирового сообщества такой роли России, как одного из центров развития социальной культуры, вносящей дружелюбие и устойчивость в международные отношения.

Началом (с 2004 года) регулярной деятельности в рамках Форума послужили прилагаемые распоряжения Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и распоряжение

Правительства Российской Федерации, выделившего из Резервного фонда средства на проведение первоочередных мероприятий. Был также заключен договор между Аппаратом Совета Федерации и Социально-инновационным центром России (далее — Социнцентр) о деятельности Социнцентра в качестве исполнительного органа Координационного комитета Форума (согласовано со всеми участвующими сторонами, в том числе зарубежными) и оказании ему Аппаратом организационной и финансовой поддержки в данной деятельности. Этому предшествовал ряд других поддерживающих решений, прежде всего прилагаемое письмо Патриарха в адрес Совета Федерации, финансовая поддержка Внешэкономбанка и Внешторгбанка России обеспечившая возможность развития работ на международном уровне.

За прошедший период были проведены Пролог Форума в ноябре 2005 года в Афинах, 8 международных конференций и семинаров, концептуально разработана система ключевых международных программ и проектов, осуществляемых совместными коллективами, подготовлены и большей частью приняты основные организационные документы. В частности, по предложению парламентской группы Греции разработан и согласован с греческой стороной проект создания в Греции филиала Социнцентра. Достигнуто соглашение о формировании Международного учебно-просветительского центра с первыми отделениями в России (в Москве на базе Свято-Данилова монастыря) и Греции (на горе Олимп, на базе монастыря Святого Дионисия).

Ниже прилагаются некоторые документы и другие материалы, отражающие деятельность в рамках Форума.

АННОТАЦИЯ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ, ОТОБРАННЫХ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ В РАМКАХ ФОРУМА

Портфель программ и проектов, формируемый в рамках, Форума состоит из тех, в которых деятельность и взаимоотношения основываются на принципах православной этики.

Если при господстве прагматизма во главу угла ставится исключительно холодный расчетливый интеллект, то в порождаемой православной этикой парадигме социальных отношений присутствует стремление соединить ум с сердцем, интеллект с духом, творческую энергию с благой волей.

ПРИНЦИПЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЭТИКИ

Избирательность относительно предмета и характера деятельности — они должны способствовать и не вредить благочестию и благоустроенности общества.

Направленность на поддержание нравственно-ответственного образа сотрудничества и стиля поведения. Во внешней деятельности она выражается стремлением каждой Стороны отдавать другой стороне в большей мере, чем предусматривается договорами или другими формальными требованиями. Во внутренней она выражается в послушании подчиненных и заботе начальствующих, в уважении к иному труду и иному служению, в добросовестности и трудолюбии при исполнении обязанностей.

Включенность частью деятельности и ресурсов в местное региональное, общегосударственное и международное сотрудничество, предметом которого является благотворительность и просвещение (возможность участия на более масштабных уровнях сотрудничества предполагает обязательное участие на менее масштабных уровнях).

1. ПРОГРАММА "АЗБУКА РОСТА"

Основные положения программы "Международный социально-педагогический комплекс "Азбука Роста" разработаны Социнцентром в рамках подготовки федеральной целевой программы "Обретение малой родины" в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации. На российско-греческих семинарах в нее внесены изменения с учетом международного характера сотрудничества.

Целью программы является создание международного учебного, организационного и методического комплекса, соединяющего освоение знаний и практическую деятельность с традицией духовно-нравственного осмысления всякого знания и деятельности, сочетающего обуче-

ние наукам, развитие творческого потенциала с воспитанием крепких нравственных устоев.

Исходная мировоззренческая установка проекта "Азбука Роста" — сроднение опыта XXI века с многовековым опытом человечества, чтобы по-новому объединить в себе основные исторически отшлифованные организационные формы и принципы обучения:

"принцип университета" (в основе обучения энциклопедичность, **охват всего круга знаний в единстве**, которое достигалось путем духовного осмысления их связей и конечной цели);

"принцип творческой мастерской" (в основе обучения — **уникальность встречи учителя и ученика**, уникальность пути овладения профессией в связи с ее высшими смыслами и духовными целями);

"принцип коллегииум музиум" (в основе обучения — коллективное вдохновение, **коллективное творчество**, здесь самообразование включено в переживание общего духовного и творческого роста коллектива).

Программа "Азбука Роста" предполагает поэтапное формирование международной системы учреждений. Единое международное руководство, общие наиболее крупные элементы материальной базы (педагогические павильоны и специализированные комплексы) позволят обеспечить взаимное усиление национальных частей, мировоззренческую полноту программы, формирование постоянного международного актива. В рамках программы "Азбука Роста" будет широко осуществляться международный обмен учениками, студентами, учеными, педагогами, другими специалистами разных стран.

Предмет деятельности:

— общее и профессиональное образование детей и юношества, а также просветительская работа с родителями — педагогическое направление;

— изучение существующих возможностей и опасностей творчества в науке и искусстве, особенно в пограничных областях наук, — исследовательское направление;

— нравственно-оздоровительная и просветительская деятельность среди разных социальных групп — просветительское направление;

— профессиональная переподготовка и консультативная деятельность среди заинтересованных педагогов начальной, средней и высшей школы, специалистов и руководителей сфер управления, экономики, социальной сферы, там, где созрело понимание необходимости системных преобразований, — прикладное направление (практика нововведений).

2. ПРОГРАММА "ВОЗВРАЩЕНИЕ"

Программа освобождения от опасных духовно-психических зависимостей "Возвращение" разрабатывается на основе использования накопленного в России и Греции уникального опыта успешного соединения церковных и медицинских усилий, на базе уже действующих в этом направлении национальных организаций, готовых к объединению своих возможностей.

Целью программы является создание международной сети отделений по духовной и социальной реабилитации жертв наркотической, алкогольной, оккультной и других психических зависимостей на основе общего мировоззрения актива профессиональных кадров и единого подхода к работе с пациентами.

Предмет деятельности центра "Возвращение":

— излечение, духовная и социальная реабилитация жертв наркотической, алкогольной, оккультной и других опасных духовно-психических зависимостей;

— мониторинг распространения наркомании, алкоголизма, развития оккультизма и тоталитарных сект, их влияния на общество;

— просветительская и миссионерская деятельность по борьбе с этими негативными явлениями в обществе.

3. ПРОЕКТ "КОДЕКС НАДЕЖНОСТИ"

Проект "Международный деловой центр "Кодекс Надежности" готовится на основе модели формирования социально ориентированного холдинга, разработанной Социнцентром совместно с рядом органов федеральной и региональной власти, органов местного самоуправления в процессе подготовки программы "Обретение малой родины" с учетом предложений, внесенных рабочими группами четырех российско-греческих семинаров.

Целью проекта "Кодекс Надежности" является создание международного делового центра, деятельность которого направлена на организацию сотрудничества бизнес-структур (включая малый и средний бизнес), проявивших интерес к реализации совместных проектов, а также к обмену опытом в решении возникающих проблем на основе единых ценностей и этических норм. Такое сотрудничество призвано задать примеры экономической эффективности, сочетающейся с социальной ответственностью, развитой корпоративной этикой и благотворительностью.

Предмет деятельности:

— создание надежных механизмов отбора (регистраторов) предпринимателей, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым участникам сотрудничества (в частности, с российской стороны для отбора участников предложено применить специальные регистраторы, уже включающие свыше тысячи российских предприятий);

— привлечение к сотрудничеству предпринимателей и специалистов в области экономики, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым участникам сотрудничества;

— консалтинговое обеспечение участников сотрудничества;

— правовое сопровождение деятельности участников сотрудничества;

— дополнительное обучение специалистов и руководителей (знания, навыки и методы, необходимые для повышения эффективности профессиональной деятельности, в том числе слаженной коллективной деятельности);

- подготовка достоверных каталогов продукции (сертификация качества продукции в стандартах ISO 9000:2000);
- маркетинг сфер рынка, привлекательных для экономического сотрудничества; организация эффективной рекламы;
- организация, реорганизация предприятий (на основе методов реинжиниринга рабочих процессов);
- поддержание морального климата и стиля поведения участников экономического сотрудничества, соответствующих этическим принципам "Кодекса Надежности".

По линии российско-греческого сотрудничества совместно начата проработка по таким взаимно интересным позициям в области налаживания производства и торговли, как автостроение, мебельное производство, металлопродукция, высокие технологии, по невостребованному потенциалу в области экологии, природопользования, туризма и др.

4. ПРОЕКТ "ДРУЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО"

Проект создания Международного информационно-издательского комплекса "Дружественное слово" разрабатывается на основе предложений большой группы светских и церковных организаций России и Греции, ведущих издательскую, публицистическую и информационную деятельность и готовых к сотрудничеству в рамках Форума.

Целью проекта является развитие в странах-участницах сети центров накопления и использования единых баз знаний в области социально-культурного просвещения, педагогики, искусства, науки, литературы, права, государственного управления и экономики, других значимых для развития общества областей мировой культуры, удовлетворяющих нравственным принципам православного мировоззрения; центров, содействующих в согласовании усилий по распространению информации духовно-нравственного характера иным организациям, готовым к сотрудничеству.

Предмет деятельности:

- формирование международного электронного архива;
- организация информационно-поисковой системы с адресным доступом;
- взаимодействие с издательствами, СМИ по организации совместных просветительских проектов;
- выпуск периодических изданий;
- переводы и издания книг на языках стран-участниц;
- производство и распространение аудиозаписей и видеофильмов;
- подготовка программ для электронных средств информации.

5. ПРОГРАММА "ПОКЛОНЕНИЕ"

Программа создания Международного паломнического комплекса "Поклонение" готовится на основе разработок трех российско-греческих семинаров, переговоров с организациями России и Греции, ведущими работу в этой области или проявившими к ней интерес.

Целью программы является создание в странах-участницах единой сети паломнических центров и организаций, сотрудничающих с ними.

Предмет деятельности:

— организация паломнических поездок в страны православной традиции и в страны, имеющие на своей территории православные святыни;

— разработка и распространение информационных материалов о православных святынях и местах их расположения;

— подготовка специалистов для сопровождения групп паломников;

— содействие восстановлению пострадавших святынь.

6. ПРОГРАММА "ЕДИНИТЕЛИ ПОКОЛЕНИЙ"

Программа "Единители поколений" готовится на основе идей, разработанных на российско-греческих семинарах.

Целью программы является формирование на постоянной основе системы временных коллективов по изучению и популяризации в различных формах примеров духовного единства поколений, представленных в лицах, живших в разное время, но хранящих вневременную верность служению просвещенному благоустроению народа и государства, деятельность которых приобретает ныне актуальное значение с точки зрения вызовов нашего времени.

Яркими примерами такого рода могут служить самоотверженные и мудрые реформаторы: в России — Петр Столыпин, в Греции — Иоаннис Каподистрия; жертвенные хранители духовных начал народа: в России — патриарх Тихон, в Греции — патриарх Григорий V.

Предмет деятельности:

— отбор, систематизация и издание материалов и трудов выдающихся деятелей и мыслителей различных поколений, содержащих непреходящие идеи в области государственного строительства и общественного устройства;

— популяризация идей и личностных образов выдающихся деятелей в области государственного строительства и общественного устройства;

— увековечивание памяти выдающихся деятелей в области государственного строительства и общественного устройства как примеров для подражания следующим поколениям (памятники, монументальное искусство, высказывания, жизнеописания и т.п.).

Проект 5.1. XX век. Россия. "И.А. Ильин".

Проект 5.2. XX век. Россия. "П.А. Столыпин".

7. ПРОГРАММА "ВОСХОЖДЕНИЕ К ИСТОКАМ"

Программа "Восхождение к истокам" — программа творческого рассмотрения взаимосвязанной ретроспективы и перспективы общественных реформ. Это реформы в области: права; государственного управления и местного самоуправления; истории и языка; оснований экономики, экологии, естественных и точных наук.

Целью программы является формирование в странах-участницах международной сети небольших экспертно-консультативных центров с постоянными семинарами при них, занимающихся исследованием с целью решения актуальных общественных проблем и проведения реформ в их взаимосвязи с духовно-нравственными смыслами преобразований.

Через постоянные семинары — своеобразные "лаборатории идей и технологий" — будут соединены исследователи и заинтересованные лица, принимающие ответственные решения, служащие государственных органов, органов местного самоуправления вокруг рассмотрения ключевых проблем их деятельности сквозь призму духовных смыслов, мирового опыта и социальных последствий.

Таким образом, через взаимодействие теории и практики будут постепенно создаваться условия для формирования вариативной модели (с учетом национальных особенностей) организации гражданского общества в современных условиях, возвращающей духовно-нравственный фактор как вполне реальный в публичную жизнь.

Разработка программы предполагает участие государственных деятелей, ученых в области права, экономики, общественных наук, образования, церковнослужителей и монашества. Практический выход заключается в содействии нормотворческой и правоприменительной, просветительской и хозяйственно-устроительной работе государственных властей.

Реформирование составляет одно из необходимых условий государственной и общественной жизни стран в быстроменяющихся исторических обстоятельствах. Но что такое реформа в светских областях жизни? Истинная реформа в государстве и обществе есть способ *раскрытия духовной традиции*, обращающей "сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их" (Малах. 4:6). В реформе мнимой — разложение традиции, расторжение духовной связи детей и отцов.

Внешнее меняется ради внутреннего. Вечная новизна духовной традиции открывает перед государством и обществом беспредельные перспективы совершенствования.

Исхождение государства и общества из Традиции сопровождалось национальными трагедиями. Но всегда оставалась и остается возможность духовного возрождения при возвращении к истокам. "Воскреснет душа народная — воскреснет и тело ее — наша здоровая государственность", — пророчествовал священномученик Андроник¹.

Новые условия жизни в технологизированном и информатизированном мире стимулировали интенсивный поиск творческой мысли в сферах государственного и общественного управления. И эти находки нужно соединить со своими корнями, дабы принесли они благой плод. Такова правильная трактовка критерия современности: **присоединение не к духу времени, а к духу вечности.**

¹ *Архиепископ Андроник*. О Церкви, о России. Фрязино, 1997. С. 124.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ
НА ПРОЛОГЕ ФОРУМА
(в сокращенной редакции)

*Греция, Афины,
Государственный дворец "Заппион"*

1 ноября 2005 года

В. Сударенков, член Совета Федерации, председатель подкомитета по культуре Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии.

Уважаемые министры, уважаемые парламентарии, дорогие служители Церкви, дамы и господа! От имени Председателя верхней палаты Российского парламента мы с коллегами приветствуем вас здесь, в Афинах.

Позволю себе отметить, что Совет Федерации в течение трех лет поддерживал усилия российско-греческого Организационного комитета и его исполнительного органа по организации Форума. Ежегодные планы участия Совета Федерации в этой деятельности утверждались специальными решениями Председателя палаты господина Миронова. Было проведено четыре российско-греческих семинара. В настоящее время по предложению Председателя Совета Федерации готовится решение Правительства России по мерам дальнейшей поддержки данной деятельности. Безусловно, только совместно с греческой стороной может быть выработана надежная организационная основа, которая позволит перейти к конкретным совместным действиям.

Наше пребывание в Греции, безусловно, возвращает нас к истории и к тому, что культура Древней Греции — это исток всеобщей культуры. *Главное — доказать свое преимущество с помощью интеллекта и образованности, ибо самосовершенствование продвигает цивилизацию.*

Позавчера в монастыре на Святом Афоне нам было приятно слышать, что русские классики, в частности, Достоевский, много сделали для понимания русского православия, и это говорит о значении высочайшей культуры для понимания сущности. Действительно, что есть "демократическое"? "Демократическое" — это значит "научить любого желающего всем доступным знаниям". И этим сделать его совершенным человеком. *Человек есть мера всех вещей.* Греция дала всей Европе пример афинской демократии, которая закреплена сегодня и в европейских документах, и в правовых документах Российской Федерации. Демократический строй немислим без существования развитой юридической и правовой основы, правовой системы, — одного из важнейших гарантов прав гражданина. Мы имеем в виду закрепление прав че-

ловека в Конвенции ООН по правам человека, Европейской социальной хартии, во многих документах Совета Европы и наших стран.

Патриотически чувствующие греки стремятся видеть (по Гомеру) *хотя бы только дым от родных берегов*, и мы понимаем эти чувства, разделяем их и питаем такую же любовь к России.

Беседы с уважаемыми старцами Святой Горы, по сути, дают нам *программу действий*, и каждая такая встреча наполнена конкретным содержанием. Нам говорят о том, что сотрудничество между православными народами сегодня как никогда раньше необходимо. Именно живое сотрудничество всех верующих православных стран.

"Человек всегда нуждается в Божией любви и мире, особенно в современную эпоху, с ее средствами связи, технологическим прогрессом, когда добро и зло стали достоянием всех" — это я цитирую архимандрита Василия, игумена Иверского монастыря на Афоне.

"И есть сомнения относительно периода глобальных перемен, и нам придется вырабатывать свое отношение к подобного рода продвижению. Главное — предлагать решения, которые уважали бы и поддерживали человеческую личность, начиная с малого. Без насилия, без навязывания, выращивая вдохновляющие примеры дел" — об этом говорил архимандрит Елисей, игумен монастыря Симона Петра на Афоне, и мы благодарны за его наставления в этом плане.

Наша миссия — найти с православными людьми единство, единство в разных сферах: в культуре, в бизнесе, в политической деятельности, о чем сегодня говорится на нашем Форуме. Ибо верующий человек — это тот, кто выражает свою веру через дела. Поэтому цели нашего сегодняшнего собрания и дальнейшей работы — формирование программы конкретных дел; со своей стороны российские парламентарии достаточно много делают сейчас в этом плане. Я могу подтвердить, что эффективно действует недавно принятый закон о свободе совести, где закреплено православие как коренная религия России, идет восстановление десятков, сотен, тысяч монастырей и храмов. Огромную миссионерскую работу ведет Святейший Патриарх Алексей II. Я об этом могу сказать на примере своей родной области (она находится недалеко от Москвы), где Святейший Патриарх побывал за годы своего правления уже девять раз. Это свидетельствует об огромном и реальном внимании и реальной помощи в восстановлении таких святынь, как Оптина Пустынь и другие.

Идет совершенствование отношений между властью и Церковью, и об этом нас спрашивали на Святом Афоне — безусловно, такое совершенствование происходит. Об этом свидетельствует визит Президента Российской Федерации на Святой Афон и целый ряд других событий. Думаю, то дело, что мы сегодня начинаем, в ближайшее время наполнится конкретным содержанием, и мы будем в дальнейшем реализовывать это направление с Божией помощью.

С. Папафемилис, депутат Парламента Греции, Генеральный секретарь Межпарламентской Ассамблеи Православия.

Уважаемые представители Церкви, уважаемые министры, парламентарии, наши гости! Большая радость и честь для нас вести диалог с Социально-инновационным центром России и присутствующими здесь выдающимися представителями российского Правительства и Совета Федерации.

Все, что было сказано российскими и греческими участниками, очень интересно. Я немножко остановлюсь на прочувствованном выступлении представителя Совета Федерации, который вспомнил слова Гомера о ностальгии по родной земле.

Мы подчеркиваем долгосрочные, многовековые связи греческого православия с российским православием. У них общая основа — Византия. Когда Запад жил в темные века, у нас был свет, несмотря на крестовые походы и все те искажения, которые появились начиная с 4-го крестового похода, обнажившего стремление Запада очернить и разрушить византийские традиции. Сегодня ясно, насколько светлым было все это. Наши связи с Россией — это именно стародавние узы. Мы росли, читая "Братьев Карамазовых" Достоевского, "Мертвые души" Гоголя, поэтов России, более современных выдающихся православных теологов — Флоренского, Николая Бердяева. В молодости мы находим у них ответы на фундаментальные вопросы бытия. Все эти труды переведены на греческий язык, доступны греческому читателю сегодня.

В Греции Парламент создал совместно с российской Государственной Думой уже 12 лет существующую международную организацию "Межпарламентская Ассамблея православия", в работе которой принимают участие представители парламентов 24 стран, точнее, *православные депутаты* из 24 стран. В рамках этих встреч и этой работы мы, греки, представители Парламента, глубже узнали русскую душу, и со своими русскими коллегами мы стремимся сделать еще глубже греко-русскую дружбу, и вообще дружбу и сотрудничество с православными всех стран.

Социально-инновационный центр России в этом отношении, как нам известно, многое делает и уже сделал. Мы признаем, что не развили до сих пор в достаточной мере наши связи, что было бы желательно для обеих сторон. Поэтому и стали возможны определенные неполадки и слабости организационного характера, к которым нужно относиться с пониманием.

Полагаю, что Социально-инновационный центр России проводит очень важную работу. Тот факт, что эта работа положительно оценивается российским Правительством, подтверждается присутствием здесь российских Министра культуры и заместителя Министра финансов, а также членов Совета Федерации. Мы считаем, что идея такого центра найдет необходимый отклик и в Греции. Уже есть признаки налажи-

вающегося делового сотрудничества с Министерством здравоохранения и социальной солидарности Греции.

Представится ли нам возможность совместно рассмотреть аспекты влияния православия на политическую власть, на морализацию власти, морализацию, в которой очень нуждается мировая политика? Потому что власть, которая слепа и не подчиняется законам морали, не может быть демократичной, не может быть человеколюбивой, не может развивать социальную солидарность. В эпоху резкой глобализации, которая стремится внедрить уравниловку во всем, мы должны сопротивляться тенденциям глобализации всего и вся, чтобы сохранить нашу национальную идентичность, ту специфику, которая выступает в качестве движущей силы наших народов. Такой силы, которая дает возможность нашим народам выживать, несмотря на любые неблагоприятные для нас исторические ситуации.

Конечно, Греция принадлежит к единой Европе, в ЕС сейчас входят 25 стран-членов. Необходимость признания христианской веры в качестве составляющей европейской культуры уже была отмечена. И на этой фазе в рамках Евросоюза очень важна роль живой православной традиции в качестве связующего элемента, обеспечивающего солидарность, уважение к человеку как к подобию Божию, коллективность, это всё очевидно. Мы, как члены Евросоюза, считаем, что православной России не хватает в этом образовании.

Известный историк Хоксбаум, который вовсе не исходил из христианских традиций, в последние годы особенно подчеркивал, как вредно отсутствие России в Евросоюзе. Россия имела и имеет право быть полноправным членом Европейского сообщества.

Для нас, греков, шанс укрепить и развить наши исторически сложившиеся традиционные отношения с Россией — это большой шанс, и мы желаем воспользоваться этими возможностями.

Мы никогда не забываем о том, что современная Греция возникла в результате национально-освободительной революции, освободившей страну от турецкого ига. И мы во многом обязаны России в плане того, что Греция возникла в качестве независимого государства, учитывая, что Александр Ипсиланти, лидер нашей революции, и брат его Димитрий были офицерами русской армии, а первый правитель Греции Иоаннис Каподистриа был министром иностранных дел в правительстве царя Николая I.

Хочу пожелать нам, чтобы эта встреча оказалась плодотворной.

Я. Деспотопулу, Генеральный секретарь Министерства здравоохранения и социальной солидарности Греции.

Наше министерство считает крайне важным развивать взаимодействие по социальной и экологической проблематике в своих двусторонних связях и в многостороннем сотрудничестве. Это взаимодействие идет в направлении реализации так называемого *тройного подхода*. Что это такое?

Любая корпорация для того, чтобы быть жизнеспособной, должна: быть экономически эффективной; решать экологические проблемы; принимать во внимание нужды и потребности общины, общества, в котором она разворачивает свою деятельность. Эти три измерения, естественно, взаимосвязаны и взаимозависимы.

Самая главная черта корпоративной социальной ответственности — это постепенное перемещение центра предпринимательского внимания *с акционеров на широкий спектр других прямо заинтересованных лиц*. И перемещение центра внимания *с узкого преследования дохода на многогранное социальное развитие*. Такой тройственный подход помогает конкурентоспособности корпорации и охране окружающей среды.

Общим местом в рассуждениях современной интеллигенции стало то, что мы переживаем период глубочайших изменений в обществе, в экономике, в способе восприятия мира и даже восприятия себя. Постепенно создается, развивается новый мир, в котором нет четких границ, четких ролей государства, рынка и общества. В этом новом мире демократия не будет возникать лишь каждые четыре или пять лет, то есть на выборах, и граждане не будут доверять свою судьбу властям вслепую. Правительства будут принимать автономные решения все меньше и меньше, наоборот, они будут принимать решения относительно будущего граждан *совместно* с гражданами, гражданскими институтами граждан, с другой стороны, будут сотрудничать все теснее с правительствами для решения общественных проблем. В этом новом мире корпорации все больше понимают, что они представляют собой отъемлемую часть общества, что независимо от общества и вне него, независимо от коллективной пользы они далее не могут существовать.

Мы все отлично знаем, что рынок не выполняет своей социальной роли, когда основной целью рынка является лишь доход. Когда человек ориентирован на личную выгоду, это подрывает его собственное будущее и будущее его детей. Активный гражданин — это не просто потребитель, он сознает свою ответственность при выборе любого товара, и делает его не только на основе полезности товара. Выбирая товар, он выбирает и предприятие, корпорацию. Ответственный потребитель может приобрести исключительную силу влияния на этику корпорации. Это дает особые надежды. Осознание гражданами своей ответственности перед обществом может привести к заключению нового контракта между гражданами и корпорациями. Мы стараемся этого достичь. Наше Министерство здравоохранения и социальной солидарности открыло свои двери предприятиям, чтобы напоминать о принципах корпоративной и социальной ответственности.

Вот некоторые наши мысли, которые могут подтолкнуть к новым размышлениям и действиям в рамках Форума.

С. Шаталов, статс-секретарь — заместитель Министра финансов Российской Федерации.

Уважаемые участники Пролога Форума, дорогие друзья, коллеги!

Сегодня мы находимся у истоков новой формы сотрудничества двух наших государств. Сотрудничества, которое предполагает учет всех особенностей общественной жизни, ее культурной, религиозной, экономической составляющей. Собрать все это воедино, рассматривать наши отношения в целом — это серьезный вызов. Сумеет ли мы достойно ответить на него, во многом будет зависеть от нас, от того, как мы будем в дальнейшем работать, как преодолевать имеющиеся организационные трудности.

Это — *новый путь*. Путь, на который могут вступить два наши государства, тесно связанные между собой. Каждый российский школьник, открывая первый учебник истории, видит большой раздел, посвященный истории Древней Греции. Боги, герои, философы, ученые, общественные деятели... Вклад Греции в развитие европейской культуры, европейской науки поистине трудно переоценить. Византия, крещение Руси — это те страницы истории, где Россия и Греция уже были связаны между собой непосредственно. После падения Константинополя Россия в течение многих веков рассматривала себя как страну, на которую возложена миссия продолжить дело Византии. Москва идентифицировала себя в качестве продолжателя дела Константинополя. В более поздние века Россия внесла посильный вклад в развитие греческой государственности, духовной культуры.

Мне хотелось бы взять за основу слова, которые сегодня произнесла госпожа Деспотопулу, очень важные слова о корпоративной этике бизнеса, о его социальной ответственности, а также о той благотворительной миссии, которую может нести бизнес. Эти аспекты бизнеса в современной истории становятся все более важными.

В условиях интеграции, глобализации роль бизнеса, который легко преодолевает границы (разумеется, в том случае если государство ему не препятствует), может быть очень велика. Как я уже говорил, государство должно создавать условия для того, чтобы бизнес развивался, и тогда мы можем рассчитывать на ответную реакцию. Здесь нам предстоит еще многое сделать. К сожалению, должен сказать, что на сегодня греческий бизнес достаточно плохо знает Россию и российский бизнес мало представлен в Греции. И с этой точки зрения налаживание экономических связей представляется очень интересным.

Со своей стороны могу сказать, что в последние годы в России именно в экономическом плане отмечается большой прогресс. Последние пять лет темпы развития экономики составляли более 7 процентов, в этом году мы ожидаем, что темпы развития будут около 6 процентов. Мы создали стабильные условия для развития бизнеса, и очень многие государства сегодня с интересом смотрят на Россию как на ту сферу деятельности, где можно получить большие гарантирован-

ные прибыли, где можно успешно конкурировать с другими государствами. Мы открыты для иностранных инвесторов, создаем им равные условия с российскими компаниями. Многие иностранные компании, в том числе из стран Евросоюза, пришли в Россию, успешно там работают. И, мне кажется, было бы неправильно, если бы греческий бизнес опоздал и не получил тех конкурентных преимуществ, которые имеют те, кто начинает своевременно. Я бы хотел отметить, что в России сегодня создана одна из самых либеральных налоговых систем в Европе, в условиях политической стабильности, на мой взгляд, это очень важно и интересно. Мы приглашаем вас к тому, чтобы развивать наше сотрудничество и по этому направлению.

Думаю, что греческий бизнес в России и российский бизнес в Греции вместе с осуществляемыми в рамках Форума программами духовного и культурного развития могут стать тем мостиком, через который сотрудничество наших стран будет выведено на качественно более высокий уровень.

ИЗ ПОСЛАНИЙ СТАРЦЕВ

Священный Иверский монастырь СВЯТАЯ ГОРА АФОН

*Возлюбленные во Христе братья,
Радуйтесь всегда о Господе!*

Ваше паломничество в святую обитель Божией Матери "Вратарницы" и наша беседа мне принесли много радости.

Я был тронут идеей работы Социально-инновационного центра, ставящего своей целью живое сотрудничество верующих всех православных стран.

То, что вы начали делать, есть свято и священно, поскольку вы желаете развить из "богоответственного прошлого" наших православных народов "богоответственное будущее".

А поскольку это дело свято и священно, так как рождается от Православной Церкви и всех направляет к Ней, то оно и будет ненавистно дьяволу.

Вы встретите, как вы уже писали, много трудностей, и даже там, где надеялись на понимание и помощь.

Но если вы разобрались внутри себя, если ищете воли Божией и ничего другого, если с жертвенным чувством начинаете в Православной Церкви и ей же завершаете, отсылая всех в Нее, тогда все трудности и искушения принесут вам только пользу. Тогда вы яснее увидите ваши цели, ваше слово станет более мудрым, откроются невиданные горизонты. Трудности откроют сокрытые сокровища и силы нашей веры. Они научат тому, как нужно и можно сегодня осуществлять содружество православных сил, на пользу и спасение всем.

Воистину пробил час Православия в этот переходный и весьма сомнительный период глобализации.

До сего дня человек страдал и томился. Сколькие спасители пришли! Одни, предлагая свои теории как безошибочную религию, другие проповедовали "спасительное" безбожие. Но все это — плод человеческой мысли, и все эти идеи оказались формами религиозной и политической тоталитарности. И во всех этих случаях жертвой был и остается человек.

Сегодня опять же приходят многочисленные новые "спасители" и претенденты на звание властелинов мира, выдвигаясь, не жертвуя собою за других, но терроризируют и истребляют их.

Но в православной литургической жизни, в православном делании господствует совсем другой дух — дух мира и любви. Глава нашей веры

вечно приносит Себя в жертву за жизнь и спасение мира, и Он не приносит других в жертву. Своею смертью Он лишает смерть ее силы, чтобы дать жизнь всем людям, даже тем, кто распинает его. Потому что даже и они, не зная того, что творят, жаждут жизненной полноты.

Человек всегда нуждался в Божьей любви и мире.

Особенно в современную эпоху с ее средствами связи и технологическим прогрессом, когда добро и зло стало достоянием всех, православное слово должны быть услышано как конкретное дело и конкретная акция.

Вы же, питаемые Православной Церковью, не оставляйте своих слов и своей деятельности и не дайте развиться в себе ни духу пораженчества, ни пустым надеждам (что якобы мы спаслись благодаря человеческим идеям).

Итак, наша отправная точка — Православная Церковь, в которой весь человек спасается, и, приводя туда всех, мы совершаем святое и спасительное дело, оправданное всеми предыдущими тысячелетиями.

Если вы будете идти вперед с таким настроем, сколькими Божьими благословениями вы насладитесь и сколько благословений расточите вокруг себя! Сколькие святые, старые и новые, будут поддерживать вас в вашем деле! И сколькие жаждущие истины и жизненной полноты люди будут вашими спутниками!

Итак, продолжайте действовать таким образом, чтобы ваш труд и духовное богатство, подаренное нам святыми, насытило всех алчущих и жаждущих жизни.

Позвольте милости, красоте и духу литургического рая смягчить изболевшиеся души измученных людей нашей эпохи.

Если вы будете так поступать, Христос и Богородица обязательно вознаградят вас милостью Своею, которую вы уже сегодня начнете ощущать. Я желаю вам этого от всего сердца.

Игумен Свято-Иверского монастыря

Архимандрит Василий

СВЯТАЯ ГОРА АФОН **Старец Иосиф (Ватопедский)**

О. Иосиф. Мы с ностальгией ждем Воскрешения русского народа. Именно так. Когда оно будет? Это наша боль; это наша молитва. Когда я вижу ваше настроение и желание служить этому, моя радость очень велика.

— *Геронта, разрешите задать Вам вопрос. Что нужно делать, чтобы изменился дух Власти — от вседозволенности и корысти к ответственному служению Богу и людям?*

— Это произойдет вашими молитвами. Если вы будете молиться об этом, то Господь это сделает.

— *Геронта, мы пытаемся организовать сотрудничество государственных деятелей стран, имеющих православные традиции. Тех, кто стремится жить и строить свою работу на нравственных основаниях, в духе православной этики.*

— Вначале соединяйте по-настоящему своих. Мы не имеем много времени. Грех стремительно растет. И Божий Суд свершится очень скоро, строго, очень сурово.

— *Геронта, а как начинать деятельность по организации сотрудничества?*

— Через монастыри. Здесь, на Афоне, монастырь Ватопед еще с древних времен стремился содействовать дружбе греков с русскими на духовной основе. Максим Грек, который помог возрождению русской культуры и монашества, был здесь, в Ватопеде, монахом (*улыбается*). И мы пытаемся продолжать это движение. Мы верим в братство; верим, что вы нам братья.

И поэтому все, что возможно, нужно делать друг для друга. Произойдут большие события в мире, прежде чем совершится единение.

Будьте внимательны, чтобы не предать вашу веру и ваши идеалы.

— *Работу на объединение надо развивать сейчас или пока удержаться от активных действий?*

— Это хорошая работа. Нет, ее нужно продолжать. Это правильная работа.

Поэтому пусть старается Президент Путин, чтобы освятить дела свои и дела своего правительства. Пусть помнит историю своих предков, пусть помнит историю России, полную Святых. Пусть он это знает, пусть это его поддерживает, и пусть он будет верен этому.

Я глубоко чувствую русский народ, и это мой братский народ. Это великая надежда, — чтобы русский народ восстал. Сколько святых вы имеете!

Это наша любовь и наша боль. Желая, чтобы русский народ опять стал православным, чтобы он занял свое христианское место в мире (*улыбается*).

— *Геронта, какие наставления Вы нам дадите, мы так духовно немощны, а дела такие ответственные и трудные...*

— Заветы — они одни и те же на всех, заповеди — они одни и те же ко всем.

Каждая Заповедь Божия — это основа жизни. Заповедь — это значит: "отвернемся от неправильного", "отречемся от неправильного".

Через любовь будем держать себя, свою ипостась, то, что нас отличает.

Человек — это образ Священного Образа, это образ, созданный по подобию, по Образу Божию. И так как в Господе нет ничего несовершенного, поэтому и нам говорит Он: "Станьте святыми, станьте Богами, как и Я есть Бог; станьте святыми, потому что Я Свят".

"Святой" — это значит "чистый от грехов". Если грех не преодолевается, а множится, и эта неправда существует и живет в человеке, тогда

Благодать Божия уходит из человека. Тогда дьявол приобретает над ним власть и он, ведая или не ведая, рабски служит ему. Но если вдруг опомнится, если пробудится человек к покаянию, — Бог Отец прощает человека как любящий отец.

— *Геронта, просим Ваших святых молитв о нас, о наших единомышленниках, о России...*

— Я уверен, что все получится у вас. Божия Благодать да пребудет с вами всегда.

МОНАСТЫРЬ СВ. ДИОНИСИЯ НА ОЛИМПЕ

Архимандрит Максим, игумен монастыря

О. Максим. Нужна сила, которая взяла бы на себя миссию организации взаимодействия православных государственных деятелей. Нужно единение и взаимное воодушевление, чтобы дух власти стал меняться.

В мире действуют апостасийные, глобалистские силы — они являют собой поработанные дьяволом через страсти и им направляемые человеческие силы.

Православие — единственное, что нельзя победить, потому что в основе его лежит любовь. Все другое — силы глобализма победят. А что можно сделать против любви, против жертвенности, самоотверженности, смирения перед Богом, предания ему своей воли? Наша сила не от мира сего — с нами Бог!

Есть и в Европе благочестивые люди. Когда Греция принималась в ЕЭС, то некоторые западные политические деятели говорили: в ЕЭС принимается страна, которая внесет в него *добротолубие*.

— *Какие духовные советы Вы можете дать по нашей работе в организации международного сотрудничества на православных основаниях?*

— Во всем должна присутствовать любовь, сердечная открытость. Действуйте с молитвой и рассуждением. Не навязывайте, не действуйте насилием. В деле возрождения православного государства — опора в монастырях. Не подменяйте церковь, не подменяйте церковнослужителей. (У нас в Греции были проблемы с братствами, которые критиковали церковь и жили без контакта с ней.) Запаситесь терпением. Надо усмирить честолюбие, ни в чем не делать себе имени. Иметь самоотверженность, воодушевление и львиное сердце.

У вас должны вырасти два крыла. Одно — это сотрудничество с церковью. Должен быть определенный дух, чтобы люди, которые будут смотреть на ваши дела, не думали, что вы — приспособленцы или наживаетесь. Итак, дух единства с церковью — одно крыло. Дух вашего сообщества — другое крыло.

Вам будут мешать, клеветать. С этими людьми надо бороться терпением. Другие люди — неискренние, лицемеры, они могут проникнуть внутрь, они наиболее опасны.

Проявляйте уважение к свободе каждого человека, не навязывайте своих идей, молитесь и действуйте с сердечной болью и любовью.

Вы, возможно, не увидите плодов, но другие их пожнут. Пусть ваши труды останутся в истории как некая светлая линия.

СВЯТАЯ ГОРА АФОН

Старец Лука (Филофейский)

О. Лука. Россия до Петра жила сердцем, а после Петра — умом. Сейчас важно, чтобы она опять вернулась к деяниям через сердце.

Мы не можем вместить Господа в своем сердце, кроме как если не отдадим ему свое сердце, только занятое верой, а не прочей мирской шелухой.

Нельзя оставлять того, кто упал. Господь говорит: разве тот, кто упал, не может подняться?

У нас часто любят говорить, что в мире все плохо и страшно. Много людей так думают и говорят. Те, кто сможет преодолеть этот страх, получат особую награду, так как их примером заразятся другие.

Многие, имеющие помощь дьявола, становятся маленькими, и многие, имеющие помощь Господа, становятся большими.

Наше сознание нам говорит, что мы должны понять все своим умом (в науке и т. п.) и это для нас самое главное. Но эти знания не есть откровения, данные Богом, это — от земной жизни.

В жаркий ветреный день пыль застилает глаза. Дождь делает воздух чистым, поэтому подобно дождю природному нужны слезы, очищающие сознание. И те, кто осознает это, — они большие.

На малое стадо будет действовать благодать и освещать остальных.

Когда двое собрались вместе во имя Господа, то Господь между ними. Но мы допускаем ошибку: планы человека отличны от Господа.

Господь хочет собрать всех нас вместе и принять всех (об этом говорил Апостол Павел: тогда Господь создал много народов с желанием, чтобы все в поиске путей к Богу стали одним народом вокруг Бога).

Когда человек идет к солнцу, за ним идет его тень. Когда человек идет к Богу, за ним тоже идет его тень. Это — его земная жизнь, с ее хлопотами, мелочными проблемами, мирской шелухой. Но человек должен идти к Богу и тогда все само собой решится.

Вы имеете боль, она необходима, она от Бога и нужна, чтобы очистился народ.

(О. Лука показывает на портрет русского дьякона Филофейского монастыря о. Венямина.) Наши кельи были рядом, он скончался здесь, на Святом Афоне. Я любил бывать у него. Как-то вечером перед сном он вышел на балкон, смотрел на небо с четками в руках, молился. Глядя на небо, он произнес "Велик художник Бог". Он восхищался не звез-

дами, а их Создателем, Тем, Кто создал эту красоту! Насколько нищ человек, который восхищается тварью, а не Творцом.

Если мы будем восхищаться тварью, а не Творцом, то Он исчезает из сердца. Когда сердце льется любовью к Богу, тогда само сердце тянет человека к Богу, и с последним ударом сердца человек уйдет к Богу. Если же нет — то он не уйдет к Богу.

Человек, произносящий слова "я люблю", должен слышать эхо, это эхо на небе.

Многие вещи мы держим в себе. И часто мы хотим слышать наши слова. Но Господь хочет правды, поэтому он дает не только слова, но и то, что за ними стоит. В Евангелии сказано: "Даст Господь по сердцу твоему". Он слышит не слова, а сердце. Все остальное — это хлопоты, слова...

Вопрос. Почему после причастия человек грешит?

О. Лука: Если тяга к удовольствиям побеждает, то будем всегда грешить. А если сердечная боль будет побеждать, то и грешить не будешь. Молясь, идя к Господу, мы падаем... Но падаем Ему в ноги, и Он по неизреченной любви нас подымет.

Святые отцы говорят, что если согласятся между собой двое, когда просят Бога, то Бог даст все, что они просят, и даже сверх того, Эти двое — ум и сердце. Надо, чтобы слова наши соответствовали желанию сердца. Если же мы просим умом, словами, а не сердцем, то Господь этого не даст.

Молодой человек решил покончить жизнь и послал письмо отцу с просьбой прислать ему крест: хочу с ним покинуть жизнь...

Отец ответил ему "Ищи не крест, а силу креста"...

Божественной силой однажды можно разрушить любую силу. Поэтому то малое в нас, праведное больше всего.... Наша задача: взять внешний крест и сделать его внутренним крестом.

Мы не должны стесняться нашего креста — это одна вредная крайность. Но мы и не должны гордиться, выставлять его поверх рубашки. Такой крест тоже силы не даст. Можно видеть, как властители мира сего содргают мир. Силой крестовой, данной нам Господом, мы будем поддерживать наше внутреннее состояние, и ни один властитель нам не страшен. Поэтому, когда Господь вознесся, он благословил тех, кто кается, верует. Других это не коснулось.

Он нас ждет, когда мы покаемся. Задача наша — собрать самого себя и оторвать от страшного провала.

Поэтому человек в переводе с греческого языка — "глядящий ввысь", а мы всегда смотрим вниз, а не ввысь. И забываем, что Господь сказал, что мир обновится. В праздник Вознесения он облакает нас Своим покровом, и мы должны увидеть Его и Ему ответить.

Апостол Филипп говорит: Господи, покажи мне Отца. Господь отвечает: столько времени со мной и не видишь Отца? Человек верующий — это видимое присутствие невидимого Бога.

ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ
ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ФОРУМУ
"КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ,
ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ"

РАСПОРЯЖЕНИЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об участии Совета Федерации в подготовке и проведении
Международного форума "Культурно-исторические
традиции сотрудничества государственной власти,
общественных институтов и православной церкви"

1. Принять предложение Комитета Совета Федерации по международным делам, Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии, Комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности, Общественного российско-греческого координационного комитета по подготовке Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" и Социально-инновационного центра России (далее - Социнцентр) об участии Совета Федерации в ежегодном проведении Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви".

2. Утвердить План участия Совета Федерации в подготовке и проведении Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" в 2004 году.

3. Поручить Комитету Совета Федерации по международным делам, Комитету Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии и Комитету Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности реализацию указанного Плана.

4. Комитету Совета Федерации по международным делам, Аппарату Совета Федерации проработать вопрос о возможности финансовой поддержки из резервного фонда Правительства Российской Федерации части мероприятий, согласованных с указанным Планом и осуществляемых Социнцентром в качестве исполнительного органа форума.

5. Расходы, связанные с участием Совета Федерации в подготовке и проведении форума, указанного в пункте 1 настоящего распоряжения, отнести за счет ассигнований, выделяемых на эти цели по смете расходов по обеспечению деятельности Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

С.М. МИРОНОВ

26 декабря 2003 года
№ 564рп-СФ

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

« 31 » 12 20 03 г.

119034 Москва, Чистый пер. 5

№ 6488

**Председателю Комитета Совета Федерации по международным
делам М. В. МАРГЕЛОВУ**

предмет: Международный форум «Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви»/ ответ на письмо № 3.6-34/1294 от 19 ноября с.г.

Многоуважаемый Михаил Витальевич!

Нахожу крайне полезной идею проведения Международного форума по тематике церковно-государственных отношений. В контексте развития и укрепления многопланового сотрудничества государств с преобладающей православной традицией форум должен иметь особо важное международное значение. Выработка общих политических и духовных ориентиров, основанных на многовековых ценностях православных национальных культур, будет способствовать глубинному единению и взаимопониманию народов. Несомненно, Церковь готова ко всестороннему участию в данном процессе как на уровне конкретных социальных проектов, так и в деле творческого теоретического осмысления новых горизонтов со-бытия государства и Церкви.

Выражаю искреннюю признательность дирекции и сотрудникам Социально-инновационного центра России, членам российско-греческого координационного комитета по подготовке Форума, членам Попечительского Совета Душепопечительского Православного центра за их личный вклад в святое дело духовно-нравственного пробуждения государства российского.

Примите Наши сердечные поздравления с наступающим Новым Годом и приближающимся Рождеством Христовым. Да благословит Вас Господь миром, здравием и семейным счастьем!

С уважением,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О ходе реализации распоряжения Председателя
Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации от 26 декабря 2003 года
№ 564рп-СФ "Об участии Совета Федерации в подготовке
и проведении Международного форума "Культурно-
исторические традиции сотрудничества государственной
власти, общественных институтов и православной церкви"

1. Одобрить мероприятия по подготовке Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" (далее – Форум), которые проводятся Международным российско-греческим координационным комитетом Форума (далее – Комитет Форума) при участии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Московской Патриархии, в том числе создание российской части Комитета Форума, разработку международных программ и проектов в рамках Форума: "Азбука роста", "Возвращение", "Кодекс надежности", "Дружественное слово", "Единители поколений", "Восхождение к истокам", "Поклонение".

2. Поддержать предложение российской части Комитета Форума о создании федерально-региональной группы российской части Комитета Форума с целью подготовки на рабочем уровне совместно с Социально-инновационным центром России (далее – Социнцентр) – исполнительным органом Комитета Форума, проектов решений и других документов Комитета Форума

содействия осуществлению на территории Российской Федерации международных программ и проектов в рамках Форума.

3. Руководителю Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации определить работников Аппарата Совета Федерации для включения в состав федерально-региональной группы российской части Комитета Форума по направлениям деятельности, согласованным с Социнцентром.

4. Рекомендовать Правительству Российской Федерации, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления принять участие в реализации международных программ и проектов в рамках Форума.

5. Дополнить План участия Совета Федерации в подготовке и проведении Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" в 2004 году, утвержденный распоряжением Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 26 декабря 2003 года № 564рп-СФ, мероприятиями согласно приложению.

6. Структурным подразделениям Аппарата Совета Федерации осуществлять организационно-техническое обеспечение участия Совета Федерации в подготовке и проведении Форума.

7. Комитету Совета Федерации по международным делам, Комитету Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии, Комитету Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности совместно с Социнцентром подготовить и в декабре 2004 года представить на утверждение проект плана участия Совета Федерации в подготовке и проведении Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви" в 2005 году.

8. Комитету Совета Федерации по международным делам, Аппарату Совета Федерации проработать вопрос о финансовой поддержке в 2005 году из резервного фонда Правительства Российской Федерации части мероприятий по подготовке и проведению Форума, осуществляемых Социнцентром в качестве исполнительного органа Комитета Форума.

9. Расходы, связанные с участием Совета Федерации в подготовке и проведении Форума, отнести за счет ассигнований, выделяемых на эти цели по смете расходов по обеспечению деятельности Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

МИРОНОВ

30 сентября 2004 года
№ 379рп-СФ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 8 июня 2004 г. № 773-р

МОСКВА

Выделить в 2004 году Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации из резервного фонда Правительства Российской Федерации 2,6 млн. рублей на проведение конференций в рамках Международного форума "Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви".

Председатель Правительства
Российской Федерации

М. Фрадков

МЕМОРАНДУМ

Москва, Россия

31 августа 2007

Свято Данилов ставропигиальный мужской монастырь Московской Патриархии, Социально-инновационный центр России (Социнцентр) – с российской стороны, Монастырь Святого Дионисия на Олимпе – с греческой стороны, участники встречи 31 августа в России в Свято Даниловом монастыре,

отмечая важность продолжения деятельности в рамках Международного форума «Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви», основой которой является осуществление совместных программ и проектов,

намерены соединить усилия в целях:

1) создания Международного просветительского и социально-реабилитационного центра с первыми отделениями в Греции (Олимп) в России (Москва) с перспективой создания отделений в других регионах и странах;

2) содействия развитию иных направлений деятельности Международного форума «Культурно-исторические традиции сотрудничества государственной власти, общественных институтов и православной церкви».

Стороны, в результате проведения встреч определили и поставили перед собой следующие задачи.

1. До конца 2007 года согласовать план совместных и параллельно ведущихся работ по организации Центра, включающий периодическое проведение семинаров и встреч.

2. Подготовить и утвердить Смету расходов, необходимых для осуществления Плана.

3. Организовать регулярный обмен информацией по вопросам сотрудничества.

4. Провести работу по привлечению финансирования, необходимого для осуществления Плана.

5. Сформировать международную рабочую группу по проектированию и созданию Центра.

Стороны приняли решения.

Организацию указанных работ берет на себя Социнцентр – исполнительный орган Форума.

Свято Данилов ставропигиальный мужской монастырь Московской Патриархии, Монастырь Святого Дионисия на Олимпе оказывают всемерное содействие Социнцентру в данной работе.

Настоятель
Монастыря Св. Дионисия на
Олимпе (Греция)

Генеральный директор
Социнцентра

Наместник
Свято Данилова монастыря
(Россия)

архимандрит Максим

Михаил Розинский

архимандрит Алексий

ΥΠΟΜΝΗΜΑ

Μώσχα, Ρωσία

31 Αυγούστου 2007

Ιερα Μονη Αγίου Διονυσίου εν Ολυμπω – απο την πλευρα της Ελλάδας, Ιερα Μεγιστη Μονη του Αγίου Δανιηλ, Κοινωνικό Ανανεωτικό Κέντρο (SOCINCENTER) – απο την πλευρα της Ρωσίας, οι μετοχοι της συναντησης στις 31 Αυγούστου στη Ρωσία στη Μονη Αγίου Δανιηλ, με αιτοντη σημασια της συνεχειας της δραστηριοτητας στο πλαίσιο του Διεθνους Συνεδριου με θέμα: «Πολιτιστικές και ιστορικές παραδόσεις συνεργασίας της κρατικής εξουσίας, των κοινωνικών φορέων και της Ορθοδόξου Εκκλησίας», η βαση του οποιου είναι η πραγματοποίηση μαζί των προγραμμάτων, σκοπευουν να ενωνουν τις προσπάθειες των στον σκοπο:

1. Η δημιουργια του Διεθνους Κεντρου της Διαφωτισμος και Κοινωνικη Αποκατασταση με τα πρωτα τμηματα στην Ελλάδα (Ολυμπος) και στην Ρωσία (Μώσχα) με την προοπτικη της δημιουργιας των τμηματων και στις άλλες περιοχες και χωρες
2. Η συμπαρασταση στην εξελιξη τις άλλες κατευθυνσεις στην δραστηριοτητα του Διεθνους Συνέδριου με θέμα: «Πολιτιστικές και ιστορικές παραδόσεις συνεργασίας της κρατικής εξουσίας, των κοινωνικών φορέων και της Ορθοδόξου Εκκλησίας»

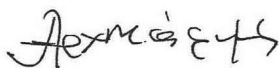
Οι πλευρες στο αποτελεσμα τις συναντησεως προσδιορισαν τους παρακατους σκοπους:

1. Ως τελος 2007 να συμφωνησουν το προγραμμα της συνεργασιας για την οργανωση του Κεντρου, συμπεριλαμβανομενο τις περιοδικες συναντησεως
 2. Να προετοιμαστουν και να επικυρωνουν τα εξοδα για την πραγματοποίηση των στοχων
 3. Να οργανωνουν ταχτικα την ανταλλαγη της πληροφοριας για ζητημα της συνεργασιας
 4. Να κανουν την δουλια για την οργανωση των οικονομικων για την πραγματοποίηση του Προγραμματος
 5. Να διαμορφωνουν την διεθνής εργατικη ομαδα για την διοργανωση του Κεντρου
- Οι πλευρες παιρνουν την αποφαση.

Το Κοινωνικό Ανανεωτικό Κέντρο παιρνει την οργανωση τετοιες εργασιες - εκτελεστικο οργανο του Συνεδριου.

Η Ιερα Μονη του Αγίου Διονυσίου εν Ολυμπω και Ιερα Μεγιστη Μονη του Αγίου Δανιηλ παρεχουν συμπαρασταση του Κοινωνικου Ανανεωτικου Κεντρου σ'αυτην την εργασια.

Ο Ηγουμενος της Ιερας
Μονης Αγίου Διονυσίου εν
Ολυμπω (Ελλάδα)

Αρχμανδριτης Μαξιμος

Ο Γενικός Διευθυντής
του Κοινωνικού
Ανανεωτικού Κέντρου
Ρωσίας

Μιχαηλ Ροζινσκι

Ο Καθηγουμενος της Ιερας
Μεγιστης Μονης Αγίου
Δανιηλ (Ρωσία)

Αρχμανδριτης Αλεξιوس

И.А. Ильин

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

1.1. Понятие о законоведении

Когда человек стремится к знанию, то он часто не дает себе отчета в том, что значит "знать". А между тем без этого он не может удовлетворить своего стремления и нередко блуждает в темноте.

Знать — значит, прежде всего, представлять себе что-нибудь. Тот, кто ничего себе не представляет, тот и не знает ничего; это мы выражаем словами: "он не имеет никакого представления". Однако не всякое представление может быть названо знанием. "Какие-нибудь" представления имеются у каждого человека... с утра до вечера наша душа занята чем-нибудь; она представляет себе то одно, то другое, останавливаясь на многом, — то по очереди, то сразу, то внимательно, то небрежно. Наши представления бывают при этом нередко смутными и неопределенными. В противоположность этому знающий имеет представления ясные и определенные. Это означает, что знание всегда говорит об определенном предмете. Нельзя знать сразу обо всем; тот, кто хочет знать, тот должен согласиться на разделение и ограничение. Поэтому каждая наука как совокупность знаний имеет дело с каким-нибудь определенным предметом. Об этом едином, определенном предмете наука дает нам представления отчетливые. Смутные, сбивчивые представления не имеют цены в науке; кто представляет себе что-нибудь смутно, тот не может ни понять, ни запомнить. Понять значит "принять в душу" и овладеть мыслью, а для того, чтобы сознание овладело предметом, оно должно представить себе его с самою большою ясностью. Знающий владеет своим предметом и может всегда в нужный момент вызвать в душе отчетливое представление, произвести его и выразить его в словах.

Итак, "знать" значит ясно и отчетливо представлять себе что-нибудь определенное или, что то же, понимать и помнить.

Однако понять и запомнить можно верное, но можно и ошибочное. Тот, кто усвоил что-нибудь неверное, тот не обладает истинным знанием. Вопрос о том, что есть истина, решается, вообще говоря, в научных исследованиях; там собираются и излагаются те основания и соображения, в силу которых одно следует признать истинным, а другое ложным. Эти основания называются доказательствами. Каждое научное исследование стремится установить при помощи доказательств верное или истинное знание о своем предмете, будь то о фигурах в пространстве (геометрия), или о движении тел (механика), или о жизни существ (биология), или же о сущности добра и зла (этика). Наука есть совокупность доказанных истин или истинных знаний об определенном предмете.

То, что добыто научными исследованиями в известной отрасли знания, может быть изложено отдельно от научных доказательств; такое изложение, дающее готовые итоги и не входящее в рассмотрение доказательств, останавливается обыкновенно только на самых важных вопросах; оно сообщает наиболее существенные, основные сведения в

общедоступной форме. Такое изложение научных итогов придает науке подготовительный, или пропедевтический характер. Именно такой характер имеет законоведение: оно излагает вкратце зрелые итоги, добытые в науках, изучающих сущность права и законов. В этом основное отличие законоведения от других юридических наук. Законоведение есть наука несамостоятельная и общая. Оно несамостоятельно потому, что само не исследует предмета, но подводит краткие итоги другим, самостоятельным наукам о праве. Оно имеет общий характер потому, что излагает основные выводы многих, главных юридических наук, останавливаясь на том, что важно для всякого юриста, и опуская то, что имеет более специальный интерес.

Таков характер законоведения как особой отрасли научного знания (по-славянски "ведения"). Законоведение, как подготовительная, или пропедевтическая, наука, имеет определенный предмет: именно, оно содержит основные сведения о тех обязательных правилах поведения (нормах), которые устанавливаются уполномоченными и потому авторитетными людьми; общественная жизнь подчиняется этим правилам (правовым нормам) и превращается через это в мирную, упорядоченную и организованную жизнь; люди объединяются в государственный союз и работают сообща над усовершенствованием своей внешней и внутренней жизни.

Первые сведения об этих правилах и об этом порядке дает общее учение о праве и государстве.

1.2. Понятие о законе и норме

Чем бы ни интересовался человек и чем бы он ни занимался, ему всегда приходится иметь дело с множеством разнообразных вещей или предметов. В небе он видит множество светил — неподвижных звезд и планет; на земле — множество растений и животных; он окружен множеством людей и даже в душе своей замечает много различных представлений, чувств, желаний и помыслов. Числа в арифметике, фигуры и части фигур в геометрии, молекулы и атомы вещества в физике — все это образует огромное множество единиц или элементов, перед которым человек может и растеряться. Однако он скоро замечает, что все эти элементы стоят друг с другом в некоторых отношениях, которые или всегда остаются неизменными, или же от времени до времени повторяются. Так, например, отношения чисел или геометрических фигур остаются всегда одинаковыми; расположение планет в небе или связь представлений в душе человека — повторяются от времени до времени. Заметив это, человек направляет все свое внимание на то, чтобы подметить как можно больше таких устойчивых или повторяющихся отношений, которые могут быть названы постоянными связями. Он замечает при этом, что как самые элементы, так и связи их имеют в разных областях различный характер. Так, например, математика

изучает преимущественно связи между величинами и количествами, и связи эти состоят в том, что один элемент всегда больше другого, или всегда меньше другого, или всегда равен другому; естественные науки исследуют преимущественно причинные связи между вещами (их изменениями и движениями) или явлениями природы, и связи эти состоят в том, что появление одного элемента (напр., огня) всегда влечет за собою появление другого элемента (напр., теплоты) и т.д. При всем разнообразии этих элементов и отношений среди них есть постоянные связи; то, что казалось на первый взгляд беспорядком или даже хаосом, скрывает в себе, очевидно, какой-то постоянный и необходимый порядок. Все науки пытаются уловить этот порядок, формулировать его в виде суждений и выразить в словах. Напр.: "сумма всех углов треугольника всегда равна двум прямым"; "угол падения всегда равен углу отражения"; "растения поглощают углекислоту и освобождают кислород" и т.п. Суждения, которые утверждают какой-нибудь постоянный и необходимый порядок, называются законами.

Понятно, что всякая наука имеет дело с законами. Однако необходимо точно отличать законы бытия и законы долженствования. Правовые законы, изучаемые в законоведении, относятся именно к числу последних.

Законы бытия говорят о том, что в действительности есть известный порядок. Этот порядок существует или обстоит на самом деле; плох он или хорош, полезен людям или вреден, прост или сложен — он имеется налицо. Таковы не только законы математики, но и законы природы. Закон природы говорит о том, что существует в действительности или, точнее — что всегда и необходимо совершается, например, среди атомов, или среди минералов, или в мире планет, или в царстве растений и животных. Законы бытия говорят о постоянных связях, существующих в действительности.

Напротив, законы долженствования говорят о тех связях или отношениях, которые должны осуществляться людьми в их жизни и деятельности. Эти законы суть правила, которые людям следует соблюдать. Каждый раз, как живой человек действует или совершает известный поступок, он может делать свое дело лучше и хуже. При этом, если он живет сознательной жизнью, он имеет возможность обдумывать свой образ действий, выбирать лучший путь и решать в его пользу. Во всех этих случаях человек имеет перед собою известные правила, которые указывают ему искомый лучший жизненный путь. Эти правила говорят не о том, что существует на самом деле; но о том, как следует людям жить, действовать и поступать. Эти правила могут быть названы законами потому, что они указывают постоянный и необходимый порядок, который людям надлежит осуществлять в их деятельности. Понятно, что "постоянство" этого порядка состоит не в том, что "так всегда бывает": люди могут соблюдать правила, но могут и не соблюдать их, и в действительности они часто их не соблюдают. "Постоянство"

означает здесь, что люди всегда должны действовать так, а не иначе и что они будут неправы каждый раз, как только нарушат эти правила. Точно так же "необходимость" этого порядка состоит не в том, что "иначе не может быть"; но в том, что соблюдение этих законов есть единственный путь, при котором люди будут правы. Тот, кто поступает согласно закону должностования, тот не может быть неправ — вот смысл этой "необходимости". Такие законы правильного, надлежащего поведения мы будем называть нормами.

Итак, норма есть суждение, устанавливающее известный порядок как должный, или еще проще: это есть выраженное в словах правило лучшего; напр., "не убий", "отдавайте кесарево кесарю, а Божие — Богу"; "не допускай в суждениях своих противоречия"; "никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком"*(235); "родители обязаны давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание..."*(236); "выборы членов парламента должны быть свободны"*(237) и т. п. Это означает, что в каждой норме, к кому бы она ни относилась и кем бы она ни была установлена, имеется в виду некоторый лучший порядок действий; этот "лучший" порядок и устанавливается как обязательный. Каждая норма предполагает, что некоторое разумное существо рассмотрело различные способы жить и действовать; признало, что одни из этих способов лучше, а другие хуже; выбрало именно лучшие способы и постановило, что люди должны соблюдать и осуществлять именно их. Этот порядок жизни, признанный лучшим, признается лучшим не только для какого-нибудь отдельного, единичного человека, но для всех людей или, во всяком случае, для многих людей, обладающих особыми предусмотренными свойствами, напр., для ученых, для рабочих, для правительственных чиновников и т.д. Во всяком случае норма всегда имеет характер общий, т.е. она предписывает одно и то же для всех одинаковых случаев. Само собою разумеется, что то, что относится ко всем, относится и к отдельному человеку; поэтому из каждой нормы можно вывести правило поведения и для отдельных людей, и, в частности, предписание для их единичных поступков. Такие предписания, относящиеся к единичным случаям, следует называть уже не нормами, а императивами.

Понятно, что норма может относиться только к разумно-действующим существам, т.е. к людям. Неодушевленные вещи не действуют и потому не могут иметь правил поведения; что же касается животных, то приказы, с которыми человек к ним нередко обращается, не могут быть даже названы "императивами", потому что каждый императив рассчитан на разумное и сознательное усвоение со стороны повинующегося; как норма, так и императив суть такие правила лучшего, которые слагаются разумным, выбирающим и оценивающим существом и обращаются к существу, также способному к оценке, выбору и разум-

ному решению. Научное исследование жизни животных не дало нам до сих пор оснований признать за животными такие способности.

Понятно также, что каждая норма и каждый императив как правила лучшего должны предписывать то, что в самом деле является лучшим. Человек должен соблюдать предписанный порядок именно потому, что он лучший. Поэтому прежде, чем устанавливать норму, необходимо иметь верное и отчетливое представление о том, что есть лучшее. Тот, кто пытается установить правило мышления, должен исследовать, что есть "лучшее" в мышлении, т.е. что такое истина; кто ищет правило для художественного творчества, тот должен решить вопрос о том, что есть лучшее в искусстве, т.е. что такое красота; кто стремится установить правило нравственно праведной жизни, тот должен исследовать сущность добра; а тот, кто устанавливает правовую норму, предполагает известным, в чем состоит сущность справедливости.

Наконец, нетрудно понять, что каждая норма сохраняет свое значение в качестве правила лучшего даже и в том случае, если кто-нибудь ее нарушает. Несоблюдение правила не отменяет его и не может его отменить. Так, если кто-нибудь будет допускать в суждениях своих противоречия, то мышление его станет неверным, но правило о непротиворечивости мышления останется непоколебленным; точно так же, если кто-нибудь возлюбит себя превыше всего, то состояние его души окажется нравственно недобрым, но завет Христа сохранит свою глубокую верность. Убийство нарушает норму "не убий", но не отменяет ее. Таково основное значение всякой нормы.

Однако законоведение изучает далеко не все законы долженствования, но только один вид их: именно, нормы права. Правила мышления исследуются в логике; правила художественного творчества — в эстетике (наука о прекрасном); правила нравственно совершенной жизни — в этике. Законоведение исследует основные черты и основное содержание тех норм, которые предписывают людям известное внешнее поведение в их совместной жизни. Таковы нормы права.

1.3. Необходимость общежития

Мыслители самых различных эпох отмечали у человека тяготение к совместной жизни. Самые основные влечения и интересы, начиная от первичных инстинктивно-эгоистических побуждений и кончая утонченными духовными запросами, заставляют человека искать постоянного общения с другими людьми.

Общежитие необходимо человеку потому, что оно может дать и действительно дает ему элементарную обеспеченность и духовную полноту жизни.

Каждый из нас, взятый сам по себе, в отдельности, является существом ограниченным и беспомощным. С самого момента рождения человек нуждается в помощи других людей и неминуемо погибает, если

не находит ее: голод и холод, первые враги человека, полагают быстрый конец его жизни. Принимая эту первоначальную помощь, каждый из нас завязывает тем самым первые общественные связи задолго до того, как он начинает сознавать и помнить себя. У каждого из нас есть люди, заботам и вниманию которых мы обязаны своею жизнью в этот долгий и трудный период. В большинстве случаев это — родители, и им принадлежит первая сильная привязанность ребенка. Человеку естественно родиться и воспитываться в семье, т. е. среди людей, с которыми он связан кровным родством; это те, от кого он произошел, и те, кто связан с ним одинаковым происхождением (братья и сестры). Задача родителей по отношению к ребенку двоякая: во-первых — избавить его от преждевременной и непосильной борьбы за существование, во-вторых — помочь ему взрастить и в себе ту духовную жизнь, ради которой человеку вообще только и стоит жить на свете.

Возможность существовать дается человеку не даром и не легко, и эта трудность имеет огромное положительное значение. Трудно представить себе, до какой низкой ступени опустился бы человек, если бы все, необходимое для его жизни, давалось бы ему без всяких усилий. Уверенность в том, что все потребности будут удовлетворены без всякого труда, вызвала бы в человеке беспечность и пассивность и сделала бы его жертвой душевной инерции. Историки не раз обращали внимание на то, что цивилизация и культура медленнее развиваются там, где климат и флора вполне обеспечивают человека от голода и холода. Правда, чрезмерно суровые и непосильные условия жизни также неблагоприятны развитию человека, но эта неблагоприятность побеждается человеком позднее, когда он достигает высшей ступени развития. Необходимость бороться, чтобы жить, — вот главный двигатель человеческой цивилизации.

Итак, борьба за существование должна быть человеку посильна, для того чтобы он не погиб. При этом "существовать" не значит для человека "прозябать". Современная наука о душе, прилежно изучающая не только сознательную жизнь человека, но и его бессознательные и полусознательные проявления (напр., привычки, суеверия, сновидения, работу воображения, работу памяти, душевные недуги и проч.), свидетельствует о том, что человек не может жить здоровой жизнью без некоторого, определенного по количеству и по степени, запаса удовлетворений; задача человека не в том, чтобы искоренить в себе жажду удовольствия и счастья, но в том, чтобы, с одной стороны, одухотворить все свои удовольствия, т.е. сделать их духовно значительными радостями, с другой стороны — связать свое счастье со счастьем всех людей, т.е. убедиться, что нельзя быть счастливым наряду с несчастьем других и далее действовать согласно этому убеждению. Однако люди до сих пор очень далеки от выполнения этой задачи, и это выражается не только в том, что они легко и быстро удовлетворяются низшими, чувственными удовольствиями, но и в том, что они ищут одинокого,

эгоистически ограниченного счастья и, не находя его, наивно удивляются и жалуются. В результате этого эгоистического самочувствия борьба за существование оказывается уже не только борьбой человека с природой, ради овладения ее законами и подчинения ее своим целям, но, помимо этого, еще борьбой человека с человеком из-за житейского удовлетворения и благополучия.

И вот, как только человек вырастает и семья перестает ограждать его спокойное развитие, он видит себя вовлеченным в борьбу за существование. С одной стороны, он в союзе со всеми людьми борется с природой. Все люди заинтересованы в том, чтобы точно изучить живые силы, действующие в природе; это изучение совершается в опытных (эмпирических) науках, и каждое открытие ученых в этой среде должно рассматриваться, и в большинстве случаев действительно рассматривается, как достояние всего человеческого рода. Технические науки изучают наиболее целесообразные и выгодные способы приложения научных открытий к хозяйственным нуждам людей, а техническая деятельность применяет эти способы в борьбе за подчинение природы человеку. В этой борьбе все люди составляют как бы один великий наступательный и оборонительный союз, который с особенной силой и ясностью чувствуется всеми на всемирных научных и технических съездах, а также в эпохи стихийных бедствий — землетрясений, наводнений, неурожая и эпидемических болезней. Такова естественная борьба за существование, ведущаяся человеком.

С другой стороны, человек до известной степени противостоит всем остальным людям и в этой общей социальной борьбе за существование объединяется с отдельными группами людей; задачей этого объединения является взаимная поддержка объединившихся.

Здесь наряду с самым тесным союзом, основанным на кровном родстве, — с семьей, — стоят соединения хозяйственные и культурные.

Всякая внешняя вещь, могущая послужить для удовлетворения человеческой потребности или непосредственно — тем, что человек будет ею пользоваться, или косвенно — тем, что человек посредством нее подготовит для потребления новые вещи, может быть названа хозяйственным благом. Хозяйственная деятельность состоит в том, что человек старается по выработанному заранее плану, при наименьшей затрате сил и наибольшей успешности труда приспособить вещи внешнего мира к удовлетворению своих потребностей. Эта хозяйственная работа совершается особенно успешно, если занятия распределяются среди людей так, что каждый берет себе какую-нибудь одну специальность, достигая в ней большего умения и большей производительности. Но именно такое разделение труда, осуществляющееся все более в современном обществе, заставляет каждого человека нуждаться в работе других людей. Современный человек чаще всего исполняет какое-нибудь одно тесно ограниченное дело, важное или полезное в общем ходе хозяйства, и за то пользуется трудами или произведениями

бесчисленного множества, часто даже неизвестных ему, людей. Каждый из нас, чтобы удовлетворить свои потребности, должен "найти себе работу", т. е. взять на себя известное дело, которое другие люди согласились бы признать полезным или нужным; "деньги", которые мы за это получаем, дают нам возможность, путем обмена их на вещи или на услуги других людей, получить все, что нам необходимо. Современный человек стоит, таким образом, в теснейшей хозяйственной зависимости от других людей, а также от той хозяйственной организации, которая сложилась в результате всей предшествующей жизни человечества.

Однако в хозяйственном отношении человек не только сотрудничает с другими людьми, но и вступает с ними в борьбу. Каждый стремится при наименьшей затрате сил получить наибольшее удовлетворение, т. е. работать возможно меньше, а получать за это возможно больше. На этой почве у людей возникает столкновение интересов, причем люди, находящиеся в одинаковом или похожем положении (напр., покупатели, рабочие, торговцы, землевладельцы и т. д.), стремятся объединиться друг с другом для того, чтобы сообща отстаивать общий им всем интерес.

Понятно, что одинокому человеку, живущему вне общения, было бы крайне трудно обеспечить свою жизнь так, как ее обеспечивает сначала жизнь в семье, а потом участие в хозяйственном сотрудничестве. Человеческое сожительство построено на двух началах: борьбе за существование и взаимопомощи; люди поддерживают друг друга не только в борьбе с природой, но и в борьбе друг с другом, и можно сказать, что жизнь каждого отдельного человека (индивидуума) будет тем более обеспечена его участием в обществе, чем больше взаимная помощь заменит социальную борьбу за существование.

Однако общежитие дает человеку не только элементарную обеспеченность, но и духовную полноту жизни. С тех пор, как человек начинает сознавать себя, он видит свою внутреннюю ограниченность и неполноту. Он видит вокруг себя людей, которые знают больше, чем он, которые обладают более зрелым умом, или более твердою волею, или более глубоким чувством, или более чуткою совестью, и самолюбие его нередко страдает от этого. Лишь постепенно привыкает он к мысли о том, что общение с такими людьми не только не нежелательно для него, но прямо необходимо: оно необходимо ему потому, что общение с лучшими есть одно из основных условий его собственного духовного развития. Человек становится лучше, сравнивая себя не только с идеальным "совершенным" образом человека, о котором говорит Евангелие, но и с теми, кто в действительности достиг в каком-нибудь отношении — высшей ступени. Сравнение себя с ними, беспристрастный самоанализ и подражание лучшему — вот верный путь прогрессивного развития. Таким образом человек может развить и улучшить свои познания, свои умения и свои душевные силы.

Но и за этими пределами остается много такого, к чему человек не может найти доступ самостоятельно, и людям всю жизнь приходится довольствоваться преимущественным развитием в себе какой-нибудь одной душевной способности. А между тем душа человека ищет нередко самых различных духовных удовлетворений и требует разностороннего духовного развития. И вот каждый из нас стремится найти для каждого своего духовного запроса подходящий круг людей, общение с которым могло бы дать ему искомое удовлетворение. И здесь, как всюду, общие цели объединяют людей и заставляют их признать, что недоступное одинокому человеку доступно тому, кто объединяется с другими на началах взаимопомощи. При этом, объединяясь, человек не только ищет и находит удовлетворение своим узким, эгоистическим интересам, но и открывает, что самый процесс объединения с другими людьми дает ему новую полноту жизни. Человек научается ценить общезначимое не только как средство, необходимое для жизни, но как путь, ведущий к прекрасной и достойной жизни, и, наконец, как самостоятельную ценность. Общество людей прочно и сильно только взаимною поддержкою всех, общею "круговою порукою" (солидарностью); постепенно эта связь и взаимная поддержка, в которой один борется за всех и все защищают одного, скрепляет людей более глубоким образом, — взаимным влечением и взаимною любовью; развитие, углубление и одухотворение этой связи и этого чувства является высшей задачей, идеалом совместной жизни людей.

1.4. Формы общезначимого

После всего сказанного нетрудно понять, каковы основные формы человеческого общезначимого.

Для того, чтобы состоялось общение, люди должны иметь возможность воспринимать друг друга: слышать живое слово или, по крайней мере, прочитать его в записи, видеть друг друга и т.д. Почта, телеграф и телефон могут нередко заменить непосредственное свидание, а в отдельных случаях даже завязать между людьми новое сношение. Но устойчивое, длительное и продуктивное общение предполагает возможность непосредственного, частого и легкого взаимного восприятия. Поэтому можно сказать, что все основные формы общезначимого возникают среди людей, живущих приблизительно в одно время и в одном месте. Правда, человеку, с одной стороны, свойственно делать многое для своих будущих или возможных потомков; с другой стороны, среди первобытных народов распространено религиозное почитание предков, которые остаются неизвестными позднейшим поколениям. Однако такое одностороннее проявление общественного чувства не создает ни общения (оно предполагает взаимность), ни общезначимого (оно предполагает более или менее длительное сосуществование). Всякое общезначимое состоит прежде всего в том, что люди вместе живут и вместе

действуют. Согласно этому, основные формы общежития определяются тем, что именно связывает людей воедино. Обычно бывает так, что различные связи и скрепы совмещаются и одна из них вызывает к жизни другую.

По самому происхождению своему люди связываются кровным родством в семью. Самым простым и типичным составом семьи может считаться троичный состав: отец, мать и ребенок. Однако в действительности этот простейший состав обыкновенно являлся и нередко является и теперь осложненным. Первобытные народы жили не в единобрачии, а в многобрачии. Это, конечно, не нарушало троичного характера семейной ячейки, подсказанного самой природою, но приводило к тому, что порядок совместной жизни складывался более запутанно и сложно. Так, у народов, живших охотою, мать, оставаясь у очага и поддерживая необходимый минимум оседлой жизни, могла иметь и воспитывать детей от разных мужей; обратно этому, у индусов и магометан, допускающих многоженство, семья состоит из одного мужа и нескольких жен, нередко с большим количеством детей. Современная наука полагает, что строгое единобрачие сложилось в результате долгого развития человеческих нравов и учреждений.

Тот строй семьи, который с достоверностью отмечен историей, есть строй патриархальный, т.е. основанный на власти отца. В далекие времена, когда охота, торговля и войны постоянно и надолго уводили отца семейства от домашнего очага, власть его, понятно, не могла быть велика и власть матери создавала и поддерживала строй жизни. Но с переходом к земледелию и оседлому труду, с возникновением городов и оседлой жизни власть сосредоточивается в руках отца. В эту эпоху браки совершаются обычно в установленном религиею порядке, и отец получает свою власть как бы от божества. Он является домовладыкой: вся собственность семьи принадлежит ему; над женою и над детьми он имеет право жизни и смерти; он может временно уступить третьему лицу свою власть над сыном и даже продать его в рабство. Домовладыка является в пределах семьи верховным жрецом и судьей: он совершает богослужение и разбирает споры между членами семьи.

Дальнейшее развитие семейного строя идет в двух направлениях: во-первых, все более упрочивается порядок единобрачия; во-вторых, власть отца постепенно ограничивается, вновь начинает признаваться некоторая самостоятельность матери и слагается сознание обязанностей родителей по отношению к детям. Вследствие того, что власть отца не прекращалась со вступлением детей в зрелый возраст, каждая семья, естественно, развивалась в целое гнездо семей, связанных общим происхождением от одного предка и следовательно — кровным родством. Такая разросшаяся семья образовывала род. Род в основном своем составе продолжал единую, совместную жизнь. Он был подчинен единому родоначальнику — патриарху и связан множеством общих интересов и взаимных обязанностей. Род владел землею сообща, под

управлением и руководством патриарха; имущество переходило по наследству от родича к родичу; родичи были обязаны помогать друг другу и защищаться сообща от нападений; за убийство родича весь род мстил кровавою мстью; род был объединен общим именем, он имел общие религиозные празднества и общее кладбище.

Естественно, что при увеличении рода связь между членами его все более ослабевала и постепенно утрачивалась. Он распался в свою очередь на несколько самостоятельных родов, отдельные члены которых уже не могли установить свое родство через отдаленного родоначальника. Однако развитие в одном климате, при одинаковых природных условиях, участие предков в совместной жизни и кровное, хотя и отдаленное сродство, — все это оставляло у потомков черты сходства в строении тела и в укладе душевной жизни. Родовая близость уступала место племенному сходству; люди оказывались объединенными в племя. Единоплеменники не только напоминают друг друга цветом волос, или строением головы и лица, или разговорным диалектом; они часто продолжают жить в одной и той же местности, добывают себе пропитание одинаковым трудом, имеют общую религию, одинаковый семейный строй и сходные обычаи. Мало того, племя нередко сохраняет единство управления и суда, но во главе стоит уже не родоначальник, а старейшина, иногда избираемый племенем, иногда передающий власть по наследству своим детям, часто окруженный советом мудрых и опытных мужей.

Дальнейшее развитие идет обычно сразу по двум путям: внутренняя жизнь племени становится все сложнее и разнообразнее, а внешним образом племя, несмотря на свой численный рост, достигает постепенно большей объединенности. При этом войны между племенами, переселения и торговые сношения нередко перепутывают племена между собою и нарушают чистоту племенной крови. И когда племена разрастаются в целые нации, объединенные в государства, то каждая нация оказывается обыкновенно смешением нескольких племен, причем одно из племен нередко преобладает в этом смешении.

В историческом развитии кровно-родовое единение людей постепенно уступает свое место единению, основанному на других началах. Правда, семейный союз не только не исчезает, но получает даже особую самостоятельность, освобождаясь от родового быта; но зато род и племя вытесняются хозяйственными, духовными и правовыми связями.

Люди, объединенные совместною жизнью в одном роде или племени, легко оказываются в различных хозяйственных положениях: специализация в труде делит людей на опытных и неумелых; размеры личных способностей и удача быстро ведут к имущественному неравенству; стремление родителей передать имущество детям упрочивает это неравенство, а жажда наживы обостряет его. Постепенно люди начинают сознавать, что наиболее обеспечен тот, кто владеет орудиями производства, т.е. землей, машинами, а потом фабриками и т. д. Так

постепенно общество разделяется в зависимости от хозяйственного положения и хозяйственного интереса отдельных людей на классы; классы с течением времени начинают сознавать общность своих интересов, объединяются и вступают друг с другом в борьбу. Такова, например, борьба крестьян с крупными землевладельцами или фабричных рабочих с фабрикантами и промышленниками. Некоторые ученые пытались даже изобразить всю историю человечества как борьбу различных классов между собою.

Классы не следует смешивать с сословиями. Сословием следует называть группу людей, особое и самостоятельное положение которой в общей жизни и деятельности признается и поддерживается правовыми нормами. Это особое положение далеко не всегда состоит в одинаковом имущественном богатстве. Люди делятся на сословия иногда по родовитому происхождению и заслугам предков (напр., потомственные дворяне), иногда по роду занятий (напр., духовенство, купечество, крестьянство), иногда по характеру несомых повинностей (напр., прежнее русское деление на "податные" сословия - крестьяне и мещане, и "неподатные"). Нередко сословия имеют особый суд и особое управление. Иногда деление на сословия оказывается совершенно устаревшим, и тогда отличие сословия от класса становится особенно наглядным.

Наряду с этими широкими делениями совместная жизнь людей непрерывно создает более тесные и специальные группы людей, свободно и добровольно объединяющихся для достижения общих целей. Эти цели могут быть, например, хозяйственными и повести к созданию производительных товариществ, потребительных обществ, обществ взаимного кредита, страховых компаний и т.д. Или же эти цели могут иметь характер духовный; тогда возникают, например, различные ученые общества или общества, стремящиеся усовершенствовать жизнь людей (напр., благотворительные общества, религиозно-нравственные союзы, общества трезвости, кружки для самообразования, издательские группы, спортивные и т. д.). Каждый интерес, присущий нескольким людям, может вызвать к жизни тот или иной союз; а так как каждому человеку присущи самые различные интересы, то нередко бывает так, что один человек участвует в самых различных союзах и обществах. Понятно, что борьба за существование нередко сталкивает интересы отдельных людей и союзов и, может быть, человечество распалось бы на бесконечное множество враждующих между собою ячеек, если бы самые противоположности и столкновения интересов не вызывали к жизни обширные, устойчивые организации людей, именуемые государствами (см. § 16—18).

1.5. Необходимость правил поведения

Мы видели, что общественная жизнь людей наполнена столкновениями различных интересов, возникающими в общей борьбе за существование. "Интересом" следует называть отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему необходимо или важно. Понятно, что столкновение интересов возникает в том случае, когда два человека или несколько человек стремятся к тому, что им важно, а добиться нужного может только один. Тогда победа одного означает поражение другого или даже всех остальных, и между людьми возникает отношение "исключения": победитель "лишает" побежденных и как бы "исключает" их. Такое соревнование между людьми называется конкуренцией. Конкуренции не бывает там, где все могут беспрепятственно пользоваться нужным: воздуха на просторе, воды в реках и в море, света в поле — хватит на всех. Но борьба возникает немедленно, как только воздуха (напр., в маленьких каморках), или воды (напр., в пустыне или при порче водопровода), или света оказывается ограниченное количество. Все что обеспечивает или облегчает жизнь человека и чего в данный момент на всех не хватает — все это вызывает конкуренцию и обостряет борьбу за существование до такой степени, что люди становятся друг другу врагами. Борьба за обеспеченное и приятное существование достигает иногда большой остроты; подчас может казаться, что общественная жизнь действительно превратилась бы, по меткому слову английского философа Гоббса*(238), в "войну всех против всех", если бы не было сдерживающих и организующих общественную жизнь правил поведения.

Уже в глубокой древности люди стали понимать, что борьба, доведенная до непримиримости, до такого озлобления, при котором стороны теряют уважение друг к другу и возможность вести переговоры и устанавливать примирение, вредит обеим сторонам. Понимая это, люди пытались находить такие исходы, которые, удовлетворяя более или менее интерес обеих спорящих сторон, давали бы им возможность продолжать и впредь совместную жизнь. Каждая сторона считала притязания противника чрезмерными, и оба спорщика сговаривались обратиться к третьему, возраст, опыт и ум которого могли бы указать справедливый исход. Родоначальник или старейшина, разрешая спор, давал каждому известный императив, предписывавший ему его дальнейшее поведение в спорном вопросе. Этот императив указывал каждому, во-первых, то, что он "может", т.е. что ему позволено, на что он "имеет право", во-вторых, то, чего он "не может", т.е. что ему запрещено, на что он "не имеет права", и в-третьих, то, что он "обязан" соблюдать. Решение судьи получало известный вес и оказывало влияние на спорящих; это объяснялось, с одной стороны, их доверием к его авторитету, с другой стороны, справедливостью того, что он постановил.

Эти две черты являются чрезвычайно важными: трудно представить себе, в какую хаотическую войну всех против всех выродилось бы че-

ловеческое общежитие, если бы у людей не было доверия к авторитету и веры в справедливость. На этих двух началах покоится самая возможность норм общественного поведения вообще. Не следует думать, что таким авторитетом для человека может быть только голос другого человека или что всякое чужое требование справедливо. Но правилу поведения всегда присуще значение необходимого закона, как было показано выше, и признать это значение может только тот, кто вообще умеет уважать что-либо высшее и кто ищет верного, т.е. справедливого решения человеческих конфликтов.

Возможность найти авторитетный и справедливый императив и примирить спорящих всегда драгоценна: она не только устраивает совместную жизнь людей на этот раз, но вселяет в них уверенность, что споры и столкновения вообще могут улаживаться мирно и справедливо. Но так как справедливость остается неизменной и одинаковой для всех, то однажды найденный справедливый императив превращается (постепенно или сразу) в общее правило, не только разрешающее все подобные споры, но предотвращающее самое возникновение их: каждый заранее может знать и знает, что он "может" и чего "не может", стоит только познакомиться с этим правилом и продумать его.

Понятно, что наличность таких правил делает возможным мирное общежитие. Люди могут вести совместную мирную жизнь лишь в том случае, если каждый осуществляет свои притязания и преследует свои интересы только до известных пределов. Эти пределы, разграничивающие сферу деятельности каждого, могли бы, конечно, отыскиваться и устанавливаться каждым для себя и без всяких правил, если бы люди были добры и совершенны. Но так как этого на самом деле нет, то правила поведения являются необходимыми. Необходимость их признается всеми; правда, одни полагают, что все правила должны быть записаны, другие считают более целесообразными неписанные законы; одни настаивают на том, что все правила должны быть установлены каким-нибудь внешним авторитетом, другие предпочитают внутренний авторитет совести; есть мыслители, полагающие, что все правила должны быть основаны на свободном соглашении людей; есть, напротив, и такие, которые думают, что этих правил должно быть возможно меньше. Но значение их признается всеми.

Правила, определяющие взаимные отношения между людьми, мы будем называть социальными нормами. Социальные (т. е. общественные) нормы необходимы для поддержания мирного сожительства и сотрудничества людей. Ограничивая непомерные притязания каждого отдельного человека, они дают возможность установить общественный порядок, защитить слабого от притеснений сильного и приучить людей к обдуманному, выдержанному поведению; повинаясь этим правилам, люди постепенно привыкают не попираť чужих интересов, считаться с правами и благом ближних и согласовать свое поведение как с основными задачами человеческого общежития, так и с высшей целью чело-

веческой жизни вообще. Эти правила приучают человека обуздывать свои страсти и влечения и воспитывают в нем умение жить с людьми согласной, творческой жизнью. Именно поэтому люди давно уже признали в них могучее средство для усовершенствования личного характера и общественного строя; сознательная и устойчивая привычка подчиняться этим правилам считается не без оснований признаком духовной зрелости.

1.6. Виды социальных норм

Человек как живое, самостоятельное существо имеет двойной состав: душевный и телесный. Каждый из нас живет внутренней, душевной жизнью: мыслит, чувствует, желает, запоминает, воображает, но когда хочет осуществить что-нибудь не в себе, а вовне или сообщить другому о своем внутреннем состоянии, то пользуется своим телом как единственным орудием, допускающим проявление душевных состояний. Мы все привыкли к тому, что изнутри мы знаем только о себе, о всех же других людях знаем и судим только по их внешним проявлениям, иногда без ошибки делая по ним заключение о том, что происходит в их душах. Живая речь, слово, выражение лица и жест — вот средства общения, связывающие людей. Наука свидетельствует о том, что в действительности тело и душа человека ведут единую, связную, органическую жизнь и не разлучаются, пока человек жив. Поэтому и поведение человека имеет всегда двойной состав — душевно-телесный. При этом бывает так, что жизненный центр тяжести переносится в душу, и тогда тело является второстепенным и подчиненным элементом (напр., при молитве, размышлении), но бывает и так, что главная роль принадлежит телу, и тогда душа следит только за целесообразностью его движений (напр., при ношении тяжести, гимнастике, ходьбе и т. д.). Согласно этому и поведение человека может рассматриваться с двух точек зрения: или так, что душевное состояние является главным и важным, причем внешнее поведение оказывается только его естественным внешним выражением; или же так, что главным и важным является известное внешнее поведение, а внутреннее настроение подразумевается или оставляется без внимания. Все правила человеческого поведения разделяются в зависимости от этих точек зрения на две большие группы норм: к первой группе относятся все нормы моральные и религиозные, а ко второй группе — нормы правовые и нормы нравов. Требования справедливости возникают как сочетания тех и других норм и должны рассматриваться отдельно (см. § 9).

Для того, чтобы усвоить различие между этими видами норм, необходимо иметь в виду следующее. Каждая норма предполагает, во-первых, что некоторое разумное существо установило известное предписание (см. § 2). Норма, которая "никем" не была установлена, — невозможна и нелепа. Всякая норма есть правило, формулированное в

словах, в виде логического суждения и грамматического предложения. Поэтому норма всегда существует в виде высказанной мысли. Норма есть обязательное правило, подуманное (или придуманное) разумным существом и выраженное в словах.

Понятно, далее, что всякая норма устанавливается в известной последовательности: придумать норму может один человек, придать ей окончательную формулу — другой, а сделать ее обязательным правилом не может иногда ни первый, ни второй, а только третий. Таким образом, для всякой нормы характерна, во-вторых, та последовательность или тот порядок, в котором она устанавливается.

Этим, однако, не все сказано. Всякая норма (в-третьих) предписывает что-нибудь каким-нибудь определенным людям, будь то все члены общественного союза (напр., все подданные, все члены клуба), или некоторые, обладающие особыми свойствами (напр., совершеннолетние, душевно-здоровые), особым положением (напр., землевладельцы, спичечные фабриканты), особою властью (напр., мировые судьи, губернаторы), или же одному члену, имеющему исключительное положение в союзе (напр., римский папа, президент республики, монарх). Норма, которая предписывала бы известное поведение "никому" — нелепа и невозможна, хотя возможны нормы, которые в прямых словах не указывают, к кому они относятся; юристы решают тогда этот вопрос по смыслу.

Далее, в-четвертых, в каждой норме что-то предписывается, именно — известный порядок человеческих отношений как верный и должный (см. § 2). При этом "отношение" может пониматься или как внутреннее настроение души, или как внешнее поведение, или же как то и другое вместе.

Наконец, в-пятых, применительно к каждой норме допустим вопрос о том, имеет ли она санкцию, и притом, в чем состоит эта санкция. Санкцией называется то предстоящее последствие, которое постигает нарушителя нормы; это есть, так сказать, угрожающий перст, поддерживающий обязательное значение нормы и указывающий известное неприятное будущее для того, кто не будет повиноваться установленному предписанию.

Каждый из указанных видов норм должен быть отличен от других видов с этих пяти точек зрения. Пять вопросов решают здесь дело: кто предписывает? в каком порядке устанавливается предписание? кому предписывается? что предписывается (т. е. какой порядок?) и какова санкция нормы? В этом порядке мы и поведем рассмотрение. Необходимо только добавить, что не всегда по каждому вопросу возможно указать такое отличие, которое само по себе, взятое отдельно, было бы достаточно для того, чтобы установить характер нормы. Отличие дается только всеми пятью признаками, взятыми вместе, и это все время следует иметь в виду, чтобы не запутаться и не утратить необходимую ясность понимания.

1.7. Нормы религии и морали

Мы установили, что нормы религии и морали относятся к одной и той же группе норм. Однако в пределах одной и той же группы могут быть существенные отличия.

Религиею (от *religare* — привязывать, укреплять) называется живой духовный союз человека с Богом, этот союз состоит в том, что Бог открывает человеку свою сущность и свою волю (отсюда "откровение"), а человек, вступая в этот союз и пребывая в общении с Божеством, делает волю Божию — своею нормою и отдает свои силы на ее осуществление. Понятно, что религиозный человек, воспринимая волю Божию в виде правил поведения, видит в Божестве — установителя этих заповедей. Порядок этого установления состоит в том, что человек, признав (по тем или другим признакам) некоторые из своих душевных переживаний посланными от Бога, а то, что через них познается, — состоявшимся откровением Божественным (уверовав), пытается придать воспринятому форму мысли (учение) и выразить в словах (писание и предание); в христианских исповеданиях верность этого мысленного формулирования и словесного выражения проверялась и утверждалась обычно на собраниях верующих (вселенские соборы). Естественно, что нормы религиозного характера предписывают что-нибудь только тем, кто принадлежит к этому исповеданию и, участвуя в церкви (т. е. организованном союзе людей, признавших данное откровение), приемлет ее учение. При этом, по учению большинства религиозных союзов, к исповеданию и церкви могут принадлежать и такие люди, которые сами, непосредственно не имели откровения, но веруют, приняв его от других людей, почитаемых за пророческий дар и святость. Таким образом, нормы религии основываются иногда на признании авторитетности других людей. То, что предписывают эти нормы, является во всех зрелых и развитых религиях известным внутренним душевным поведением или деланием (молитва к Богу и подчинение своих желаний Его заповедям), причем нередко устанавливается, в каких именно внешних поступках, движениях и словах (обряд) должно выражаться благочестивое настроение души. Иногда люди упускают из вида, что обряд предписывается религией только в качестве естественного выражения действительного внутреннего отношения души к Божеству, и тогда религиозность вырождается в ханжество и лицемерие. Наконец, религиозная норма имеет свою санкцию. Нарушитель ее чувствует себя стоящим перед лицом Божия гнева и, может быть, наказания; к этому может присоединиться налагаемое церковной властью покаяние, или эпитимия, или даже исключение из союза верующих.

Нормы морали отличаются от норм религии в некоторых существенных отношениях. В установлении нравственных правил человек является предоставленным себе и своей совести. Эти правила основываются на самостоятельном и свободном убеждении, которые каждый из нас должен выносить, обдумать и формулировать. Понятно, что такого

убеждения никто ни у кого заимствовать не может; даже внешним авторитетом норма морали не может быть установлена, потому что единственным авторитетом здесь является голос совести, живущий в глубине каждой души. Это значит, что человек, слагая свои нравственные убеждения и устанавливая нормы морали, не может руководиться личной прихотью и произволом, но должен поставить пред своею совестью вопрос о том, что есть самое лучшее, совершенное и праведное в личном поведении и в отношении человека к человеку. Указания совести надлежит затем высказать в форме грамматического предложения и логического суждения, которое и выразит основную моральную норму поведения; распространение этого правила на отдельные стороны внутренней и внешней жизни даст возможность составить подчиненные нормы морали. Так, напр., каждому из нас без особого труда удастся признать и формулировать норму: "относись ко всякому человеку с тою любовью, которою ты обычно любишь самого себя"; такое перенесение жизненного центра тяжести со своего благополучия на других людей породит, с одной стороны, требования бескорыстия, самоотвержения и скромности в отношении к себе, с другой стороны — правила, предписывающие доброжелательство, уважение, щедрость, доверие и т.д. по отношению к другим.

Итак, нормы морали каждый человек должен установить для себя сам. Другие, в частности родители и воспитатели, могут ему, правда, помочь в раскрытии и осмыслении голоса совести, но до признания и убеждения каждый из нас должен дорасти сам. Это не значит, что у каждого человека могут быть свои особые воззрения на добро и зло, причем каждый про себя будет прав. Нет, различные понимания морали бывают у людей потому, что они или не знают верного пути к совести, или же не хотят им идти; нередко они ошибаются, принимая "житейскую пользу" за нравственное добро, или не решаясь поставить перед совестью правильный вопрос о самом лучшем; или же они, совсем не обращаясь к ее авторитетному голосу, придумывают что-нибудь от себя. При правильном же исследовании голос совести покажет всем людям одно и то же, и это выражали иногда так: совесть есть голос Божий, звучащий одинаково в каждой душе, но требующий от нее особого внимания и самодеятельной работы над ее убеждениями. Таков порядок установления моральных норм.

Понятно, что норма морали связывает только того человека, который ее признал; она предполагает добровольное согласие и признание, и если кто-нибудь соблюдает ее по чужому приказанию, из покорности или страха, то она теряет свой моральный характер. Это не значит, конечно, что всякий, кто не захочет признать ее, может делать, что ему заблагорассудится: произвол его окажется ограниченным нормами другого характера — теми нормами права, которые связывают каждого гражданина, а также теми, которые установлены распоряжениями его ближайшего начальства (напр., воспитателей). Но это значит, что

нравственная жизнь возможна только для того, кто имеет действительное, искреннее желание стать лучше; каждого человека можно и должно свободно убедить в том, что существует внутренний закон добра и что это есть закон любви; и наконец, что если он его не соблюдает, то он всегда будет неправ. Но принудительно — нормою морали нельзя связать никого.

Далее, эта норма предписывает всегда известное внутреннее отношение ко всему живому, и в особенности к человеку, и в виде естественного последствия или выражения этого настроения души — внешнее поведение, согласное с ним. Нравственные правила всегда начинают с душевной глубины и требуют прежде всего внутренней доброты. Это не значит, что они удовлетворяются ею и большего не требуют; недаром говорится, что "ад вымощен добрыми желаниями". Но это означает, что нравственные правила никогда не предписывают внешних поступков или внешнего поведения независимо от того душевного настроения, которым они сопровождаются. Нравственный поступок всегда подготавливается в глубине души, как бы вырастает из нее, и внешнее проявление человека всегда является в таких случаях лишь зрелым плодом внутренней доброты.

Наконец, норма морали имеет свою санкцию в виде живого укора совести. Тонко развитая и глубоко чувствующая душа испытывает этот укор часто и явственно. Он выражается в известном каждому из нас внутреннем недовольстве своим поступком или даже всею своею жизнью: человек сознает свою неправоту и чувствует, что он и должен и может жить и действовать иначе; это и вызывает в нем чувство вины. Задача человека в том, чтобы не заглушать в себе укор совести и чувство нравственной вины, но приучить себя относиться со вниманием к этому укору и тем воспитать в себе чувство нравственной ответственности.

После всего сказанного понятно, каково взаимное отношение норм религии и норм морали. Они отличаются, во-первых, по тому авторитету, который устанавливает правило (в религии — воля Божия, в морали — голос совести); во-вторых, по тому порядку, в котором правило формулируется (в религии — соборное изложение откровения, данного избранным людям, в морали — самостоятельное восприятие и формулирование голоса совести, данного каждому); в-третьих, по санкции (в религии — гнев и суд Божий над грешником, в морали — укор совести и чувство вины). В то же время нормы религии и нормы морали имеют сходство: во-первых, в том, что они требуют всеобщего признания, но связывают только тех, кто их добровольно признал (в религии — уверовал, в морали — убедился); во-вторых, в том, что они предписывают известное поведение, вырастающее из глубины души.

При этом верующие обычно подразумевают, что норма религиозная, являясь выражением воли Божией, не отменяет и не изменяет голос совести, но придает ему особую силу и дополняет его требования — новыми. Вот почему религия иногда поглощает мораль.

1.8. Нормы морали и права

Различие между нормами морали и нормами права является еще более значительным.

Прежде всего, нормы права устанавливаются не внутренним авторитетом, а внешним: они основываются не на божественной воле и не на голосе совести, но на предписании, которое создается известными людьми и связывает как их самих, так и других членов союза. Правовые нормы вообще устанавливаются и формулируются другими людьми, т.е. не каждым человеком для самого себя; они как бы приходят к нам извне, предписывая, запрещая и позволяя нам различные поступки, независимо от того, согласны мы на это или не согласны. Право основывается на том, что в союзе людей есть общая для всех власть, т.е. что некоторые из членов союза уполномочены придумывать, выражать в словах и объявлять обязательные для всех правила поведения, а также следить за тем, чтобы все им повиновались. Эти правила получают свою силу от их авторитета, а их авторитет покоится на том полномочии, которое им предоставлено. Понятно, что эти "другие" люди, которые создают для себя и для нас правовые нормы, являются всегда строго определенными и уполномоченными людьми. Они могут получить это полномочие различными путями: во-первых, так, что все члены союза сговариваются и прямо поручают им это дело (напр., вече избирало князя в Древней Руси; или, в наше время, корпорация избирает свое "правление", клуб выбирает "старшин" и т.д.); во-вторых, в силу того, что есть постоянное правило, указывающее, кому эта власть принадлежит пожизненно и к кому переходит по наследству (напр., власть монарха) и наряду с этим, кто, кем и на какую должность может быть выбран народом (напр., члены Государственной Думы) или назначен государем (напр., министры, губернаторы); наконец, в отдельных случаях, когда союз организуется заново, или в корне переустраивается, или объединяется ненадолго, такое полномочие может принадлежать тому, кто первый проявит инициативу и за кем другие члены союза признают эту власть молчаливым повиновением (так бывает, например, когда за отсутствием обычных властей во время войны, или эпидемии, или смуты организуется временный общественный комитет для поддержания порядка). Во всех этих случаях налицо остается допущение, что некоторые, строго определенные люди имеют полномочие издавать обязательные нормы и императивы и что это "правильно".

Отсюда уже ясно, что правовая норма устанавливается всегда в определенном порядке. Если далеко не всякий уполномочен издавать правовые нормы, то, с другой стороны, и те, кто на это уполномочен, должны соблюдать в своем деле известный, обыкновенно строго предначертанный порядок. К установлению и соблюдению этого порядка приводит сознание того, как важно и как трудно получить вполне справедливую и целесообразную правовую норму. Нет никакого сомнения в том, что верную норму морали также очень трудно устано-

вить и что соблюдение строгой внутренней последовательности в раскрытии голоса совести необходимо и там; но, к сожалению, люди до сих пор мало прониклись этой идеей. В области же права люди это признали; именно поэтому они разделили весь путь, который проходят правовые нормы, на несколько этапов. Согласно этому разделению одни имеют полномочие указывать на необходимость новой нормы; другие — проверять эту необходимость и формулировать предполагаемую норму; третьи обсуждают справедливость и целесообразность предложенного правила и решают — быть ему или не быть; верховная власть утверждает это решение; затем отдельно проверяется, соблюден ли предначертанный порядок издания нормы, и, наконец, самая норма объявляется во всеобщее сведение. Таков обычный порядок, о котором еще придется говорить в дальнейшем (см. § 20).

Теперь понятно также, на кого распространяется правовая норма, установленная властью. Правовые предписания исходят от одних людей, а обращаются к другим людям, принадлежащим к этому союзу и подчиненным этой власти. Это означает прежде всего, что правовая норма предписывает людям известное поведение, независимо от того, согласны ли они, что эта норма хороша, или несогласны, хотят они ей подчиняться или не хотят. Если правовая норма что-нибудь повелевает или что-нибудь воспрещает, то это повеление и это воспрещение сохраняют все свое значение и в том случае, если есть несогласные: они все равно обязаны ей подчиняться. Она не теряет своего значения и своей силы потому, что не зависит от добровольного признания и внутреннего убеждения подчиненных ей. В этом ее глубокое отличие от норм морали, которые основываются именно на внутреннем убеждении и добровольном признании человека. Само собой разумеется, что тот, кто установил правовое предписание, был убежден в его необходимости и целесообразности; но в согласии всех подчиненных он не нуждался. Итак, правовая норма связывает всех тех, и даже несогласных членов союза, которые в ней указаны. При этом, по общему правилу, в каждом союзе власть может издавать предписания только для своих членов; однако эти предписания могут относиться и к тем пришлым людям, которые временно пребывают в пределах союза как бы на положении гостей (напр., "торговые гости", "иноземные гости"; ср. русские былины).

К этому необходимо добавить, что каждая правовая норма, что бы она ни предписывала и ни воспрещала, налагает особую связь и на тех людей, которые установили ее своею властью. Именно, раз установив ее, они обязаны поддерживать ее всеми силами и признавать ее за правовую норму; они не могут установить новое правило которое бы ей противоречило, до тех пор, пока не отменят открыто первую норму; наконец, они не могут никому позволить не повиноваться норме, а с другой стороны, не могут никого заставить повиноваться тому, что не установлено в правовых нормах или не высказано в виде правового им-

ператива. В этом отличие права от произвола и правовой нормы от произвольных требований.

Но если правовая норма требует известного поведения независимо от согласия того, кому она его предписывает, то отсюда ясно, что она может требовать от людей только такого поведения, которое можно соблюдать без внутреннего согласия. Это значит, что право может предписывать только внешнее поведение и не может требовать от людей, чтобы они осуществляли по приказанию какие-нибудь внутренние душевные состояния: о чем-нибудь думали, что-нибудь любили, чего-нибудь не желали и т. д. Такие предписания со стороны права несостоятельны, во-первых, потому, что внутренние, душевные качества нравственно ценны только тогда, если они выработаны и созданы доброю волей и личными усилиями человека, и теряют свою ценность, если человек старается приобрести их по чужому приказу; они несостоятельны, во-вторых, потому, что никто не может заставить человека признать что-нибудь, или захотеть, или подумать, а также не может проверить, действительно ли он это признал, захотел и подумал или только "сделал вид", чтобы избежать преследований. В прежние времена полагали, что это возможно и потому подвергали людей напрасной и несправедливой пытке; но в наши дни эта граница права признана окончательно.

Это не значит, однако, что правовые предписания совсем не обращают внимания на душевные состояния людей. Нет; но право считается лишь с теми душевными состояниями (помыслами, желаниями, чувствованиями), которые проявлены людьми в их внешнем поведении — посредством слов, жестов или в письменной форме. Так, напр., покупка может состояться лишь в том случае, если покупающий выразит как-нибудь свое согласие; или, напр., суд будет исследовать и проверять наличность злой, испорченной воли у человека только тогда, если он совершит какие-нибудь внешние, запрещенные правом поступки, и т.д. Но пока человек ничем внешним не обнаружил намерения или попытки нарушить правовую норму и не совершил никакого внешнего поступка, которому правовые нормы придают известные последствия (напр., не подал голоса на выборах, не заключил договора, не предложил к продаже свою вещь), — власть, следящая за соблюдением права, не имеет никаких оснований вторгаться в его внутреннюю жизнь. Нравственные решения и дурные желания сами по себе имеют значение в религии и морали, но не в праве; для права важно только то, что обнаружено или чего не обнаружено во внешнем поведении.

Наконец, правовые нормы обычно (хотя далеко не всегда) имеют санкцию. Эта санкция состоит в том, что нарушающий правовую норму, делающий запретное или не исполняющий своей обязанности может ожидать неприятных последствий, которые постигнут его в его внешней жизни. Санкция правовой нормы всегда осуществляется так, что приходят другие, уполномоченные люди и заставляют неповиную-

щегося делать то, чего ему не хочется; или понуждают его исполнить свою обязанность, указывая ему на правовую норму, которую он нарушил, и на взыскания, которые могут быть на него возложены (напр., понуждают его внести недоимку, явиться к отбыванию воинской повинности); или исполняют эту обязанность за его счет (напр., продают часть его имущества и вносят за него недоимку или уплачивают из вырученных денег его долги); или же налагают на него взыскание, будь то по суду или в порядке управления.

Теперь должно быть понятно отличие правовых норм от норм морали. Они отличаются, во-первых, по тому авторитету, который устанавливает правило (в морали -внутренний авторитет: голос совести; в праве — внешний авторитет: другие люди, строго определенные и особо уполномоченные); во-вторых, по тому порядку, в котором правило устанавливается (в морали — самостоятельное восприятие и формулирование голоса совести, данного каждому особо; в праве — последовательное прохождение правила через все строго установленные этапы рассмотрения, в котором участвуют многие люди); в-третьих, по тому, кто получает предписание (в морали — добровольно признавший требование совести; в праве — всякий член союза, указанный в норме, независимо от его согласия и признания); в-четвертых, по тому поведению, которое предписывается в норме (в морали — внутреннее поведение, выражающееся и во внешних поступках; в праве — внешнее поведение, которое может, однако, привести и к рассмотрению душевного состояния; и, наконец, в-пятых, по санкции (в морали — укор совести и чувство вины; в праве — угроза неприятными последствиями и внешние принудительные меры).

1.9. Естественное право. Требования справедливости

Несмотря на то, что между нормами права и нормами морали имеются столь существенные отличия, между ними не порывается и не должна порываться живая связь.

Отношение между правом и моралью может слагаться правильно и неправильно. Правильное отношение между ними существует тогда, когда право, не выходя из своих пределов, согласуется по существу с требованиями морали и является для нее подготовительной ступенью и поддержкою; а мораль, с своей стороны, служа для права высшим мерилom и руководителем, придает правовым велениям то глубокое значение и ту обязательную силу, которая присуща нормам морали. Это бывает, следовательно, тогда, когда право, с одной стороны, предписывает людям такое внешнее поведение, которое может быть одобрено и совестью (напр., служение общему благу, ненарушение чужой свободы, неподкупность, защиту родины, исполнение обязательств, принятых на себя добровольно, и т. д.); когда оно, с другой стороны, воспрещает людям те внешние уступки, которых и совесть не одобряет

(напр., нарушение данного слова, обман, причинение вреда, насилие, притеснение, убийство и т.д.); и когда, наконец, право, не разрешая людям никаких нравственно предосудительных деяний, устанавливает в людских отношениях справедливый порядок.

Справедливость требует, чтобы люди вообще обсуждали и рассматривали свои отношения и судили других людей, имея в виду "действительное положение вещей", т. е. не только внешнюю поверхностную видимость отношений и поступков, но их подлинную сущность и нравственное значение. Дело в том, что на свете ни одно событие не повторяется целиком, как оно есть, хотя внимательное научное наблюдение выделяет без труда черты сходства в явлениях мира. Однако каждый раз, как мы присмотримся к событию повнимательней, так окажется, что оно представляет из себя нечто совершенно новое. Во-первых, все подлежит непрерывному развитию и изменению: и вода, и земля, и растения, и животные; и сами люди постоянно изменяются, развиваясь и внутренне, и внешне; достаточно подумать, например, что тело каждого из нас совершенно, хотя и незаметно, обновляется на протяжении десяти лет. Во-вторых, все вещи и все люди в сущности неодинаковы, хотя отчасти могут походить друг на друга и взаимно напоминать друг друга; но происхождение от разных предков и родителей, различное воспитание, строение тела, характер души, личные способности и склонности — все это делает каждого из нас единственным в своем роде и неповторяемым. Это еще не придает никому из нас особой ценности, но ведет к тому, что на свете действительно ничего не повторяется. Между тем, если человек будет останавливаться вниманием и мыслью только на единичных, индивидуальных явлениях жизни, то он неизбежно растеряется как в теоретическом познании, так и в практическом руководстве: он не найдет ни одного "закона природы" и не создаст ни одной "нормы поведения" (см. § 1). Потому что и в том, и в другом человек останавливается именно на похожем и одинаковом, отвлекая его мысленно от несходного и условно закрывая себе глаза на неодинаковое. Норма, если она не превращается в императив, всегда имеет в виду лишь одинаковое, "типическое" во многих возможных различных случаях; поэтому она по необходимости не учитывает каждый отдельный случай в его неповторяемой особливости, в его прихотливом своеобразии: и этим она как бы "уравнивает" все случаи, т.е. рассматривает их так, как если бы они были одинаковы, тогда как на самом деле они остаются неодинаковыми. И вот здесь возникает опасность, что правовые нормы окажутся чрезмерно отвлеченными, рассматривающими всю жизнь как бы с высоты птичьего полета и все уравнивающими. Чрезмерная удаленность и общность права неминуемо поведет к его несправедливости, мы все чувствуем и сознаем, что люди не равны между собою: справедливая норма не может возлагать одинаковые обязанности на ребенка и на взрослого, на бедного и на богатого, на женщину и на мужчину, на больного и на здорового; ее

требования должны быть соразмерны личным силам, способностям и имущественному положению людей: кому больше дано, с того больше и взыщется. Поэтому справедливость требует, чтобы правовые нормы сохраняли в своих требованиях соразмерность действительным свойствам и деяниям людей.

Однако, с другой стороны, невозможно создавать для каждого отношения людей особую правовую норму, приспособленную именно к этому отношению во всех его особенностях и деталях и в силу этого не подходящую более ни к одному отношению. Понятно, что в таком случае нормы превратились бы в единичные императивы и количество правовых императивов должно бы было неминуемо разрастись до бесконечности.

Такой порядок был бы опять-таки сразу и вреден и несправедлив.

Если бы право, стремясь к соответствию с действительными свойствами и деяниями людей, стало вмешиваться во все второстепенные детали человеческих отношений, предусматривая каждый шаг и стесняя каждое проявление, то произошло бы следующее. Во-первых, оно потерпело бы неудачу в осуществлении этого, ибо невозможно предусмотреть заранее каждый индивидуальный случай, могущий возникнуть в будущем: будущее всегда чревато непредвидимыми событиями, всегда новыми и почти всегда неожиданными, и весь труд оказался бы здесь тщетным; невозможно также увеличивать число правовых правил до бесконечности, ибо это породило бы только замешательство и вместо устроения жизни возникло бы горшее расстройство. Во-вторых, вмешательство права во все жизненные детали для того, чтобы заранее с точностью отмерить для каждого случая соответствующую дозу правовых последствий, привело бы к тому, что люди из-за этой мелочной предусмотрительности утратили бы всякую инициативу и всякий почин, всякую возможность свободной самодеятельности (см. § 5); а между тем право есть опора для свободной и согласной деятельности людей, но не педантическая опека над их деятельностью; оно должно укрепить в людях правосознание, но не отучить их от самодеятельности. В-третьих, такое вмешательство права, с его внешними предписаниями, во все жизненные детали стеснило бы и ограничило бы ту область, в которой господствует и свободно развивается моральное чувство, или голос совести; право не должно переходить свою границу и вторгаться в сферу свободных и добровольных душевных движений и их естественных внешних проявлений, иначе утратится дружная и согласованная работа морали и права над усовершенствованием человеческой жизни. Вот почему такой порядок был бы вреден.

Но он был бы, сверх того, и несправедлив. Дело в том, что люди, несмотря на все свое несходство и неодинаковость, сохраняют равенство в известном отношении, так что если бы право упустило из вида это равенство, то оно впало бы в явную несправедливость. Все люди как разумные, живые существа, носящие в себе влечение к счастью и к

полноте духовного бытия, скрывающие в себе голос совести и способность к нравственному совершенствованию, — имеют одинаковое, по справедливости равное притязание на жизнь, на удовлетворение, на развитие своих благих способностей и на свободу добрых проявлений. Это равенство не состоит, разумеется, в том, что все имеют безграничную свободу, или что никто никому не обязан подчиняться, или что всякий волен делать, что ему угодно. Нет; свобода каждого человека простирается лишь до тех пределов, у которых начинается свобода других людей. Совместная жизнь людей ставит их в такое положение, что каждый оказывается помещенным как бы в клеточку, окруженную такими же клеточками других людей. И вот справедливость требует, чтобы эти клеточки не вытесняли взаимно друг друга, но предоставляли друг другу свободу существования. Согласно этому справедливость требует, чтобы право поддерживало равенство и равновесие между людьми, поскольку это необходимо для того, чтобы каждый мог вести достойное существование. Здесь право должно избегнуть другой опасности: оно не должно упускать из вида, что каждый человек, кто бы он ни был, как бы ни был он ограничен в своих силах и способностях, имеет безусловное духовное достоинство и что в этом своем человеческом достоинстве каждый человек равен другому. Если люди различны по своим реальным свойствам, то они равны по своему человеческому достоинству. Поэтому справедливое право не поддерживает естественного неравенства людей, если от этого может пострадать их духовное равенство. Справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего.

Правовые нормы, стоящие в согласии с моралью и справедливостью, называются естественным правом (т. е. правом, соответствующим самому "естеству" человека как духовно-нравственного существа). Когда человек имеет дело с такими нормами, то он получает возможность повиноваться им не только за страх, но и за совесть. Тогда оказывается, что каждый человек имеет не только правовую, но и моральную обязанность повиноваться праву, потому что тогда право предписывает во внешнем поведении то самое, что голос совести одобряет как нравственное и справедливое. При таком положении дел право требует от человека как бы известного минимума морального и справедливого поведения, именно — моральной корректности во внешних поступках, и этим оно содействует нравственному воспитанию человека, начиная это воспитание с "внешнего". Тогда и мораль находит в праве могучую и достойную опору и между обеими сторонами устанавливается живое и творческое взаимодействие. В естественном праве обе стороны соединяются и согласуются: право остается правом, но получает значение моральной верности и становится естественным правом; мораль не вытесняется и не нарушается правом, но руководит его предписаниями и придает ему характер "естественности".

Такого верного соотношения в действительности достигнуть трудно, хотя и не невозможно. Все человечество имеет перед собою задачу — работать над моральным усовершенствованием права. Создать естественное право есть идеал, который постепенно осуществляется в истории, но который еще далеко не осуществлен; отмена правовых норм, допускаявших рабство, пытки, телесное наказание, крепостное состояние, бесправное положение женщины и т.д., свидетельствует о том, что дальнейшая работа здесь и необходима, и возможна.

Таково правильное отношение между нормами морали и права.

1.10. Цель и значение права. Нравы

После всего сказанного нетрудно понять, какова цель права и в чем его значение.

Цель права, как и других норм общественного поведения, состоит прежде всего в том, чтобы сделать возможным мирное сожительство людей. Право достигает этого тем, что указывает людям обязательные для них пределы в их внешней деятельности. В деле обуздания людских страстей и ограничения непомерных претензий право довольствуется тем, что устанавливает порядок во внешних поступках, предоставляя каждому узнать, посредством чтения и изучения правовых норм, сущность и черты этого обязательного порядка. Совершать те внешние поступки, которые правом предписаны, и не совершать тех внешних поступков, которые правом воспрещены, людей побуждает: во-первых, простое сознание того, что так велит правовая норма, во-вторых — сознание того, что уклонение от этого порядка должно повлечь за собою неприятные принудительные последствия. Для тех, кто признает, что повинование праву необходимо ради поддержания мирного сожительства, достаточно простого сознания: "так велит правовая норма"; они повинуются праву и в том случае, если оно почему-нибудь решает спор не в их пользу; мало того: такие люди, обнаруживающие истинную зрелость правосознания, повинуются даже тем правовым нормам, которые кажутся им несправедливыми. Это следует понимать так: если право решает их спор не в их пользу, и притом несправедливо, то они спокойно и мужественно переносят это несправедливое решение, подчиняясь ему; если же несправедливое решение обращается во вред другому, то они по доброй воле вознаграждают несправедливо потерпевшего соседа. Но как в том, так и в другом случае они стремятся сделать все, что в их силах, для того, чтобы заменить устаревшую, или неудачную, или несправедливую норму — новой, справедливой и верной.

Такой образ действий как нельзя более соответствует высшей и основной цели права: устроить совместную жизнь людей так, чтобы на столкновения, взаимную борьбу, ожесточенные споры и т.д. тратилось как можно меньше духовных сил. Мирные отношения между людьми состоят не в том, что каждый непрерывно судится со всеми, жалуясь и

отстаивая свою выгоду всеми дозволенными средствами, или даже старается запутать судей и провести свое дело во что бы то ни стало. Такой человек часто оказывается готовым обойти закон, если ему не удастся отстоять свои интересы по закону. Для него право является не другом морали, а только врагом его личной жадности; он испытывает правовые предписания, как цепи на своих руках, и всюду, куда право почему-нибудь не вполне проникает (напр., во внутренние отношения семьи или в отношении к мирным иностранцам на войне и во время войны), он готов проявить свою злую и хищную волю.

Относиться так к праву значит употреблять его во зло, тогда как на самом деле право призвано служить не злу, а добру. Первоначально правовые нормы были введены для того, чтобы обуздать внешние проявления злой воли, но было бы жестокой ошибкой думать, что этим исчерпывается назначение права. Самое обуздание внешних проявлений злой воли необходимо именно для того, чтобы содействовать развитию в душах людей доброй воли, и право только тогда будет понято в своем истинном значении, когда люди будут иметь в виду не букву права, а его основную цель и дух.

Значение права состоит в том, что оно есть могучее средство воспитания людей к общественной жизни. Правовые нормы и повиновение им должны научить человека считаться с существованием других людей и с их интересами. Каждый человек должен приучить себя к тому, чтобы доброю волею ограничивать свои притязания, принимая во внимание, что другие также имеют право жить и осуществлять свои интересы. Ограничивая свободу каждого известными пределами, право обеспечивает ему за то беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т. е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе.

Воспитать людей в этом направлении значит, далее, приучить их к мысли о том, что каждый человек — кто бы он ни был и какими бы свойствами он ни отличался, имеет одинаковое право жить, работать, бороться за свои справедливые интересы и развивать свои духовные силы. Укрепление этого чувства в людях достигается особенно распространением естественного (т. е. нравственно верного) права: повинувшись ему, человек приучается видеть в каждом — равного себе ближнего своего и уважать каждого, кто бы он ни был. Воспитывая так человека, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на равенстве.

Именно в этом значении свое право оказывается преддверием морали. Человек, приучившийся сдерживать и обуздывать свои внешние проявления согласно правовым нормам, приобрел уже умение господствовать над собою при помощи воли. Внешнее самообладание, к ко-

тому приучает право, есть уже начавшееся господство разумной воли, воли над жизнью необузданных страстей и диких порывов. Конечно, мало развить в себе сознание своих прав и обязанностей (правосознание) и приучить себя к верному с точки зрения права (т. наз. легальному или лояльному) поведению. Только внутренняя нравственная работа над собою может облагородить душу в ее корне и пробудить в человеке любовное отношение к ближним. Но работая над человеческим поведением рука об руку с моралью и подготавливая ее конечное торжество, право, несомненно, содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на братстве.

В этом деле общественного воспитания праву приходят на помощь нормы нравов. Правовые предписания не могут проникнуть во все стороны человеческой жизни и установить повсюду обязательные пределы: это значило бы убить всякую свободную жизнь, всякое нестесненное проявление и творческую инициативу людей; с другой стороны, праву и не удалось бы учесть всякое движение человека, а погоня за мелочами заставила бы его упустить из вида главное (см. § 9). Поэтому оказывается очень важным, чтобы в жизни людей постепенно слагались добрые обычаи и морально верные нравы. Эти обычаи необязательны в правовом отношении и никем формально не устанавливаются; и тем не менее люди осуществляют их, и если кто-нибудь формулирует их в виде правил поведения, то признают их, — отчасти по привычке к ним, отчасти из смутного сознания, что "так лучше", отчасти же из уважения к авторитету "общественного мнения". Таковы, напр., все правила вежливого и любезного обхождения, многие обычаи религиозные, торговые, обычаи, связанные с отдыхом и увеселениями, и т. д. Редко кто может указать корень и происхождение такого обычая; часто остается только сознание, что "так делали отцы и деды" или что "так исстари повелось". Конечно, не все, что "повелось", заслуживает одобрения и поддержки: обычаи могут быть грубы и жестоки (напр., бой быков, русские кулачные бои), или вредны духовно и телесно (напр., пьянство, объедение по праздникам), или основаны на предвзвесах и суеверии (напр., гадания, чурания и т. п.). Однако с развитием и углублением образования вредное и нелепое постепенно отпадает и сознание: "так надо, хотя и никто не приказал", связывается только с теми обычаями, которые облегчают задачу морали и права. Нравы народа соответствуют тому, что мы называем "характером" у отдельного человека: это свойственные ему, устойчивые способы внутренней жизни, которые и выражаются в виде внешних обычаев. И вот, по мере духовного развития народа, нравы все более совершенствуются и находят себе выражение в хороших и благородных обычаях (напр., обычай благотворения, обычай выражать другому свое уважение), а добрые обычаи содействуют, в свою очередь, воспитанию в людях благородных и мягких нравов.

1.11. Содержание права. Объективное право и субъективное право

Мы видели, что всякая правовая норма устанавливает известный порядок как должный, обращаясь к людям с различными предписаниями; в этом ее основная сущность, так как она всегда указывает, что известный строй внешних отношений должен соблюдаться всеми членами союза. То, что право предписывает людям, называется его содержанием. Понятно, что правовые нормы, указывая каждому обязательные пределы в его внешней деятельности, могут позволить известные внешние поступки, но могут их и воспретить, и в то же время, воспрещающая одно, они могут повелеть делать другое. Право всегда указывает человеку то, что "можно", то, чего ему "нельзя", и то, что он "обязан" делать. При этом, говоря о "возможности" ("можно") и "невозможности" ("нельзя"), следует иметь в виду не телесную или душевную способность человека: право не в состоянии увеличивать или уменьшать дары природы, данные человеку (напр., мускульную силу, здоровье, талант), или приобретенные им умения. Правовое "можно" следует понимать в смысле "позволено, предоставлено", а правовое "нельзя" — в смысле "воспрещено". Итак, содержание права состоит в тех позволениях, воспрещениях и повелениях, которые им устанавливаются и которые вместе слагают "порядок", устанавливаемый правом в качестве должного.

Правовое позволение состоит в том, что человеку указывается, какие внешние поступки предоставлены на его усмотрение, причем правовые нормы обеспечивают ему защиту этих поступков. То, что ему позволено или предоставлено на его усмотрение (напр., распоряжаться вещами, которые ему принадлежат; написать завещание или не писать завещания; исповедовать то или другое религиозное учение, подавать свой голос на выборах или воздержаться, и если подавать, то за кого именно; подписывать петицию в парламент или не подписывать) — образует для него сферу свободы, признанной и защищенной правом. Это означает, во-первых, что все, что человек совершит в пределах своей правовой свободы, — все это другие люди должны допускать, не смея ему в этом препятствовать; в случае же если кто-нибудь вздумает мешать ему, он может обратиться к людям, следящим за исполнением правовых норм (правящие органы государства), и они обязаны прийти ему на помощь: удостоверить его сферу свободы, установить, что она была нарушена, исследовать, кем именно, и осуществить по отношению к нарушителю правовую санкцию (взыскать с него убытки потерпевшему или подвергнуть его сверх того наказанию). Это означает, во-вторых, что человек, имеющий правовую сферу свободы, может в пределах ее совершать такие поступки, которые будут иметь для других людей, а также и для него самого обязательные последствия (напр., если он продаст другому свою вещь; или отдаст ее внаем; или подаст го-

лос на выборах). Эти обязательные последствия состоят в том, что, с одной стороны, уменьшается или увеличивается его собственная сфера свободы, с другой стороны, увеличивается или уменьшается сфера свободы другого человека или других людей (напр., продавший уменьшает, а купивший увеличивает свою сферу свободы; подавший голос на выборах уменьшает, избранный увеличивает свою сферу свободы). Таким образом, всякое правовое позволение предоставляет человеку определенную и ограниченную, но защищенную свободу действия или правовое полномочие; тот, кому оно предоставлено, называется субъектом полномочия. Действие человека в пределах его полномочия называется осуществлением полномочия.

Далее, правовое воспрещение состоит в том, что человеку указывается, каких внешних поступков он не смеет совершать. Понятно, что правовые воспрещения устанавливаются для тех поступков, которые, вообще говоря, по силам человеку и которые он фактически может совершить. То, что человек может, но не смеет делать (напр., похитить чужое имущество; оскорбить кого-нибудь действием; распространить о другом клевету и т. п.), образует для него сферу запретного, сферу покорности, установленной и поддерживаемой правом. Это означает, что все, что человек совершит в пределах запретного, может навлечь на него тягостные последствия в принудительном порядке: или так, что пострадавший от его неправомерного поступка потребует от него через посредство суда возмещения убытков и вознаграждения (гражданский порядок при гражданском правонарушении); или так, что правящие органы (т.е. люди, следящие за исполнением правовых норм) привлекут его к ответственности за нарушение правовых норм, и суд, рассмотрев дело, наложит на него наказание (уголовный порядок при уголовном правонарушении). Таким образом, всякое правовое воспрещение устанавливает для человека определенную и поддерживаемую угрозой сферу покорности или правовую запретность; тот, кто может подлежать взысканию за неправомерный поступок, называется ответственным субъектом. Действие человека в пределах запретного называется правонарушением.

Наконец, правовое повеление состоит в том, что человеку указывается, какие внешние поступки он обязан совершать, причем правовые нормы обычно предупреждают его о тех последствиях, которые грозят ему в том случае, если он не совершит предписанного. То, что ему повелено и что он обязан исполнить (напр., уплатить долг кредитору; или внести государству налог; или явиться к отбыванию воинской повинности), образует для него сферу повиновения, требуемого и поддерживаемого правом. Если правительственные органы не имеют физической возможности уследить за тем, чтобы никто не нарушал запрета, то тем более они не имеют возможности заставить людей совершать известные положительные поступки. В обоих случаях они ставят (как непокорного, так и неповинующегося) перед угрозой неприятными по-

следствиями: жалоба пострадавшего или привлечение к ответственности со стороны правящего органа (для разных случаев неповиновения установлены разные пути) вызывают к жизни правовую санкцию. Таким образом, всякое правовое повеление устанавливает для человека определенную и поддерживаемую правом сферу повиновения, или правовую обязанность; тот, на кого она возложена, называется обязанным субъектом, или, что то же, субъектом обязанности. Действие человека в этих пределах называется исполнением обязанности.

Теперь ясно, что право осуществляет свою цель и свое назначение именно посредством установления позволений, воспрещений и повелений, причем каждому позволению, установленному в правовой норме, соответствует полномочие, принадлежащее целому ряду членов союза; каждому воспрещению — запретность, тяготеющая над членами союза; каждому повелению — обязанность многих или некоторых граждан. Это можно выразить так, что правовые нормы устанавливают правовые полномочия, запретности и обязанности. Юридические науки называют правовые нормы (и правовые императивы) объективным правом, или правом в объективном смысле, а правовые полномочия, запретности и обязанности, принадлежащие членам союза, — субъективным правом, или правом в субъективном смысле.

Отношение между объективным правом и субъективным правом может быть, следовательно, выражено так: объективное право есть источник субъективного права. Это означает, что правовые полномочия, запретности и обязанности могут быть установлены только правовыми нормами и правовыми императивами; нет правовой нормы (или правового императива) — не может быть правовых полномочий, запретностей и обязанностей, ибо все они "порождаются" или "проистекают" от объективного права. Тот, кто хочет знать о субъективных правах, должен обратиться к изучению объективного права; ибо субъективное право есть содержание объективного права.

Нетрудно понять, что о содержании права можно говорить не только применительно к объективному праву (какие именно полномочия, обязанности и запретности устанавливаются правовыми нормами), но и применительно к субъективному праву: каждое полномочие уполномочивает человека на какие-нибудь определенные внешние поступки; каждая запретность запрещает человеку известные внешние деяния; каждая обязанность есть обязанность совершить нечто строго определенное. Содержанием субъективного права называются те поступки и деяния, которые позволены, воспрещены или вменены в обязанность человеку.

Исследуя содержание субъективного права, следует иметь в виду соотношение между полномочиями, обязанностями и запретностями. Именно: деяние, которое человек обязан совершить, — всегда позволено и не запрещено ему; деяние, которое человеку позволено совершить, — не запрещено ему и не вменено ему в обязанность; деяние же,

которое воспрещено, — тем самым не позволено и не повелено человеку. При этом может быть и так, что полномочие дается человеку только в виде обязанности: так бывает, например, у лиц, состоящих на государственной службе, когда они обязаны делать то самое (напр., судить, управлять), к чему они уполномочены. Понятно, далее, что деяние, которого человек не обязан совершать, — может быть дозволенным, но может быть и воспрещенным деянием; поступок, который человеку не позволен, — может быть запрещен, но может быть просто не предусмотрен правом, и тогда он считается дозволенным, пока не доказано обратное; наконец, деяние не запрещенное — может считаться дозволенным, если только оно не вменено в прямую обязанность.

Здесь особенно важно иметь в виду, что не всякое запрещение высказывается прямо в правовых нормах. Обычно в них высказывается открытое запрещение только тогда, если правовая власть считает особенно важным, чтобы "такие-то" поступки совсем не совершались, "такие-то" обязанности всегда в точности исполнялись, "такие-то" границы полномочий никогда не нарушались; именно в таких случаях нарушение запрета может повлечь за собою не только "неприятные" для нарушителя последствия (в виде принудительного возмещения чужого пострадавшего интереса), но и еще особое наказание в виде временно-го или пожизненного умаления известных полномочий или полного лишения их), налагаемое по суду в уголовном порядке*(239).

Таково учение о содержании права.

1.12. Субъект права. Лицо физическое и юридическое

Если мы будем называть того, за кем право признает известные полномочия, запретности и обязанности, субъектом права, а всю совокупность его полномочий, запретностей и обязанностей — его правовым состоянием, то нам можно будет сказать: задача правовых норм в том, чтобы устанавливать правовые состояния субъектов. Это значит, что каждая правовая норма объявляет: тот, кто обладает такими-то внешними (напр., физическое здоровье) или внутренними (напр., душевная нормальность) свойствами, или кто совершает такие-то внешние поступки (напр., покупает или похищает чужую вещь), или принадлежит к таким-то группам людей (напр., к такому-то религиозному исповеданию), — должен быть признан субъектом таких-то полномочий, или таких-то запретностей, или таких-то обязанностей. Отсюда ясно, что не всякий, конечно, является субъектом всех полномочий, запретностей и обязанностей; мало того, право может установить, что некоторые полномочия, запретности и обязанности совсем не могут принадлежать некоторым субъектам права. Это выражается так: они не обладают полною правоспособностью.

Для того, чтобы какое-нибудь полномочие (или запретность, или обязанность) принадлежало какому-нибудь субъекту права, необходи-

мо, чтобы правовые нормы признали за ним вообще способность иметь это полномочие (или запретность, или обязанность). Эта "способность", именуемая правоспособностью, состоит в том, что человек в действительности обладает тем свойством, которое признано необходимым условием: напр., душевным здоровьем, зрелым возрастом и т. п. Наличие этого свойства делает его правоспособным; отсутствие его — делает его неправоспособным. При этом один и тот же субъект права может быть в одном отношении правоспособным, а в другом — неправоспособным; это бывает тогда, когда он обладает одними необходимыми свойствами и не обладает другими: напр., владеть имуществом могут и здоровые и больные; но поступать на государственную службу глухие и слепые не могут; для вступления в брак необходим известный возраст; а для участия в земских и государственных выборах нужен еще более зрелый возраст.

Таким образом, каждый из нас имеет определенную правоспособность, как бы он ни был юн и беден; именно благодаря этому и только благодаря этому он есть субъект права и имеет определенные полномочия, запретности и обязанности. Понятно, что человек может обладать теми необходимыми свойствами, которые делают его правоспособным, но самых полномочий может и не иметь: напр., взрослый, холостой, безземельный поденщик имеет большую правоспособность, хотя в его правовом состоянии совсем отсутствуют те обширные и разносторонние полномочия, запретности и обязанности, которые принадлежали бы ему, если бы он был женат, владел участком земли, домом, фабрикой и т.д.

По общему правилу, правоспособным, т.е. субъектом права, может быть только человек. Ни вещи, ни животные не могут иметь ни полномочий, ни запретностей, ни обязанностей. Признать дерево собственником, судить животных за преступления (как бывало в средние века), наказывать за ослушание стихии природы (Ксеркс бичевал море), — является, с точки зрения современного просвещенного правосознания, нелепым. Право создается человеком и распространяется только на людей.

Далее, необходимо признать, что правоспособным в большем или меньшем объеме является всякий человек. Правда, римские юристы в древности полагали, что "раб" совсем лишен правоспособности, что он — не субъект права, но подобен (по своему правовому состоянию) животному или вещи. Однако римские юристы в этом заблуждались: признать человека совсем неправоспособным значит окончательно снять с него все правовые позволения, воспрещения и повеления и оставить его жизнь и его действия вне подчинения правовым нормам; а между тем положение рабов во многих отношениях регулировалось правовыми нормами. Так, возникновение и окончание рабского состояния подлежало действию правовых норм; с разрешения господина рабы могли самостоятельно вести хозяйство и даже имели своих рабов;

они отпускались господином на оброк и с дозволения его могли заключать торговые сделки и даже писать завещания; они могли скопить богатство и выкупить себя на волю. Самое подчинение господину налагало на рабов правовую обязанность повиновения, но не лишало их совсем правоспособности; правда, правовое состояние раба состояло иногда почти целиком из обязанностей и запретностей, но был и элемент полномочий, который с течением времени все расширялся и упорочивался. Раб не был полноправным, свободным и равным гражданином, он стоял в особой зависимости от господина, но это не лишало его всякой правоспособности. Он оставался субъектом права, потому что правовые нормы и императивы устанавливали для него обязанности, запретности и полномочия.

Таким образом, в обществе людей, живущих в подчинении праву, всякий живой человек является правоспособным, хотя не всякий способен иметь все полномочия, запретности и обязанности. Особое положение здесь занимают те люди, которых нельзя признать вполне разумными, сознательными существами; так, малолетние и душевнобольные не могут сознавать значения своих поступков, и поэтому право делает для них целый ряд исключений. Они, конечно, не лишаются всякой правоспособности, но подвергаются значительным ограничениям. Во-первых, право не позволяет им совершать такие действия, которые увеличивают или уменьшают правовые состояния людей; это выражается так, что они лишены дееспособности: к ним назначается взрослый человек, опекун, который блюдет их правовое состояние — заведует их имуществом, уплачивает из него долги, вносит подати и т.д. Отсюда вытекает, что малолетние не способны также иметь те полномочия и обязанности, для которых необходима дееспособность, напр., они не могут участвовать в управлении государством. Во-вторых, за нарушение правовых норм малолетние и душевнобольные не подлежат той же ответственности по суду, как взрослые; это не значит, что с них снимаются все запреты, но значит только, что они подвергаются ответственности в порядке воспитательном или врачебном (увещания и взыскания). Из всего этого ясно, что дееспособность есть особый вид правоспособности, и поэтому всегда бывает так, что тот, кто имеет дееспособность, — имеет тем самими и правоспособность; понятно также, что полная правоспособность включает в себя и дееспособность.

Все это можно выразить так, что субъекту права предоставлено в пределах его полномочий и обязанностей — решать и объявлять свое решение или же обнаруживать его в форме внешних поступков: например, объявив свое решение, субъект права может вступить в сделку, или установить судебный приговор, или издать правовую норму; каждый раз, если у него, конечно, имеется для этого соответствующее полномочие или обязанность. Он может также обнаружить свое решение прямо в виде внешнего поступка: напр., уплатой денег своему кредито-

ру; опущением конверта с избирательным бюллетенем в урну; или помещением своей подписи под готовым уже документом. Такие поступки в юриспруденции нередко называют волеизъявлением; однако, строго говоря, здесь следует говорить об изъявлении не "воли", а "решения", потому что человеку нередко приходится решать и поступать не так, как это ему подсказывает его интерес и его живое желание (напр., при исполнении неприятных обязанностей).

Не следует думать, что субъектом права может быть только единственный человек — "индивидуум". Юристы называют индивидуального субъекта прав — "физическим лицом", т. е. правовым лицом, существующим как бы "от природы". Наряду с физическим лицом право знает еще другую разновидность субъектов — "юридическое лицо"; оно не существует "от природы", но представляет из себя такого субъекта прав, который устроен или организован людьми.

Каждый человек имеет множество различных интересов и целей, и среди них могут быть такие интересы и такие цели, которые одинаково присущи множеству людей. Каждый человек осуществляет свои интересы и свои цели отдельно и самостоятельно, про себя и для себя — в качестве индивидуального субъекта права (физического лица), и в этом деле он имеет свои особые полномочия, запретности и обязанности. Однако в осуществлении своих интересов люди могут быть объединены, и тогда может быть организован новый субъект права, один для многих людей, общий для них и объединяющий их. Для этого нужно, конечно, чтобы у всех объединяющихся людей были не только "одинаковые", каждым порознь осуществляемые цели (у многих людей много отдельных похожих целей), но один "общий" всем интерес (один и тот же у многих) и одна общая всем цель (одна и та же для многих); тогда может возникнуть юридическое лицо. При этом юридическое лицо будет или корпорацией, или учреждением.

Если несколько людей организуют новое юридическое лицо с тем, чтобы самим войти в его состав, тогда этот новый субъект прав именуется корпорацией. Тогда они соединяют свои силы и части своего имущества для достижения общей цели и образуют с разрешения правовых норм единый союз. Такой союз имеет свой писанный устав, устанавливающий его цель и его организацию, свои особые полномочия и обязанности и рассматривается как единое целое, как особый субъект прав. Каждый участник не только пользуется наравне с другими членами благами или доходами, которые добываются деятельностью союза, но, главное, участвует совместно с другими членами в выработывании на общем собрании единого решения по основным жизненным вопросам союза; решение это принимается большинством голосов и приводится в исполнение отдельными, специально для того выбранными и уполномоченными людьми ("правлением" или "советом"), которые являются "органами" юридического лица. Действия этих органов, если они совершены согласно уставу, считаются действиями самого юриди-

ческого лица. Такими корпорациями являются, например: акционерные компании (с их "общим собранием" и "правлением"); приходские церковные союзы (с собранием прихожан, причтом и старостой); сельские, городские, дворянские самоуправляющиеся общества и, наконец, — государство.

Однако юридическое лицо может быть организовано помимо тех людей, интересам и целям которых оно будет служить; тогда оно называется учреждением. Учреждение возникает так: кто-нибудь (физическое лицо или корпорация) объявляет в письменной форме, что он с согласия государственной власти назначает такое-то жертвуемое им имущество — для служения таким-то интересам таких-то людей и что управлять им будут такие-то лица (обычно утверждаемые или назначаемые государственной властью). Лица эти берут на себя обязанность и полномочие управлять и заведовать пожертвованным имуществом, но не в свою пользу, а для служения той цели, которая была указана учредителем; от имени нового юридического лица они и действуют. Учреждение рассматривают как особый субъект права и признают за ним особые полномочия и обязанности, хотя юристы соглашаются, что трудно указать, кого из людей следует подразумевать, говоря о полномочиях и обязанностях учреждения. Этот вопрос еще не решен в науке права. Такими учреждениями являются, например: университеты, больницы, государственный банк; многие учреждения создаются и поддерживаются государством как единой властвующей корпорацией.

1.13. Правоотношение. Применение права

В борьбе за существование, за усовершенствование личной и общей жизни люди постоянно вступают друг с другом в различные отношения: они обращаются друг к другу с просьбами, обещаниями и приказами, отдают друг другу разные вещи, обмениваются ими и совершают друг для друга различные действия. При этом они обыкновенно заботятся о том, чтобы сказанное было услышано другим, а отданная вещь — была им принята; чтобы они сами совершили те действия, на которые претендует другой, и чтобы другой не нарушил данного им слова или установленного соглашения. Каждый из нас постоянно претендует на то, чтобы другие люди что-нибудь делали для него (напр., везли его, отдавали купленное, готовили ему кушанье и т.д.) или чего-нибудь не делали, соблюдая его интерес (напр., не входили без спроса в его жилище, не портили и не похищали его вещей, не оскорбляли его и т. д.). Эти чужие действия и не-действия являются предметом наших претензий.

Не все эти отношения имеют правовое значение; иными словами, не все эти обещания, соглашения и обмены устанавливают для обещающих и принимающих обещаний, для соглашающихся и обменивающихся — правовые полномочия, запретности и обязанности; и,

далее, не всякое распоряжение вещью и не всякое действие человека влечет за собою правовые, принудительно осуществляемые и поддерживаемые последствия; не всякая претензия есть притязание, основанное на праве. Человек может требовать от другого человека совершения таких действий, которые для другого вовсе не обязательны. Все это можно выразить так: не всякое отношение людей есть правоотношение.

Отношение людей будет только тогда правоотношением, если правовые нормы предусмотрят его и укажут, какие правовые последствия оно влечет за собою. Правовые нормы определяют, кто и какие поступки может или должен совершить для того, чтобы между ним и другими людьми возникло (не внутреннее моральное или просто житейское отношение, но) именно правоотношение.

Это можно выразить так, что каждое отношение людей есть правоотношение лишь постольку, поскольку оно есть встреча правовых полномочий, запретностей и обязанностей, принадлежащих разным субъектам прав. Люди участвуют в правоотношениях не как простые люди, но как субъекты прав, способные участвовать в таком правоотношении; постольку их слова и дела оказываются юридическими действиями, за которые они отвечают; предмет их претензии становится предметом правового притязания; их обещание создает для них — правовое обязательство, а для другого, получившего обещание и ожидающего его исполнения, — правовое притязание (т.е. основание требовать); их приказ получает также правовое значение и становится властным распоряжением. С виду все остается по-старому, но юридически все меняется.

Правовые нормы указывают людям их полномочия, запретности и обязанности именно для того, чтобы пропитать их отношения правовым значением, превратить их в правоотношения и тем упрочить взаимную уверенность, мир и порядок. Оказывается, что каждое отношение людей, если оно предусмотрено правом, следует рассматривать с этой точки зрения: как распределяются между его участниками правовые полномочия, запретности и обязанности? Такое отношение есть встреча внешних полномочий и обязанностей; оно есть правоотношение. Это значит, что объективное право устанавливает субъективные "права" лиц, а субъективные "права" лиц, встречаясь, образуют правоотношение; если же представить себе все правоотношения между людьми, то их можно будет назвать правопорядком. Сущность правопорядка можно изобразить так: каждый из нас, определив свои полномочия, предоставленные ему объективным правом, может быть твердо уверен, что каждому его полномочию — соответствует обязанность, а может быть, сверх того, и запретность у других людей и, обратно, что каждой его обязанности — соответствует полномочие у кого-нибудь другого. Если я уполномочен, — значит, кто-то обязан; если я обязан, — значит, кто-то уполномочен.

После всего сказанного нетрудно понять, что такое применение права. Всякая правовая норма, в каких бы словах она ни была выражена и о чем бы в ней ни говорилось, устанавливает правовые состояния тех или других субъектов права (физических лиц или юридических лиц). Поэтому продумать правовую норму, или, что то же, подвергнуть ее юридическому анализу, значит раскрыть: для каких именно субъектов права какие именно полномочия, запретности и обязанности в ней устанавливаются; а так как встреча различных полномочий, запретностей и обязанностей есть правоотношение, то задачу этого анализа можно определить так: раскрыть, какие отношения людей предусматриваются в этой норме и какие правовые последствия им придаются. При этом надлежит помнить, что правовые нормы никогда не утверждают, что такие-то люди, с такими-то свойствами и поступками или такие-то человеческие отношения в действительности существуют или бывают. Иногда правовые нормы формулируются так, как если бы они описывали какое-нибудь фактическое событие, например: "король назначает и сменяет министров"*(240); "законодательная власть осуществляется совместно королем, палатой представителей и сенатом"*(241); "тайна переписки неприкосновенна"*(242); или еще "виновный в том-то: наказуется так-то" и т. д. Этого не следует понимать буквально; все события, о которых говорится в нормах, устанавливаются правом как должные и предусматриваются им как возвратные в будущем. Часто бывает так, что должное и предусмотренное действительно наступает: король в самом деле сменяет министров, люди в самом деле оставляют завещания, организуют корпорации, уплачивают предписанные налоги, совершают предусмотренные преступления. Однако может случиться и так, что долгое время никто не совершает предусмотренного преступления или, например, монарх не пользуется своим полномочием сменять министров и т.д. Тогда соответствующие правовые нормы остаются как бы в выжидательном состоянии: они временно не имеют "приложения" или, как говорят юристы, — они не применяются.

Применить правовую норму значит подчинить ей, как правилу, данное отношение людей (данный "случай"). Это надо представлять себе так. Каждая правовая норма говорит следующее: когда в жизни людей обнаружится такое-то (дозволенное, запретное или обязательное) деяние или отношение, или возникнет такое-то лицо, — то признать за этим лицом, или за участниками этого отношения, или за совершителем этого деяния такие-то полномочия, запретности и обязанности. Каждую правовую норму необходимо изложить по этому трафарету для того, чтобы понять ее, как следует. Тогда окажется, что в каждой правовой норме описывается в отвлеченном виде (или подразумевается) некоторое деяние (напр., "виновный в умышленном повреждении чужого имущества"), или отношение (напр., "соглашение о невзыскании долга", "неосторожное причинение убытка", "распоряжение полиции"),

или лицо (напр., "Наследник престола", "министр", "Государственная Дума", "всякий подданный"); нередко и то, и другое, и третье. Прежде чем применять правовую норму, надо убедиться, что это предусмотренное правом деяние, отношение, лицо — действительно имеется в данном случае; а для этого по основному правилу необходимо, чтобы характерные черты данного случая вполне совпадали с признаками предусмотренного деяния. Так, например, если в норме говорится об "умышленном повреждении чужого имущества", то необходимо убедиться, что и в данном случае действительно "повреждено имущество", и притом именно "чужое" (а не свое), и притом "умышленно"; и что данное лицо действительно "виновно" в этом, т. е. что оно не только вообще ответственно за свои поступки, но несет вину и в этом деле; тогда только ему может быть назначено наказание. Или, например, если в норме предусматривается "соглашение о невзыскании долга", то необходимо убедиться, что и в данном случае действительно состоялось "соглашение" между сторонами, и притом именно о "невзыскании долга", и притом именно того долга, о котором возник спор, и т.д. Если же признаки, обозначенные в норме, действительно имеются и в данном случае, тогда за каждым лицом утверждаются те самые полномочия, обязанности, запретности или взыскания и наказания, которые назначены в правовой норме. Это решение объявляется всем заинтересованным лицам и затем поддерживается всею силою государственной власти, так, чтобы каждый мог беспрепятственно осуществлять свое полномочие, чтобы каждый исполнил свою обязанность, отбыл свое наказание и т.д.

Таким образом, применение правовых норм проходит через три стадии: сначала происходит сравнительный анализ нормы и данного случая, затем решение и, наконец, принудительное поддержание его и осуществление. Важно иметь в виду, что применять правовые нормы может не всякий, но только тот, кто имеет для этого особое полномочие от властвующего союза. Это означает, что соблюдать право и применять право не одно и то же; соблюдать право значит повиноваться ему, а повиноваться праву обязан всякий гражданин; применять же право значит работать над тем, чтобы другие его соблюдали и ему повиновались, а для этого необходимо особое (публично-правовое, см. § 15) полномочие. Применение права есть дело крайне важное и ответственное; в момент применения право подчиняет себе жизнь людей, овладевает ею и заставляет ее осуществлять свои предписания. В этот момент решается вопрос о правовом состоянии людей и, следовательно, об их внешней жизни: применение права может, например, повести к тому, что богатый утратит свое имущество, а бедный его получит, что один будет оправдан, а другой, может быть, будет приговорен к тяжелому наказанию. Отсюда каждый из людей оказывается морально и юридически заинтересованным в том, чтобы применение права совершалось людьми, умудренными знанием и справедливостью.

Знание необходимо здесь потому, что сравнительный анализ нормы и данного случая есть дело в высшей степени трудное. Необходимо прежде всего найти соответствующую правовую норму, что бывает не всегда легко, ввиду их множества; а так как не все правовые нормы записаны в определенных словесных выражениях, то иногда бывает необходимо проверить, имеется ли соответствующая норма, формулировать ее в словах и признать за ней правовое значение (см. § 20). Затем бывает нередко так, что смысл нормы неясно выражен и что ее необходимо подвергнуть толкованию; так, многие правовые нормы могут быть поняты лишь после сопоставления их с другими нормами, изложенными ранее (ибо нет возможности повторять в каждой норме все определения, ранее установленные); другие нормы разъясняются только тогда, если принять во внимание намерение законодателя, и т.д.

Но особенное значение получает в деле применения права справедливость (см. § 9). Требование справедливости состоит в том, чтобы решение стояло в действительном и строгом соответствии с тем случаем, к которому оно применяется. Дело в том, что право не может предусмотреть всех тех особенностей и видоизменений, которые могут сложиться в действительности, и потому оно всегда дает только общие, отвлеченные и все уравнивающие указания; зато оно предоставляет многое живому, справедливому усмотрению судьи и правителя. Задачей того, кто применяет право, является как раз - приспособление общего и отвлеченного предписания к особенностям единичного случая и отношения. Один и тот же приговор или решение, подходящие к одному случаю, будут несправедливы в другом: так, например, мало определить размер причиненного убытка, важно учесть, насколько такой убыток разорителен для потерпевшего; мало установить, что преступление совершено, важно учесть, нечаянно оно совершено или нарочно, способен преступник его повторить или нет; мало знать, что налог не уплачен, необходимо установить, не было ли здесь каких-нибудь несчастных причин, с которыми недоимщик впоследствии справится, и т. д. Справедливость требует, чтобы право не применялось без оглядки, в слепом равнодушии и без всякого снисхождения к человеческой слабости и невежеству; она требует, наоборот, чтобы всюду, где только возможно, учитывались личные свойства субъектов и их намерения; она требует далее, чтобы всюду, где только право может выступить на поддержку морали и добрых нравов, применение нормы служило бы этой высшей цели, она требует, наконец, чтобы тот, кто применяет право, имел в виду только одно — правое и верное решение и не поддавался никаким соображениям постороннего свойства: пристрастию, лицепритию или, тем более, корысти. Такое применение права причает людей ценить его и уважать; оно созидает в стране правосудие и мудрое правление.

1.14. Положительное право. Действие права по времени, по месту и по лицам

Правовые нормы, установленные правовой властью и подлежащие применению, называются положительным правом. Положительное право не следует противопоставлять естественному, т. е. морально-верному праву (см. § 8), так, как если бы они друг друга исключали; потому что в составе положительного права, установленного и применяемого властью, могут быть морально-верные нормы, и притом, чем больше их, тем положительное право совершеннее. Однако положительное право и естественное право все же далеко не совпадают, и поскольку они не совпадают, постольку естественное право является идеалом положительного права. Отношение между ними можно выразить так, что прогресс общественной жизни состоит в постепенном приближении положительного права к естественному; идеал состоит здесь в том, чтобы все положительное право стало естественным (т.е. морально-верным), а все естественное право стало положительным (т.е. получило признание и применение со стороны власти).

Это постепенное развитие положительного права состоит в том, что "устарелые" нормы отменяются, а на их место устанавливаются новые. Норма считается устарелой или тогда, когда прежний общественный уклад уступил свое место новому, или тогда, когда нравственное чувство людей стало более глубоким и верным и перестало удовлетворяться старым правом. История свидетельствует о том, что развитие и усовершенствование положительного права совершается медленно, но неуклонно; медленно потому, что всегда есть группы людей, которым старое право полезнее и выгоднее и которые обыкновенно соглашались на его отмену лишь после долгого и упорного сопротивления; неуклонно потому, что всегда появляются новые группы людей, неудовлетворенные старым правом, считающие его вредным или несправедливым. В результате этой борьбы право всегда оказывается исправленным, дополненным и обновленным; но это исправление всегда подготавливается долго и медленно: люди настолько привыкают к старым правилам, что иногда изменение их начинает казаться им полной отменой всяких правил.

Для того, чтобы нормы положительного права подверглись обновлению и исправлению, необходимо, во-первых, чтобы люди в этом действительно нуждались (потребность в реформе), во-вторых, чтобы эта нужда была осознана (выяснение потребности), в-третьих, чтобы сложилось уверенное знание того, что именно и в какую сторону должно быть изменено (составление проекта реформы), и, наконец, в-четвертых, чтобы эта осознанная потребность могла бы побудить уполномоченных создателей права осуществить реформу (предложение, принятие и утверждение проекта). Таким образом, прежде чем появится

новое право, необходимо, чтобы у народа или хотя бы у создателей права сложилось бы новое правосознание, т. е. представление о новом праве и чувство нового правового строя.

Таковы в общем причины, под влиянием которых слагается и растет положительное право; это — хозяйственные и культурные интересы людей (т. е. целых общественных групп), потребность в мире и порядке и моральное чувство; все это вместе создает новое правосознание, пробивающее себе постепенно дорогу и получающее, наконец, форму и значение правовых норм.

Однако для того, чтобы новое правило поведения, сложившееся в правосознании людей, получило значение правовой нормы, необходимо участие уполномоченных людей, деятельность которых протекает в установленном порядке, или, что то же, имеет обязательную форму. С того момента, как все эти формальные требования соблюдены, правовая норма должна обязательно соблюдаться и применяться. Это можно выразить так, что действие правовой нормы имеет свои пределы во времени: обязательность ее имеет свое начало и свой конец. Правовая норма всегда применяется к свойствам, деяниям и отношениям людей; и вот нередко бывает так, что к моменту установления новой правовой нормы в действительности уже накопились предусматриваемые ею свойства, деяния и отношения. Люди приобретали эти свойства, совершали эти деяния и вступали в эти отношения, или зная, что они во все не предусмотрены правом, или имея в виду старые правовые нормы, которые, может быть, не запрещали того, что теперь запрещено, или не возлагали столь тяжелых обязанностей. Самая основная задача права состоит в том, чтобы указать разумному существу такое правило поведения, которое оно могло бы иметь в виду постоянно и заранее, т. е. до каждого отдельного решения и поступка; поэтому было бы противно справедливости и задачам права, если бы на человека налагались более тягостные взыскания за нарушение права, установленного вновь. Вот откуда возникает общее правило: право не имеет обратного действия, оно означает, что новые правовые нормы применяются только к тем деяниям и отношениям, которые состоялись после их установления; к тем же деяниям и отношениям, которые возникли раньше, применяются по-прежнему отмененные правовые нормы. Это правило о неприменимости права к остаткам прежней жизни имеет, впрочем, несколько исключений: оно не соблюдается, во-первых, если в новой норме прямо повелевается распространить ее на все случаи без исключения (так бывает, когда этого требует общее благо, напр., при отмене несправедливых преимуществ или при введении новых повинностей); оно не соблюдается, во-вторых, если новый закон смягчает наказание преступнику.

Отсюда уже понятно, что огромное большинство правовых норм прекращает свое "действие" (т. е. перестает применяться) не сразу. К

новым событиям правовая норма перестает применяться только после своей прямой отмены; но и после этого она "умирает" не сразу, а лишь по мере того, как исчезают остатки прежней жизни.

Таким образом, нет и не может быть такой правовой нормы, которая была бы обязательна во все времена, повсюду и для всех людей. "Действие" правовых норм имеет не только временные пределы, но и пространственные границы.

Вообще говоря, нормы положительного права могут быть установлены в любом человеческом союзе, если в нем есть лица, уполномоченные создавать правила внешнего поведения; но в организованной жизни человечества особое значение имеют те союзы, деятельность которых происходит в известных пространственных границах: таковы государства, земские союзы, городские союзы и некоторые другие. Правовые нормы такого союза обязательны и применимы (по общему правилу) только в границах данного города, уезда, губернии и государства; т.е. они применяются только к тем состояниям, деяниям и отношениям людей, которые состоялись или обнаружались в их пределах. Это понятно, потому что за этими пределами начинаются тотчас же пределы другого, соседнего союза, который имеет свои правовые нормы и требует повиновения им. За исключением некоторых пустынных областей Африки и Азии, каждый клочок земной поверхности отведен или захвачен в ведение того или иного государственного союза людей; это выражается юридически так: на каждой территории действует свое право. Понятно, что правовые предписания различных государств во многом не сходны, и это обнаруживается при постоянных переездах или длительном пребывании членов одного государства на территории другого. Тогда предписания норм сталкиваются, между ними возникает конфликт, который разрешается каждый раз по особым правовым правилам; для этого в каждом государстве есть особые нормы, именуемые конфликтным правом.

По общему правилу, каждая правовая норма, установленная правовым союзом, применяется на всей территории его; однако могут быть установлены правовые нормы, действующие исключительно в отдельных губерниях или частях государства. Такие нормы называются местным правом; местные законы исключают действие общих. Так, например, особое частное право (см. § 15) действует на русских окраинах: свое — в Финляндии, свое — в Польше и свое — в Остзейском крае.

Наконец, "действие" правовых норм может быть ограничено не только временем и пространством, но и личными особенностями человека или целых групп людей, если это специально установлено в праве. Отсюда происходит деление правовых норм на общие и специальные. По общему правилу, нормы права должны применяться к предусмотренным деяниям и отношениям всех членов союза и в этом смысле все равны перед законом. Но по закону могут быть и не все равны; это оз-

начает, что иногда устанавливаются правовые нормы, возлагающие особенно тяжелые обязанности на одних, освобождая других от этого бремени (напр., прежнее деление русских сословий на "податные" и "неподатные"), или же предоставляющие кому-нибудь особые преимущественные полномочия (привилегии); эти привилегии могут даваться за личные заслуги (напр., привилегии изобретателей или вновь учреждаемых дворянских родов) или принадлежать целым сословиям, переходя из рода в род. Этот порядок можно выразить в виде правила: специальный закон исключает действие общего. Понятно, что полное правовое равенство людей состояло бы не только в равенстве перед законом (когда каждая норма применяется ко всем без исключения предусмотренным ею деяниям и отношениям), но и в равенстве по закону (когда ни одна норма не устанавливает ни для кого ни преимущественного полномочия, ни меньшего бремени обязанностей и запретностей). Понятно также, что полное уравнивание людей по закону повело бы к несправедливости (см. § 9) и даже к разрушению правопорядка, ибо правопорядок всегда основан на том, что одни люди имеют преимущественное перед другими полномочие властвовать, творить право и суд (см. § 8, 9, 10).

1.15. Деление права. Право публичное и частное

После всего сказанного нетрудно понять, в чем основная сущность права. Люди, объединенные в союз, поручают отдельным членам союза устанавливать общеобязательные правила внешнего поведения; правила эти, предусматривая различные свойства, деяния и отношения людей, указывают, какие полномочия, обязанности и запретности должны быть признаны за теми, кто имеет эти свойства, совершает эти деяния, вступает в эти отношения; объективное право решает, таким образом, кто есть субъект права и какие субъективные права входят в правовое состояние каждого из нас; в результате такого применения права отношения людей утверждаются как правоотношения, а все правоотношения, взятые вместе, образуют правопорядок.

И вот все право, как объективное, так и субъективное, разделяется на две большие части: на право публичное и право частное. Согласно этому делению каждая правовая норма, каждое правовое полномочие или обязанность, наконец, каждое правоотношение должны быть признаны или публичным или частным.

В каждом правоотношении, как было показано выше, встречаются: с одной стороны, полномочие, принадлежащее одному субъекту, с другой стороны, обязанность (а может быть, и запретность), принадлежащая другому субъекту; между тем и другим всегда есть строгое соответствие. При этом, говоря о правоотношении, не следует представлять себе встречу двух или многих правовых состояний, взятых в целом, но

встречу одного-единого полномочия, принадлежащего одному субъекту, с единой обязанностью, принадлежащей другому. Правоотношение есть всегда одна-единая тонкая нить, протянувшаяся между двумя субъектами; поэтому между каждыми двумя людьми существует целый ряд правоотношений, и одни из них могут быть публичными, а другие частными. В основании этого деления лежат следующие различия.

Для того, чтобы правоотношение было публичным, а не частным, необходимо, во-первых, чтобы одному субъекту принадлежало полномочие на власть по отношению к другому, а другой имел бы обязанность подчиняться первому. Это означает, что публичное правоотношение есть правоотношение юридически не равных субъектов; один является юридически независимым от другого (в пределах этого правоотношения!) и притом авторитетным для него; другой, напротив, обязан "признавать" авторитет первого, т. е. повиноваться ему, и постольку является подчиненным. Понятно, напр., что отношение каждого из нас к тому внешнему авторитету (к государственной власти, церковной власти), который устанавливает правовые нормы, следит за их исполнением и применяет их, — является всегда публично-правовым. Отсюда ясно, что частное правоотношение есть правоотношение юридически равных субъектов: ни один из них не является для другого правовым авторитетом; однако при этом оба одинаково подчинены третьему, вне их правоотношения стоящему правовому авторитету, которому они обязаны повиноваться и к которому могут обратиться за разрешением спора о полномочиях и обязанностях.

Понятно, что каждому из нас легче иметь частноправовые полномочия, чем публично-правовые: потому что "простых смертных" много, а людей, имеющих полномочие властвовать и повелевать, немного, да и они сами вне этих своих полномочий могут вступать только в равные правоотношения. Не следует вообще думать, что если кто-нибудь имеет полномочие на власть, то все правовое состояние его является "публично-правовым" и все должны во всем ему повиноваться. Никто не имеет полномочия на "безграничную" власть; напротив, всякое полномочие, и в том числе всякое публично-правовое полномочие, имеет строгие пределы. И как только человек начинает действовать вне этих пределов, он действует без полномочия на власть, он сам является "простым смертным" и подчинен общим законам. Исключением является только монарх: полномочия его, правда, определяются законами, но деятельность его общим законам не подлежит и по ним не обсуждается (см. § 19).

Полномочие на власть может быть названо латинским словом империй (imperium), и тогда окажется, что в публично-правовом отношении империй всегда принадлежит одному из встречающихся субъектов, а в частноправовом отношении империй принадлежит не им, а правовому авторитету, возносящемуся над ними. Но так как полномо-

чие на власть только и может принадлежать правовому авторитету (в этом основная черта права, см. главы 8 и 9), то в публичном правоотношении одна из сторон всегда является правовым авторитетом или правою властью союза (государства или церкви).

Для того, чтобы яснее понять это, необходимо помнить, что каждый союз, самостоятельно создающий правовые нормы и управляющийся на их основании, есть союз, властвующий над своими членами. Нельзя установить правовую норму, обязательную для всех (независимо от того, одобряют они ее или нет), не обладая полномочием на власть. Правовая власть есть не что иное, как полномочие устанавливать и применять правила поведения. Эту правовую власть следует рассматривать как единое полномочие единого субъекта прав — союза в целом как единой корпорации. Но при осуществлении своем эта власть является разделенной на множество отдельных полномочий, предоставленных отдельным субъектам права — единичным лицам (напр., в государстве — монарх, министр, губернатор, мировой судья; в церкви — епископ, иерей), или корпорациям (напр., в государстве — земства и города; в церкви — приход, епархия), или учреждениям (напр., в государстве — государственная дума, сенат, казенная палата). Всем этим субъектам права властвующий союз поручает "делать то-то и то-то", от своего лица; они "властвуют" не от себя и не для себя, но от имени союза, осуществляя его цели, слагая за него решения и объявляя их от его лица. Всю эти физические и юридические лица называются органами союза (органами государства, органами церкви). Органы властвующего союза — это те субъекты права, которые приняли от союза обязанность осуществлять его полномочия и вследствие этого получили по отношению ко всем остальным членам союза или к некоторым из них полномочие повелевать от лица союза и требовать повиновения.

Отсюда ясно, что тот, кто не повинуется органу союза, тот не повинуется самому союзу: потому что власть органа есть власть самого союза. И тот, у кого обязанность повиноваться встречается с властным полномочием органа, тот стоит в правоотношении с самим союзом: потому что полномочие органа есть полномочие самого союза. И если кто-нибудь имеет полномочие (напр., избирательное право), которому соответствует обязанность органа (напр., охранять законность, свободу и тайну выборов), тот стоит в правоотношении с самим союзом: потому что обязанность органа есть обязанность самого союза (в данном примере — государства).

Таким образом, мы можем сказать: в каждом публичном правоотношении одна из сторон есть властвующий союз, и притом именно та сторона, которая имеет властное полномочие.

Следует иметь в виду, что и в частном правоотношении одна из сторон может быть союзом, например, акционерная компания; но акционерная компания есть не властвующий союз и полномочий на власть

не имеет; поэтому правоотношение остается частным. Далее, самый властвующий союз может вступать в частные правоотношения; обычно он совершает это через свои органы, например, когда выступает покупателем, или продавцом, или делает заказы поставщикам и фабрикантам. В таких случаях "казна" (т. е. властвующий союз как субъект имущественных полномочий и обязанностей) ставит себя в положение, равное другой стороне, подчиняется вместе с нею общим нормам права и оказывается субъектом частного права.

Наконец, важно помнить, что полномочие на власть может встретиться и в частно-правовых отношениях, но тогда это полномочие принадлежит не властвующему союзу, а одному лицу и предоставляет ему не правовой авторитет, выражающийся в создании и применении правовых норм, а бытовой авторитет, выражающийся в житейских и уже не правовых приказах. Так, например, русские законы говорят о власти мужа над женою и родителей над детьми. В этом обнаруживаются остатки древнего права, возникшего в эпоху родового быта, когда глава семьи и рода был верховным повелителем и судьей; власть родителей над малолетними детьми коренится также и в беспомощности и неразумии младенцев. Все эти правоотношения признаются частными, потому что ни муж, ни родители не являются органами властвующего союза. Однако нельзя не признать, что здесь мы все же имеем перед собою публично-правовой остаток в частном праве.

Теперь должно быть понятно, каким образом это основное деление всех правоотношений распространяется также и на субъективные права, и на правовые нормы.

Полномочие будет публично-правовым тогда, если оно предоставляет лицу частицу той власти, которая принадлежит властвующему союзу в целом; как бы ни была эта частица мала (напр., полномочие низшего из полицейских служащих) и как бы ни была незначительна сама по себе ее повелительная сила (напр., при совещательном народном представительстве или в полномочиях, предоставляющих всем подданным свободно сообщаться, обсуждать свои нужды, образовывать союзы и т.д.), — полномочие остается публично-правовым. При этом среди публично-правовых полномочий есть такие, которые всегда сопровождаются такою же обязанностью, так что лицо не только "имеет право", но и "обязано" делать "то-то" и "то-то" от лица союза; другие же полномочия не сопровождаются такою обязанностью. Так, напр., прокурор не только уполномочен, но и обязан привлекать преступников к суду; губернатор не только уполномочен, но и обязан управлять губернией; но избиратель не обязан принимать участие в выборах; в политических собраниях никто не обязан участвовать.

Обязанность будет публично-правовою тогда, если она ставит субъекта лицом к лицу с властным полномочием союза. Публично-правовая обязанность связывает всегда обязанного с властвующим союзом:

это есть или обязанность органа действовать властно от его лица, или обязанность члена союза покоряться его нормам и распоряжениям. Так, органы государства обязаны действовать от имени государства, поскольку они к тому уполномочены, а подданные государства обязаны постольку и исполнять его веления. Эту публично-правовую покорность не следует смешивать с обязанностью повиноваться, лежащей на том, кто "нанялся" в услужение. Договор найма для услуг или "на работу" есть частное правоотношение*(243): тот, кто нанял, не имеет властного полномочия над тем, кто нанялся; обе стороны стоят наравне и одинаково подчинены правовой власти, стоящей над ними. Это выражается и в том, что договор найма может быть установлен добровольно и расторгнут свободным решением нанявшегося, конечно, с соблюдением условий о сроке, предупреждении и т. д. Но для выхода из подданства необходимо получить согласие публично-правового союза (напр., государства).

Понятно, что запретность, открыто высказанная в праве, имеет всегда публично-правовой характер, даже тогда, когда ею ограждаются интересы частных лиц. Это объясняется тем, что правящая власть союза только тогда высказывает открытые и прямые запрещения, подкрепляя их угрозой наказания, когда она придает особую важность ограждаемым полномочиям и обязанностям; тогда она объявляет, что тот, кто не исполнит таких-то обязанностей или вторгнется в чужую уполномоченную деятельность, совершит такие-то поступки или не совершит таких-то обязательных деяний, тот будет иметь дело с властью самого властвующего союза, и эта власть обратится к нему с принуждением, преследованием и наказанием. Такие правоотношения называются уголовными правоотношениями; они могут сопровождаться частноправовыми обязанностями, но сами всегда остаются публичными (напр., за убийцею, подлежащим уголовному преследованию, может быть признана частноправовая обязанность вознаградить семью убитого).

Наконец, правовая норма должна быть признана публично-правовою, если она устанавливает властные полномочия какого-нибудь союза (напр., государства, земской общины, городского союза, церковного союза) и обязанности повиновения со стороны его членов (или обратно: обязанности властвующего союза по отношению к его членам и полномочия его членов на участие в делах властвующего союза); если же правовая норма предусматривает равные правоотношения между сторонами и устанавливает полномочие требовать, но не властвовать, то она должна быть признана частноправовою.

В настоящее время существуют три главные разновидности властвующих, публично-правовых союзов: союзы церковные, государства и входящие в государства самоуправляющиеся общины (напр., земские, городские).

1.16. Понятие о государстве

Из всех союзов, создаваемых людьми в их совместной жизни, наибольшую разносторонность и внешнюю силу имеет, несомненно, государство. Человечество, обремененное долгим опытом и тяжелыми страданиями, испытав жизнь вне организованного принудительного правопорядка, пройдя через средние века с их частно-правовым строем и публично-правовым неустройством, — убедилось теперь, что возможно совмещать жизнь в свободных и добровольных союзах с жизнью в едином властвующем и принудительном союзе, в государстве. Принудительная сила государства и разносторонность его деятельности при правильной организации не только не подавляют свободную духовную жизнь человека, но создают для нее благоприятные условия. Выработать эту правильную организацию составляет высшую задачу человечества в его политической деятельности.

Государство есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти.

Первое, что необходимо иметь в виду для верного понимания сущности государства, это то, что государство есть союз людей.

Там, где нет людей, там вообще не следует говорить о "государстве". Стада животных, общины и рои насекомых не могут быть признаны государствами, потому что мы не имеем данных, которые позволили бы нам признать их инстинктивное единение сознательно организованным правовым союзом. Государство, как и право, есть нечто, устанавливаемое людьми и имеющее в виду людей.

Но, далее, государство непременно предполагает наличность многих людей. Один человек может быть субъектом права, может входить в состав государства и иметь публично-правовые полномочия, но не может, сам по себе, образовать государства, ибо государство есть союз; воззрение, разделявшееся, например, Спинозой*(244) и французским королем Людовиком XIV, согласно которому все государство заключается в лице короля, не следует понимать буквально (имелось в виду не государство, но вся полнота государственной власти). Самые маленькие государства современной Европы, Андорра и Сан-Марино, имеют около 10 000 жителей каждое; самым большим государством на земле по числу граждан является Китай (около 386 миллионов). Государственная организация оказывается необходимой и возникает только тогда, если объединяется сравнительно большое число людей; небольшие группы всегда сумели бы объединиться, не обращаясь к столь сложной организации, как государственная.

Понятно, далее, что не всякое множество людей образует государство. Это множество людей должно, прежде всего, иметь единый, и притом именно общий интерес, а не множество отдельных, индивидуаль-

ных интересов, стоящих друг к другу в отношении конкуренции и исключения. Этот интерес должен быть не только присущ каждому человеку в отдельности, но всем сразу и сообща, так, чтобы удовлетворение его было бы возможно только через объединение всех. Таким интересом является, как уже ясно из предшествующего, усовершенствование совместной жизни посредством установления и поддержания справедливого правопорядка. Этот основной интерес, действительно, един и общ для всех членов сразу, хотя он и не исчерпывает собою задач и целей государства.

Однако не следует думать, что всюду, где есть общий интерес, есть и союз, организовавшийся для его осуществления и защиты. Для этого необходим еще целый ряд условий. Люди должны осознать и признать, что такой интерес у них есть и что он един и общ для всех сразу. Это не значит, что в действительности все граждане современного государства признают это; одни могут не сознавать этого по недостатку образования, другие могут не признавать этого по нежеланию подчинять свой личный, своекорыстный интерес — общему. Но государственный союз, как и всякий союз, будет тем сплоченнее и сильнее, он будет тем дружнее и успешнее разрешать свои задачи, чем глубже в гражданах будет чувство общей объединенности, чем сильнее в них будет уверенность в том, что единый и общий высший интерес лежит в основании их объединения. Государственный союз, в котором это чувство и эта уверенность ослабевают, идет навстречу своему разложению.

Понятно, что такое осознание и признание важны не сами по себе, но должны пробудить согласие и волю к союзной жизни и единению. Среди людей часто бывает так, что отвлеченное признание не вызывает творческого желания и не подвигает на деятельный труд. Государственная жизнь требует от людей именно волевого деятельного участия и труда. В 18-м веке Руссо*(245) пытался выразить это так, что государство основывается на "общественном договоре", в котором все мы участвуем, признавая его молчаливым согласием. Впоследствии Гегель*(246) настаивал на том, что государство не только "основывается" на решении объединиться, вся государственная жизнь, думал он, состоит в том, что люди желают одного и того же и направляют свою волю и свои силы к достижению желанного, именно, к организованному единению ради высшего блага. Государственный союз, в котором нет этого согласия и этой воли к единению, медленно распадается, и первое же серьезное испытание (напр., трудная война) может привести его к гибели.

Естественно, что воля к единой цели и совместной жизни приводит к установлению и поддержанию длительной, прочной и определенной связи. Государство есть союз, образовавшийся не на срок; это — союз бессрочный; он не предвидит конца своего существования, хотя и не выдает себя за вечную или бесконечную сущность вроде физической

материи или геометрического пространства. Нет, государство будет существовать, пока люди будут в этом нуждаться, т. е. пока людям будет необходимо принудительно поддерживать справедливый правопорядок. А для того, чтобы поддерживать его, государство само должно быть прочно, оно должно иметь характер строго определенный: государство есть организация, т. е. союз, устроенный и живущий на основании обязательных правил.

Эти правила, которым подчинены все устройство и вся жизнь государственного союза, суть правовые нормы. Государство есть не просто союз, но правовой союз, организованный и действующий по правовым нормам. Это означает, что члены его участвуют в нем в качестве субъектов права, что отношение, связующее их всех в единый союз, есть правоотношение и, наконец, что самый союз, как единство, есть единый коллективный субъект права, или юридическое лицо.

Главное, что необходимо здесь усвоить и иметь в виду, это правовой характер государственного союза. Напрасно было бы думать, что государство выше права, оно ему не подчинено. Правда, государственный союз создан для того и уполномочен к тому, чтобы устанавливать новые правовые нормы и поддерживать уже созданные; это и дает иногда повод говорить и думать, что подобно тому, как Создатель мира — выше мира, так и создатель права — выше права. Однако именно к правовой жизни это не применимо: самое создание права и поддержание права совершается в государстве по правовым нормам; государство само есть правовой союз, субъект права, имеющий полномочия и обязанности как по отношению к другим государствам (в международных правоотношениях), так и по отношению к своим гражданам; каждая установленная государством правовая норма связывает его самого, возлагая на него обязанность поддерживать и принимать установленную норму, не предписывать обратного до ее отмены, не взыскивать большего, чем в ней указано, и т. д. Словом, все существование государства подчинено праву, все полномочия и обязанности его суть правовые полномочия и правовые обязанности; и поэтому все отношения его должны быть правоотношениями. Государство есть правовой союз, которому дана правовая власть для того, чтобы поддерживать право и служить праву. И если бы государство вышло совсем за пределы права, нарушая его, то оно не могло бы поддерживать правопорядок среди граждан и требовать от них повиновения праву. Тот, кто говорит о государстве, говорит о праве, ибо государство есть правовой союз; право есть как бы тот воздух, которым дышит государство.

Именно благодаря этому государство, как союз, есть правовой союз — коллективный субъект права, или юридическое лицо. Это означает, что государство существует не от природы, но организуется людьми; что оно не есть ни физическая вещь (напр., территория), ни

простое множество людей, но представляет собою множество людей, связанное единым правом, единой властью и единой территорией в союз: государство есть множество в виде единства.

Не следует, однако, представлять себе государство как единство, стоящее где-то над множеством людей, вне этого множества; государство не возносится над своими членами в виде чего-то чуждого и постороннего им. Тот, кто так представляет себе государство, смешивает государственный союз с государственной властью, хотя, конечно, и государственную власть не следует представлять себе, как помещенную вне союза. Все это могло бы быть так, если бы государство, как единый субъект права, было учреждением, т.е. субъектом, существующим для граждан, но не включающим их в свой состав; но государство есть именно не учреждение, обслуживающее нужды "других", а корпорация; оно есть юридическое лицо, включающее в себя тех, ради которых оно существует. Государство существует не только ради граждан и для них, но через граждан и в них: если бы народ вымер или разбежался, перейдя в другие государственные союзы, то государство прекратилось бы.

Далее, государство как единая корпорация, включающая в себя своих членов, имеет не частноправовой, а публично-правовой характер. Это определяется тем, что основное полномочие государства есть полномочие на власть. Государство есть союз, уполномоченный властвовать над своими членами, создавать для них правовые нормы и веления, управлять ими и судить их; все это, конечно, в порядке, установленном правовыми нормами. Поэтому отношения между государством и его членами являются обыкновенно (см. § 15) публичными правоотношениями, в которых государство выступает, властвуя по полномочию, а граждане имеют обязанность подчиняться. Всякий участник государства, встречаясь с его властными правовыми велениями (будь то в виде норм или в виде императивов), оказывается в положении лица, подчиненного по праву, или подданного, и потому обязанного послушанием в своих внешних действиях. Государство есть публично-правовая корпорация, и этим она отличается ото всех частноправовых корпораций (культурных и торговых союзов): эти союзы не имеют полномочия на власть по отношению к своим членам, и участники их не являются их подданными.

Наконец, государство, как публично-правовая корпорация, властвует над людьми только на известной территории, т. е. на известной, строго определенной правовыми нормами земной поверхности; этим оно отличается от тех публично-правовых корпораций, господство которых над людьми или совсем не связано с территорией (напр., религиозно-церковный союз), или не связано с определенным местом, служащим народу для оседлой жизни (напр., общины кочевников, еврейский народ в пустыне). Государственная власть

всегда имеет свой предел в территориальных границах, и это дает основание определить государство как публично-правовую территориальную корпорацию.

Это не значит, однако, чтобы каждая публично-правовая территориальная корпорация была государством (напр., земские и городские общины, провинции и области не могут быть названы государствами). В этом мы сейчас убедимся.

1.17. Основы государства: народ; территория; власть

Мы видели, что государство есть публично-правовая территориальная корпорация. Это означает, что существование государства покоится на следующих основах: должен быть налицо народ, т.е. множество лиц; народ должен населять определенную и ограниченную территорию; должен быть подчинен единой правовой власти. Если нет одной из этих основ, то нет и государства. Однако для того, чтобы верно понять это, необходимо отчетливо усвоить, что все эти основы имеют правовой характер и правовое значение.

Государство, как правовое явление, есть союз лиц. Поэтому, с точки зрения юриста, в государстве участвуют только люди, и никто, и ничто, кроме человека, в государство не входит; ибо право соединяет только человека с человеком. Поэтому земля и воды, вещи и здания, растения и животные входят в географическое "государство", но не входят в правовой союз людей; то, что юрист называет государством, не следует уподоблять стеклянному колпаку, охватывающему все, помещенное на подставке; государство подобно, скорее, сети тонких незримых, но прочных нитей, связывающих всех людей в единство. По поводу вещей (будь то земля, дома, животные, растения, мебель и т. п.) люди вступают между собою в правоотношения; но сами эти вещи не могут быть лицами или субъектами права и в правовом отношении не участвуют.

а) Народ. Положение народа в государстве можно передать образно так. Государство подобно кругу; линия окружности, всюду одинаково удаленная от центра и всюду одинаково связанная с ним нитью радиуса, обозначает одинаковую в корне включенность и одинаковое участие всех членов союза; единый центр обозначает то общее, что объединяет всех в круговое единство. Все, принадлежащие к государству, входят в государство так, как линия окружности входит в круг; все они связаны одинаковым правовым отношением так, как радиус связывает каждую точку окружности с единым центром; все они имеют единое объективное право и единую власть так, как круг имеет единый центр; все они населяют единую территорию так, как единая площадь круга замыкается линией окружности.

Несмотря на все различия людей в смысле возраста, пола, характера, богатства и субъективных прав, в положении каждого члена государственного союза есть сходство с положением всех остальных членов. Все они одинаково суть члены государственного союза и поэтому одинаково стоят с ним в определенных правоотношениях. Эти правоотношения суть публично-правовые отношения, и, следовательно, члены государственного союза, участвуя в них, имеют субъективные публичные права. Каждый участник государства является субъектом публичных обязанностей (а также запретностей) и полномочий, которые различно определяются в разных странах, но все-таки имеют одинаковую сущность.

Единую сущность этих обязанностей и поддерживающих их силу запретностей можно обозначить как обязанность оказывать повиновение (велениям) и покорность (запретам) правовой власти союза и, следовательно, тем правовым нормам и императивам, которые по праву исходят от этой власти. Понятно, что этим обязанностям и запретностям, лежащим на каждом участнике государственного союза, соответствуют полномочия государства: устанавливать правовые нормы, издавать правовые императивы, руководить на основании их жизнью государства, применять право и судить его нарушителей. Каждый член государственного союза, обязанный ему повиновением, есть его подданный. Подданство приобретает и утрачивается исключительно с согласия государства и по его законам: нельзя выйти из подданства и вступить в подданство самовольно. Подданство может быть приобретено или по соглашению между взрослым человеком (иностранцем) и государством, или независимо от согласия человека (напр., рождением от подданного или, в некоторых государствах, рождением на территории данного государства); оно прекращается обыкновенно или через разрешение государства ("увольнение") или же в виде наказания ("изгнание"). Подданство обязывает не только к повиновению правовым предписаниям государственной власти, но и к личному содействию государству: подданный обязан участвовать в обороне государственного союза и, следовательно, несет воинскую повинность; он обязан участвовать в доставлении денежных средств государственному союзу и, следовательно, несет податную или налоговую повинность; наконец, он не смеет предпринимать что-нибудь, клонящееся к тайному или явному вреду своего государства, дабы не быть обвиненным в измене (он обязан "верностью" своему государству)

Далее, общую сущность тех публично-правовых полномочий, которые предоставлены каждому участнику государственного союза, можно обозначить как право на личную свободу и право на участие в государственном союзе. Эти полномочия делают участника государственного союза уже не только подданным, но гражданином.

Ту "естественную", моральную свободу, согласно которой каждый человек, кто бы он ни был, имеет нравственное полномочие делать то, что, по его крайнему разумению и убеждению, есть морально лучшее, — эту свободу ни одно государство не может и не должно искоренять или заглушать внешними запретами. Государство есть правовое установление, и поэтому оно само заинтересовано в том, чтобы стоять в живом, творческом взаимодействии с моралью и моральной жизнью людей. Ввиду этого каждое государство ограничивает свою власть над подданными лишь тем, что ему представляется безусловно необходимым; современные государства постепенно прониклись убеждением в том, что граждане тем прочнее и глубже объединяются государственным союзом, чем больше участие и чем более обеспеченная личная свобода им предоставлены: ибо прочность государства требует, чтобы граждане сознательно и добровольно, на правах зрелых и свободных людей, поддерживали свое правовое единение.

Понятно, что каждому полномочию гражданина, предоставляющему ему личную свободу, соответствует обязанность и запретность, лежащие на государственной власти и ее органах. К таким правам свободы, которые государственная власть обязана хранить и защищать, которых она не смеет нарушать, но которые она может ограничивать справедливым законом, относятся следующие. Во-первых, свобода передвижения и выбора места жительства на территории государства (никто не может быть арестован или выслан иначе, как только по закону; арестованный в самый короткий срок должен быть предан суду); во-вторых, свобода выбора профессии и промысла; в-третьих, неприкосновенность частного жилища (никто не может войти в чужое жилище без разрешения хозяина, если у него нет на то особого полномочия); в-четвертых, тайна частной корреспонденции (никто не имеет права вскрывать и читать письма, кроме того, кому они адресованы); в-пятых, свобода совести, т.е. религиозного исповедания (всякий имеет право открыто исповедовать ту религию, которая представляется ему истинною, или не исповедовать никакой; его нельзя лишить за это никаких прав); в-шестых, свобода слова и печати (всякий имеет право высказывать свои мысли устно и печатно, отвечая за это только по закону и перед судом; для открытия газет, журналов, книгоиздательств и книжных магазинов особого разрешения от государства не надо, достаточно простого заявления — "явочный порядок"); в-седьмых, свобода собраний (граждане имеют право сходиться для публичных бесед в закрытых помещениях и под открытым небом, не стесняя езды по улицам, но повинуюсь законным требованиям полиции; явочный порядок; ответственность за беспорядок и неповиновение — по закону перед судом); в-восьмых, свобода союзов (граждане имеют право объединяться для целей, не противных закону, в союзы, учреждая их явочным порядком). При этом государственная власть обязана и уполномочена

следить за тем, чтобы пользование этими основными правами свободы совершалось по закону и чтобы виновные в противозаконном пользовании ими отвечали за это по суду; помимо этого государственная власть уполномочена в случаях крайней необходимости (войны, эпидемии, стихийных бедствий, народных волнений) временно воспрепятствовать гражданам пользование этими правами, причем она должна впоследствии привести веские основания для такого запрета.

Наряду с правами свободы, принадлежащими гражданам, стоят полномочия граждан на участие в государственном союзе. Эти полномочия, с одной стороны, предоставляют каждому гражданину требовать от государства полицейской, судебной и военной защиты в случае нарушения его прав и его свободы; с другой стороны, они предоставляют каждому гражданину, если он обладает необходимыми, в законе указанными, свойствами (напр., возраст, пол, душевное состояние или, сверх того, принадлежность к известному сословию, или владение определенным имущественным состоянием), принимать участие в осуществлении государственной власти. При этом не все граждане уполномочены к одинаковому участию во властной деятельности государственного союза. Одни уполномочены только к периодическому участию в избрании тех, кто будет потом действовать от лица государства; другие получают обязанность и полномочие осуществлять постоянно предоставленную им частицу государственной власти. Эти публичные полномочия могут быть по содержанию очень широки (напр., права монарха) или очень тесны (права избирателя); они могут быть пожизненны (монарх) или срочны (напр., у народных представителей); они могут приобретаться на основании закона (напр., полномочия монарха) или на основании народных выборов (напр., народные представители), или по назначению (напр., полномочия министра, губернатора); но они всегда принадлежат только гражданину, т. е. только каждому в своем государстве, и являются необходимым соответствием и дополнением к обязанностям подданного.

Для того, чтобы углубленно и отчетливо представить себе отношение между государственным союзом и его членами, следует рассматривать публичные полномочия подданных как особые, лежащие на гражданах обязанности, а обязанности и повинности, возлагаемые государством на своих граждан, как особые полномочия его подданных.

Право участвовать в жизни государственного союза есть высокое и почетное право: оно делает человека гражданином: включает его, как духовную свободную личную силу, в основной состав союза; ставит его в ряды тех, которых государство защищает, но от которых, в свою очередь, ждет защиты, которым оно доверяется как своим организаторам и осуществителям, которых оно приобщает своим целям и от которых поэтому ждет добровольного и самоотверженного сотрудничества. Знание и полномочие гражданина обязывает: оно обязывает к защите

и поддержанию союза, к труду во имя общего блага, к верности союзу и его целям. Только там все будут за одного, где один за всех; и наоборот. Только там государственный союз будет осуществлять успешно свои высшие цели, где граждане будут смотреть на свои публичные полномочия как на обязанности.

Точно так же обязанности и повинности, возлагаемые государством на своих членов, можно рассматривать как своего рода полномочия; это тем более естественно, что, согласно общему правилу, тот, кто имеет известную обязанность, имеет тем самым и полномочие ее исполнять (см. § 11). С этой точки зрения окажется, что каждый может заявить о своем праве поддерживать всеми силами свой государственный союз, делать взносы в его казну, служить в его войсках и жить на его территории (если, конечно, он не изгнан в виде наказания). Некоторые из этих прав рассматриваются обычно как стесняющие и обременительные требования государства; это объясняется тем, что люди, погружаясь в свои личные дела и узкие расчеты, утрачивают живое чувство своей принадлежности к государству, чувство своей моральной и правовой связи с ним и незаметно перестают испытывать себя его членами: тогда каждый взнос в казну государства воспринимается только как личный убыток, каждая повинность переживается как тяжелое бремя и, в конце концов, люди начинают чувствовать себя чужаками в своем государстве. Однако история показывает, что в час общей опасности, в эпоху тяжелой войны, когда в людях загораются по-новому чувства родины и политического единения, участие в жизни государства получает вновь свое истинное и глубокое значение, и люди, выполняя свои правовые обязанности не только за страх, но и за совесть, чувствуют, что они действительно уполномоченные участники и граждане своего государства как объединенной корпорации.

б) Территория. Если государство невозможно без входящего в его состав множества подданных граждан, образующих в целом то, что называется народом, то оно невозможно и без территории. Государство есть не кочующий, а оседлый союз людей. Эту оседлость следует понимать не в том смысле, что граждане фактически сидят неподвижно на месте или не имеют права переменять свое местожительство; коммивояжеры, бродячие музыканты, богомольцы-странники, цыгане и целые кочевые племена в Средней Азии всю жизнь переезжают и переходят с места на место; и тем не менее они, как граждане, сохраняют свою юридическую оседлость, которая определяется припискою к той или другой местной общине, входящей в состав государства. Однако оседлость государства как публично-правовой корпорации не следует сводить только к тому, что все граждане обязаны приписаться к какой-нибудь местной общине; государство сохранило бы свою территориальность и в том случае, если бы граждане не имели такой обязанности.

Связанность государства с территорией есть правовая связанность. Она состоит в том, что государство уполномочено властвовать над всеми теми и требовать подчинения ото всех тех, кто живет или находится временно в пределах его территории; всякий, кто переступает, или переезжает, или перелетает через указанную в правовых нормах черту (сухопутную или морскую границу), подпадает всецело или до известной степени (если он иностранный подданный) правовым велениям господствующего здесь государства. Это означает, что поверхность земли и воды, именуемая "государственной территорией", определяет, кто из людей подчинен власти данного государства. Отсюда уже ясно, что не следует представлять себе дело так, будто государственный союз есть собственник своей территории. Обычно дело обстоит так, что вся поверхность земли, входящая в состав государства, принадлежит на праве собственности по частям отдельным гражданам, корпорациям и учреждениям; большие участки принадлежат нередко на праве собственности и государственной казне. Однако право собственности есть частное право, а связь государства с территорией устанавливается публичным правом. Это не значит, что между государственным союзом и территорией имеется публичное правоотношение; территория — не человек и участвовать в правоотношении не может. Публичное правоотношение имеется между государственным союзом, с одной стороны, и всяким человеком, находящимся на его территории, с другой стороны. Граница территории есть пространственный предел, за которым кончаются властные полномочия одного государства и начинаются властные полномочия другого.

Итак, территориальность государства состоит в том, что его полномочие на власть имеет предел в пространстве; отсюда ясно, что государство может потерять свою территорию только в том случае, если оно потеряет самое свое полномочие на власть. Поэтому если на войне другое государство, без всякого полномочия на власть, силой, временно займет его территорию своими войсками и будет властно распоряжаться над чужими подданными, то угнетенное государство не утратит от этого свой территориальный характер; его полномочие властвовать над жителями его территории временно будет неосуществимо, и только.

с) Власть. Каждое государство есть властвующий союз. Это означает, что ему принадлежит правовое полномочие властвовать, простирающееся до тех пределов, которые указаны в правовых нормах. Каждое государство властвует только в пределах своих полномочий, которые ограничены, с одной стороны, властными полномочиями других государств, с другой стороны, правами свободы, принадлежащими его гражданам.

По общему правилу, каждое государство является самостоятельным по отношению к другим государствам. Это означает, что каждое госу-

дарство само учреждает свою власть и свое устройство и имеет полномочие устраиваться и переустраиваться независимо от согласия или несогласия других государств, одним своим самостоятельным решением. Государство не получает свою власть ни от какого другого авторитета или союза; оно всего создает самостоятельно те правовые нормы, на основании которых оно властвует и управляется. Этим-то государство и отличается от земских и городских общин, провинций и областей, которые, будучи иногда во всем подобны государству, — имея и правовой характер, и власть, и население, и территорию, — не имеют, однако, самостоятельной власти: не могут переустраиваться сами, но получают и свое полномочие на власть и свое устройство от того государства, частью которого они являются; поэтому они и не признаются за государства.

Но если всякое государство имеет такую основную самостоятельность, то это не значит, что всякое государство имеет полную независимость от других государств. В известных второстепенных отношениях, касающихся не государственного устройства (см. § 19), а отдельных сторон государственной деятельности, одно государство может быть подчинено другому; это подчинение может состоять, напр., в том, что подчиненное государство или не имеет права сноситься свободно с третьими государствами, или обязано поставлять свои войска и посылать дань господствующему государству, или же обязано в некоторых строго определенных отношениях признавать правовые нормы, исходящие от последнего и повиноваться им (это относится особенно к государствам, входящим в союзные государства, см. § 19). Однако многие государства, особенно великие державы, являются вполне независимыми и связаны лишь теми обязательствами, которые они взяли на себя по свободному договорному соглашению.

Зато в своих пределах власть каждого государства является верховною. Государству принадлежит право относиться ко всем людям, союзам людей, другим организациям и их органам, находящимся в его пределах, как к подчиненным. Государство не признает на своей территории другой власти, которая имела бы полномочие воспротивиться его власти или уклониться от повиновения. Создавая и издавая свои правовые нормы, государство определяет, кому и какая власть принадлежит в его пределах: всякое полномочие на власть дается его правовыми нормами. Современному государству не приходится уже бороться за первенство и верховенство с другими лицами и общественными союзами — с феодальными помещиками, с церковью, городами, цехами и т.д., — как это было в средние века. Власть каждого государства есть власть, в его пределах верховная.

Для того, чтобы верно понять это верховенство, необходимо иметь в виду, что государственная власть, сохраняя свое единство и свою неразделенность (потому что субъект ее — единая государственная кор-

порация — остается единым и неразделенным), все же для осуществления своего распределяется между всеми органами государства. На вопрос о том, каков объем и размер государственной власти, можно было бы ответить следующим уравнением: власть государства равна сумме властей всех его органов; или иначе: полномочие на власть, принадлежащее государству, распределено всегда без остатка между всеми органами, действующими от его лица. Государство, как и всякая другая корпорация, не действует само, в своем цельном составе, но поручает осуществление своих полномочий и обязанностей отдельным лицам — физическим (напр., монарх, президент республики, министр, губернатор, мировой судья, фабричный инспектор) и юридическим (напр., государственный совет, государственная дума, сенат, губернское правление). У государства всегда много органов; каждый из них имеет, с одной стороны, полномочие действовать от лица государства самостоятельно от высших органов, с другой стороны, обязанность отвечать за правильность своих действий перед высшими органами и повиноваться их правовым велениям. Исключением является только монарх, который в качестве верховного органа не имеет над собою высшего органа и не отвечает ни перед кем за свои действия, повинуюсь только правовым нормам и своей совести.

Отсюда ясно, что власть государства не следует смешивать с властью какого-нибудь отдельного органа или нескольких высших органов государства. Каждый, даже самый мало влиятельный и невидный орган государства, имеет такую область вопросов и отношений, в которой он уполномочен властно действовать от лица государства, повинуюсь только правовым нормам и велениям. Если бы государство не распределяло бы так свое властное полномочие, оно совсем не могло бы управляться и разрешать свои задачи. Вот почему воззрение, отождествляющее власть государства то с властью законодательных органов, то с властью правительственных органов, следует признать ошибочным. Каждый орган имеет только то полномочие, которое он получил от государства и которое, следовательно, в сущности принадлежит самому государству; и обратно: полномочие, которое государство утвердило за собою посредством правовой нормы, оно всегда передает для осуществления одному или многим органам. Это означает, что власть государства делится и распределяется между всеми его органами; целиком она не принадлежит ни одному органу. Тем более она не принадлежит ни одному из тех людей, которые носят высокое и почетное звание государственного органа. Вот почему власть государства равна сумме властных полномочий всех его органов.

Наука давно уже обратила внимание на то, что власть государства, продолжая принадлежать единой корпорации, разделяется для своего осуществления на множество полномочий и что полномочия эти распределяются между отдельными органами. Государство имеет две ос-

новные задачи: во-первых, устанавливать правовые нормы и правовые императивы, во-вторых, работать над проведением в жизнь того порядка, который установлен в нормах как должный. Это проведение правовых норм в жизнь происходит двумя способами, в зависимости от того, насколько строгие и определенные полномочия предоставлены тому или другому органу: должный порядок осуществляется или путем применения права, или путем управления. Применение и управление суть одинаково те способы, которыми государство выполняет свое назначение: осуществляет в жизни правомерный строй и порядок. Однако способы эти различны: применяя право (см. § 13), государственные органы берут готовые, состоявшиеся свойства, деяния и отношения граждан и, рассмотрев их, подводят их под ту или иную правовую норму, объявляя, согласно ее указаниям, какие полномочия, обязанности и запретности принадлежат данным людям. Самая применяющая деятельность органов обыкновенно бывает подчинена строгим правилам и предписаниям (уставам), которые обеспечивают внимательное, верное и справедливое, свободное от ошибок, применение права: именно так работают суды. В отличие от этого пути, управление происходит так, что государственные органы, действуя от имени и от лица государства, сами завязывают новые публичные или частные (от лица "казны", см. § 12) правоотношения как со своими гражданами, так и с иностранными государствами и подданными, обеспечивая этим для членов своего государства упорядоченную, благоустроенную и благоприятную для духовного роста жизнь. Самая управляющая деятельность органов никогда не может быть заранее предусмотрена и подчинена строгим предписаниям и уставам: здесь очень многое предоставляется свободному почину, энергии, таланту, жизненному опыту и, главное, бескорыстной воле, мудрости и прозорливости правящих людей. Именно поэтому эта деятельность может быть названа "свободною" деятельностью государственных органов; но она "свободна" не в том смысле, что совершается без полномочий и обязанностей или не ограничена запретами; или может быть вполне произвольною; или является бесконтрольною и безответственною; но в том смысле, что правовые нормы дают для нее лишь общие полномочия, обязанности и указания: управление должно преследовать "пользы" государственного союза и удовлетворять его "нужды", однако отнюдь не нарушая законов государства, но всемерно им подчиняясь.

Таковы три основные деятельности государственного союза и его органов: создание объективного права, применение его и управление. Первоначально думали, что каждому органу может принадлежать только одна из этих трех деятельностей, и, согласно этому, делили не только деятельности и полномочия государства, но и органы его на законодательные, судебные и правительственные. Однако теперь юридическая наука признает, что органы государства могут иметь полномочия

и деятельности всех трех видов. Так, например, палата представителей есть орган законодательный, участвующий главным образом в создании новых правовых норм; но в то же время палата представителей, проверяя правильность состоявшихся выборов, участвует в применении права, а контролируя, путем запросов, деятельность министров, она осуществляет полномочия правительственного характера. Точно так же судебным органам, работающим главным образом над применением права, приходится осуществлять правящую деятельность (через судебных приставов) и даже устанавливать новые правовые нормы (напр., нормы "обычного права", см. § 20). Наконец, правительственным органам приходится действовать не только "свободно" по соображениям "пользы", но и постоянно применять правовые нормы (напр., полиция применяет "Паспортный устав", воинские присутствия — "Устав о воинской повинности" и т.д.); кроме того, правящие органы уполномочены создавать особые правовые нормы — правительственные распоряжения или указы, без которых они совсем не могли бы осуществлять свое назначение.

Отсюда ясно, что органы государства называются законодательными, правительственными и судебными по тому главному делу, которое им присвоено. Нетрудно также понять, что все эти органы, осуществляя единое государственное дело, стоят в некотором постоянном живом соприкосновении друг с другом; это выражается в их деловых сношениях. Низшие органы сносятся с высшими посредством донесений, а высшие с низшими посредством распоряжений и циркуляров. Это не значит, однако, что все органы расположены в один-единный ряд начальствования и подчинения. По общему правилу, только глава государства (монарх или президент республики) является верховным органом во всех трех направлениях — законодательства, управления и суда. Относительно же других органов общее правило таково: все органы одинаково подчинены правовым нормам; но органы законодательные считаются обычно высшею инстанцией, влияющей на деятельность правящих органов, а в некоторых государствах влияющей и на замещение высших правительственных должностей (министров); деятельность же судебных органов ставится обычно в условия независимости от управления, для того чтобы придать ей беспристрастную верность и справедливость, столь необходимую в деле применения права (см. § 13).

Этим и определяется принцип разделения властей, который требует распределения основных государственных деятельностей между различными органами, с тем, однако, чтобы между этими органами постоянно поддерживалось творческое взаимодействие и живое равновесие: законодательная власть является высшей, она следит за тем, чтобы деятельность правительственных органов была полезна и закономерна; правительственная власть подчиняется законодательной, но имеет и

свободную сферу, в которой обязана отчетом; судебная власть отправляет свое дело независимо, и хотя судьи и назначаются правительством, однако сменить их возможно только в случае злоупотреблений.

1.18. Возникновение государства. Его цель и задачи

Государство как объединенный, публично-правовой, территориальный союз имеет длинную и сложную историю. Возникновение государства сокрыто в глубокой древности. Наука предполагает, что государственный союз возникал в борьбе нескольких родовых союзов за преобладание; борьба приводила к победе одного рода или к примирительному соглашению между несколькими родами и в результате над ними устанавливалась единая власть. Укреплению этой власти содействовали многие обстоятельства: необходимость держать в подчинении остаток недовольных, насильно присоединенных к союзу, а также рабов; необходимость поддерживать порядок внутри союза; авторитет князя или царя, поддерживаемый его званием судьи и законодателя, религиозного руководителя и верховного жреца; и наконец, особенно, необходимость обороняться от вооруженных нападений соседей. Государства возникают и упрочиваются с переходом от охотничьего и пастушески-кочевого быта к земледельческому. Община, осевшая на месте со всем своим добром и стадами, связавшая свою участь с засеянным полем и ожидаемым урожаем, естественно, вынуждена отстаивать и защищать свои владения от пришлой орды завоевателей, подвергающей все опустошению. Опасность нашествий рано заставляет провести в жизнь разделение труда между земледельцем, ведущим свое хозяйство, и воином, который сам не обрабатывает землю, но обороняет хозяйство своей общины. Судья, законодатель и жрец получает новое звание — военачальника, и власть его получает новую опору в силе постоянного войска.

Защита жизни, очага и хозяйства от набегов кочевников настолько важна, что удачное отражение их естественно создает из общины центр, слывающий защищенным и безопасным. Малые и слабые общины видят свой прямой интерес в том, чтобы отдаться под власть удачно обороняющегося союза и купить себе тем защиту, а купцы, ищущие безопасности для верных оборотов, начинают тяготеть к тому же центру. Государственная власть слагается тем быстрее и прочнее, чем скорее и вернее ей удастся обеспечить порядок внутри союза и безопасность от внешних нападений.

Понятно, что исторически государства складываются раньше там, где климат и почва благоприятствуют земледельческому хозяйству: в южных плодородных странах, возле больших рек (Ассирия, Египет). Понятно также, что государства легче достигают развития и зрелости там, где море или горы помогают обороне от нападений и, в то же вре-

мя, где сухопутные или речные и морские пути сообщения облегчают торговые сношения и создают постоянный прилив населения к центру и отлив из него в колонии (Греция, Рим). Естественно, наконец, что создание могучего государства удавалось всегда энергичным и предприимчивым, трудолюбивым и в то же время воинственным народам. Государственная жизнь развивалась медленно, и развитие это шло всегда рука об руку с развитием в душах людей правосознания: самая сущность государства состоит во властвовании по праву, через право и ради права, и потому там, где чувство права и справедливости не развивалось, государственная власть делалась жертвой междоусобных столкновений и насильственных захватов.

Таким образом, государство возникло и упрочилось в поисках внутреннего порядка и внешней безопасности. Этим определяется, но не исчерпывается его значение и назначение. Властвуя на основании полномочий ("по праву"), осуществляя свою власть посредством правовых велений и правомерной деятельности своих органов ("через право"), государство имеет своею первою задачей водворение на земле (как в своих пределах, так и в международных отношениях) правового порядка ("ради права"), т.е. борьбу с произволом и господством грубой силы. Эта первая и основная задача государственного союза должна привести при разрешении ее — к дружному сожительству людей как во внутренней жизни государства, так и в его внешних сношениях; государственный союз призван организовать правовое разрешение всех столкновений между отдельными гражданами и целыми государствами, а это поведет к исчезновению войн и к водворению на земле мира гражданского и международного.

Однако такое умиротворение жизни людей при помощи права может удастся только при том условии, если право будет давать справедливые решения, если оно будет справедливым правом. До тех пор, пока будут обделенные и неудовлетворенные, нарушение мира будет стоять у порога. Поэтому создание справедливого (естественного) права является одною из высших задач государства. Но так как справедливое право, по самой сущности своей, есть прежде всего морально верное право, то государство, разрешая эту задачу, оказывается работающим во имя нравственного развития человечества. Внешними, принудительными велениями невозможно, конечно, переродить мир человеческой души, но возможно приучить человека считаться со справедливыми правами и интересами других. Это означает, что государство как правовой союз имеет все те задачи, которые предстоит разрешать праву: государство должно стремиться к водворению в жизни людей справедливой, свободной, равной и братской совместной жизни.

Такое упорядочение и умиротворение внешней жизни людей при помощи справедливого права требует, чтобы государство принимало более деятельное участие в жизни граждан. Понятно, что союз, упол-

номоченный требовать от своих членов определенных денежных взносов и властно определять их размер (налоги), имеет возможность сделать чрезвычайно многое в деле устроения общественной жизни. И здесь перед государством открывается чрезвычайно широкое поле для деятельности, ведущей к хозяйственному устроению и духовному развитию народа. Задачи государства не ограничиваются водворением порядка, мира и справедливости; оно должно делать все возможное для того, чтобы народ не страдал не только от раздоров, войн и несправедливости, но и от голода, болезней, стихий природы и, главное, от духовной темноты.

Хозяйственная деятельность людей, предоставленная частной инициативе, нередко приходит в расстройство: неумение извлекать большой урожай из малого участка земли, отсутствие хороших, но дорогих орудий, недостаток капитала на промышленное или торговое обзаведение, недостаток быстрых и дешевых путей сообщения, наконец, неорганизованность всего народного хозяйства по единому плану, — все это нередко приводит к хозяйственным бедствиям, напр., неурожаю, разорению, недостатку товара, тяжело отзывающемуся на потребителя, или чрезмерному избытку товара, разоряющему производителя. Всему этому государство идет на помощь, обучая земледельца, помогая ему ссудами и заботясь о справедливом распределении земельной собственности (министерство земледелия), кредитуя и контролируя деятельность промышленников и торговцев (министерство торговли и промышленности), строя и улучшая дороги (министерство путей сообщения).

Особенную важность получают заботы государства об умственном развитии народа. Образование ума, расширение кругозора и углубление мысли необходимы человеку во всех отношениях, и прежде всего для того, чтобы исполнить свое высшее назначение: осуществить на земле жизнь духовно-значительную и нравственно-совершенную. Развитие ума есть путь к истинному знанию, благородной воле, чистому чувству и прекрасному искусству; для государства же к этому присоединяется еще необходимость создать развитое и твердое правосознание, невозможное среди умственно-отсталого народа. Вот почему основные задачи государства заставляют его взять на себя заботу о народном образовании, о всеобщем обучении и о поддержке наук и искусств (министерство народного просвещения). Вместе с заботами о поддержании внутреннего порядка (министерство внутренних дел) и внешних отношений (министерство иностранных дел), о военных силах государства (военное министерство), о собирании государственных доходов и распределении расходов (министерство финансов) и, наконец, о судебном применении права (министерство юстиции) — эти задачи входят всегда в основной круг государственной деятельности.

Однако это разнообразие государственных задач и разносторонность его деятельности совсем не должны приводить к мелочной опеке над жизнью граждан и отучать их от самостоятельности. Напротив: жизнь и деятельность самого государства должны быть проявлением самостоятельности граждан. Ведь государство не учреждение, возносящееся над гражданами, а корпорация, существующая ими, в них и через них. Государство есть союз, несомый и творимый гражданами, их самоотверженной и в то же время свободной самостоятельностью; поэтому задача государства состоит, между прочим, в том, чтобы воспитать и приучить граждан к общественному самоуправлению, наподобие того, как мораль приучает людей к внутреннему, личному самоуправлению. На этой основе покоится современное воззрение на государство как на корпорацию, привлекающую к своей деятельности широкие круги граждан и образующую для них живую школу самоуправления и самостоятельности.

1.19. Государственное устройство. Монархия и республика. Сложные формы

Из всего сказанного мы видим, что государство как особый субъект права (территориальная корпорация) имеет свои полномочия и обязанности, что эти полномочия и обязанности оно осуществляет, передавая их своим органам, и что, наконец, государство и само, и через свои органы стоит со своими гражданами во множестве публичных правоотношений. Во всех этих правоотношениях происходит встреча между полномочием на власть и обязанностью повиновения; взятые вместе, эти правоотношения образуют публичный правопорядок, подчиненный публично-правовым нормам. Нормы эти образуют особую область права, именуемую государственным правом. Особенное значение здесь имеют те нормы, которые определяют личный состав государства (правила приобретения и утраты подданства), основные полномочия и обязанности граждан (т.е. членов государственного союза), границы государственной территории и устройство верховной власти. Совокупность этих норм называется основными законами, а предписанный ими публичный правопорядок называется государственным устройством.

Каждое государство имеет свое устройство, не только предписанное в основных законах, но и осуществленное на деле, причем нередко бывает так, что жизнь вносит заметные изменения и дополнения в предписанный правопорядок. Далее, каждое государство имеет устройство, отличное от других государств, и это относится особенно к организации верховной власти. В государстве всего имеются такие высшие органы, без которых оно не может существовать; состав и полномочия этих высших органов предусматриваются в основных законах; им при-

надлежит высшая власть государства. Таковы все высшие законодательные, правительственные и судебные органы: глава государства, парламент (нижняя и верхняя палаты), министерства, высшие судебные органы. Наконец, каждое государство имеет единый верховный орган, высший из высших, не подчиненный никакому другому органу, но руководящий всею государственною деятельностью; он является главою законодательной, правительственной и судебной власти и именуется, согласно этому, главою государства. В зависимости от положения своего главы — государство может быть монархией и республикой. Если глава государства получает свои полномочия наследственно (основные законы указывают тот род или "царствующий дом", в котором эти полномочия передаются по наследству) и на всю жизнь, и притом свободен от всякой ответственности за свои деяния, то он имеет титул монарха, а государство является монархией. Если же глава государства получает свои полномочия по избранию, на известный срок*(247), и притом является ответственным по суду за известные деяния, то он имеет титул президента, а самое государство является республикой.

Глава государства руководит всею государственною деятельностью, но далеко не во всех государствах он имеет полномочие осуществлять верховную власть единолично и самостоятельно: такое полномочие может иметь только монарх, и притом только в неограниченных или абсолютных монархиях. Неограниченный монарх имеет полномочие издавать законы, назначать министров и управлять государством по своему единоличному усмотрению, и если он привлекает к делу издания законов тех или иных лиц для совета, то это зависит от его личного желания и советы их его не связывают. В этом отношении всякой неограниченной монархии противопоставляется конституционное государство, в котором наряду с главою государства существует еще другой орган, имеющий самостоятельное право участвовать в деле законодательства, влиять на дело управления и следить за осуществлением правопорядка в стране. Этот орган имеется во всякой ограниченной, или конституционной, монархии и во всякой республике и может быть назван по своему составу "народным собранием", ибо через него народ участвует в осуществлении верховной власти.

Участие народа в осуществлении верховной власти может быть организовано так, что всякий взрослый гражданин имеет право лично участвовать в народном собрании; такой порядок называется непосредственным народоправством и возможен только в очень маленьких государствах. В огромном большинстве современных государств народ осуществляет свое участие через выборных (представителей, депутатов), и такой порядок называется народным представительством*(248). И вот, если в осуществлении верховной власти и в выборе народных представителей участвуют широкие круги народа (напр., все взрослые граждане, или только взрослые мужчины, или все, уплачивающие

государству минимальный налог), то государственное устройство будет демократическим (демос — народ, кратос — сила, власть); если же в осуществлении верховной власти участвуют лишь тесные, привилегированные круги народа, то государственное устройство может принять или характер аристократии (аристос — лучший), т. е. господства лучших граждан (напр., наиболее образованных или заслуженных), или же характер олигархии (олигос — немногий, архе — господство), т.е. господства тех, кому удалось добиться власти. Понятно, что республика может иметь характер не только демократический, но и аристократический и олигархический; и точно так же конституционная монархия может иметь не только аристократический и олигархический, но и демократический характер.

Государственное устройство имеет всегда в высшей степени сложный характер и внимательное изучение его требует исследования каждого государства в отдельности. Эта сложность увеличивается еще оттого, что государства могут вступать между собою в различные союзы и могут даже, соединяясь, образовывать новое, высшее государство. Обычно государства вступают друг с другом в отношения, закрепленные договорами; эти договоры устанавливают полномочия и обязательства сторон и имеют значение правовых норм; государства выступают в них как равные и независимые союзы, каждое сохраняет свою самостоятельность и, подчиняясь праву, не подчиняется ни противной стороне, ни новому, высшему для обеих сторон союзу. Такие отношения государств называются международными правоотношениями.

Помимо таких соглашений, постоянно заключаемых и разрываемых государствами, между ними возможны и более устойчивые и длительные соединения. Эти соединения имеют или "международно-правовой" или "государственно-правовой" характер. Соединение государств будет международным, если два государства (или более) имеют какой-нибудь общий орган, но сохраняют каждое свое равенство и независимость. Этот общий орган может состоять из уполномоченных, присланных государствами и для совместного ведения общего дела (союз государств)*(249); или же таким органом может быть общий монарх из единого, общего царствующего дома, признанного международным договором (реальная уния)*(250).

Соединение государств будет государственным тогда, если объединяющиеся союзы утрачивают до известной степени свою независимость и подчиняются или один другому (вассальный — сюзеренному), или все вместе — новому, большему, высшему союзу, включающему их в себя и ограничивающему их независимость (союзное государство)*(251). последнем случае каждое из объединившихся государств сохраняет свою самостоятельность (см. § 17, с. 41), но подчиняется власти союзного государства и издаваемым им законам; это означает, что союзное государство имеет свои особые законодательные и правитель-

ственные органы (напр., особую палату представителей, особых министров), действующие наряду с органами отдельных, зависимых государств и правящие от лица союзного государства в целом. Союзное государство объединено уже не международным договором, а государственным законом, которому все объединенные союзы должны подчиняться наподобие подданных; поэтому ни одно зависимое государство не имеет права выйти из союзного государства по своему личному, одностороннему решению, без согласия верховной власти: такой выход был бы равносителен мятежу.

Таковы основные черты государственного устройства.

1.20. Виды правовых норм

Разрешая при помощи права основную задачу своей внешней жизни, т.е. создавая равный, упорядоченный и справедливый общественный строй, люди выработали постепенно три основных вида права, из которых каждый имеет свои особые черты и приспособлен к особой правовой потребности. Эти виды суть: закон, правительственное распоряжение и юридический обычай.

Законами называются правовые нормы, сознательно и нарочито придумываемые органами, учрежденными именно для создания права. Не следует думать, что новое положительное право возникает только в деятельности законодательных органов. Дело в том, что органы правящие и применяющие право также имеют полномочие устанавливать новые правовые нормы; но только нормы, установленные ими, имеют лишь подчиненное и дополнительное значение и ограниченную сферу действия. Эти подчиненные и дополнительные нормы права или прямо придумываются и создаются правящими органами, или же получают только признание и словесную формулировку применяющих органов, слагаясь среди людей в виде юридической привычки повседневного оборота. Правовые нормы, придуманные и созданные правящими органами, называются правительственными распоряжениями. Правовые нормы, признанные и формулированные правоприменяющими органами, называются юридическими обычаями.

В наше время закон является важнейшим видом положительного права. По общему правилу, закон имеет основное и руководящее значение по отношению к подчиненным нормам права. Это не всегда так было. В далекой древности общины людей управлялись не законами, а распоряжениями и обычаями, правовой характер которых даже не всегда можно уловить и признать: распоряжения были произвольны, они применялись неустойчиво, они не связывали самого повелителя; обычаи были просто более или менее устойчивыми привычками или нравами, лишенными обязательной силы. Лишь постепенно люди поняли необходимость таких норм, которые имели бы строго обязательное, ус-

тойчивое, одинаковое для всех содержание; тогда появились писанные законы.

Каждый закон выражен непременно в устойчивых, неизменных словах и фразах; неизменность их обеспечивается записью, а в наше время напечатанием. Каждый закон имеет строго определенный, устойчивый смысл, имеющий для всех одинаковое значение. Именно поэтому он как бы специально приспособлен к тому, чтобы поддерживать в общегитии начало строгого равенства: равный для всех порядок, равную для всех подчиненность.

Закон не может быть ни изменен, ни отменен ни правительственным распоряжением, ни нормою обычного права, но сам может отменить и изменить и то, и другое; он может быть отменен только другим законом, причем, пока он не отменен, новый закон, предписывающий обратное ему, не может быть издан. Иногда бывает так, что устаревший закон постепенно перестает применяться, а вместо него применяется более подходящая норма обычного права. Это не значит, однако, что закон этот отменен юридическим обычаем; он только перестал применяться, и это выражается в том, что отмена его всегда, рано или поздно, приходит в законодательном порядке.

Однако для того, чтобы закон получил обязательное значение, он должен быть издан в строго установленном порядке. Закон в образовании своем должен пройти через четыре этапа: он должен быть предложен, обсужден, утвержден и обнародован. Для участия в каждом из этих этапов необходимо особое публичное полномочие.

Предложить закон, т.е. проявить законодательный почин (инициативу), не значит просто выяснить потребность в нем, доказать его необходимость и составить проект реформы; все это может делать всякий, не нуждаясь в особом полномочии. Точно так же подать прошение (петицию) об издании закона не значит осуществить законодательную инициативу; в некоторых государствах не возбраняется представлять в народное собрание общие или даже всенародные просьбы о новых законах, однако и там различается подача петиции и законодательный почин. Петицию законодательный орган не обязан обсуждать в качестве законопроекта; он может оставить ее без внимания; если же он решит, что такой закон действительно нужен, то он должен сначала сам превратить петицию из народного прошения в законопроект, т. е. он сам должен осуществить законодательный почин. Если же предложат новый закон лица, имеющие право почина, — государь, или министры, или члены одной из законодательных палат, — то обсуждение его обязательно: инициатива создает законопроект.

Точно так же под обсуждением законопроекта не следует понимать те рассуждения о нем, которые ведутся устно — на собраниях и письменно — в газетах, журналах и книгах. По общему правилу, в обсуждении законопроекта могут участвовать только члены законодательных

палат. Это обсуждение ведется в строго установленном порядке, сначала в особых комиссиях, в которых нередко выслушиваются посторонние палате, но сведущие люди, а потом в общем собрании законодательной палаты, под руководством председателя и нередко в присутствии министров, делающих свои сообщения. Обсуждение делится на две основные стадии: сначала следует обмен мнений, в котором выясняется потребность в новом законе, его целесообразность и его словесная формулировка; потом происходит голосование законопроекта, в результате которого выясняется, сколько членов палаты стоит за превращение этого законопроекта в закон и сколько высказывается против. Законопроект, за который высказалось большинство голосов, считается принятым или одобренным этою палатою; в противном случае он считается отклоненным ею. В тех государствах, где законодательные права принадлежат двум палатам*(252), законопроект переходит из "нижней" палаты в "верхнюю" и там рассматривается в том же порядке. Обсуждение считается законченным тогда, когда законопроект подвергся голосованию в обеих палатах; причем, если хотя бы одна из палат высказалась за отклонение и между нею и другою палатою не удалось достигнуть соглашения, то законопроект считается совсем отклоненным и дальнейшего движения не получает; если же он принят обеими палатами, то он считается "принятым" законопроектом и получает дальнейшее движение.

Это движение состоит в том, что законопроект восходит к главе государства (к монарху или президенту республики) на утверждение (санкция законопроекта). Ни один законопроект, если он не одобрен палатами, не может быть представлен на утверждение главе государства; в этом основная черта конституционного строя. Зато ни один законопроект не может стать законом без его утверждения; в этом основное право главы государства. Это означает, что глава государства имеет полномочие утвердить или не утвердить одобренный палатами законопроект. Право неутверждения называется правом "veto" (воспреещаю). Это полномочие имеет два вида: во всех монархиях (кроме Норвегии) монарх неутверждением своим может положить конец законопроекту, и он не становится законом (veto резолютивное); в республиках же (и в Норвегии) неутвержденный законопроект возвращается в палаты для нового обсуждения, и если палаты настаивают на своем решении, то глава государства обязан уступить*(253).

Утвержденный законопроект есть уже новый закон. Однако он начинает применяться и создавать для подданных новые полномочия, обязанности и запретности лишь после обнародования. По общему правилу, нередко устанавливаемому и в законах, никто не имеет права отговариваться неведением обнародованного закона. Поэтому каждый закон до тех пор не получает силу обязательности, пока органам государства и подданным не будет дана возможность с ним ознакомиться.

Для этого текст закона печатается (публикация, в России — первым департаментом Сената) и рассылается по почте государственным органам. В России закон становится обязательным к применению с того момента, как почта вручает органу официальное издание с текстом закона. Таковы этапы, через которые обязательно проходит каждый закон.

Правительственное распоряжение подобно закону в том отношении, что оно создается и издается органом государственной власти; оно отличается от закона тем, что исходит не от законодательствующего, а от правящего и применяющего органа. Именно поэтому оно всегда остается подчиненным закону. Правительственное распоряжение может быть издано только лицом, имеющим соответствующее публично-правовое полномочие, и притом только в пределах этого полномочия: оно может повелевать только низшим органам и тем гражданам, которые подчинены распоряжающемуся органу. Далее правительственное распоряжение должно согласоваться с действующими законами; оно не может ни противоречить им, ни отменять, ни изменять их, но только истолковывать и дополнять их, а также создавать на основании их правовые правила для отношений, не предусмотренных в законах.

Правительственное распоряжение не может быть заменено законом потому, что правительству в его "свободной" и "применяющей" деятельности необходимо иметь более быстроосуществимый, более подвижной и гибкий способ повелевать от лица государства; а между тем закон совершает свой путь долго и медленно, устанавливает только общие правила, не входя в детали и не заботясь о приспособлении отвлеченного правила к частным явлениям жизни. Именно поэтому конституционный строй некоторых государств предоставляет главе государства особое полномочие издавать в случае крайней надобности, и притом во время перерыва в деятельности законодательных палат, так называемые "чрезвычайные указы", т. е. верховные правительственные распоряжения, временно заменяющие закон; такой указ должен быть, однако, внесен в законодательные палаты в виде законопроекта, и притом в самый непродолжительный срок; он теряет свою силу, если не будет внесен в этот срок или если палаты отвергнут этот законопроект*(254).

Юридический обычай отличается от закона и от правительственного распоряжения тем, что он не придумывается и не создается государственными органами, а только облекается ими в слова, признается и применяется; он подобен административному распоряжению в своей подзаконности: юридический обычай (или, как его еще называют, обычное право) не может ни противоречить закону, ни отменять его, ни изменять, но только восполнять его, поскольку это вообще допущено законами данной страны. Юридический обычай возникает следст-

вие того, что законы не в состоянии предусмотреть всех отношений и подчинить их своим велениям; людям часто приходится разбираться самим в своих отношениях и спорах, решать помимо суда и закона, кто прав и кто не прав, что справедливо и что "неправильно", и действовать согласно своему "полюбовному" или "третейскому" решению. И вот, постепенно в сознании людей возникает уверенность, что "следует", или "полагается", или "правильно" такое-то решение, а не иное. Однако это еще не юридический обычай, а бытовое обыкновение, условно заменяющее правовую норму (суррогат права). Юридический обычай возникает в тот момент, когда орган государства (напр., судья), применяя право, убеждается, что, во-первых, спорное отношение не предусмотрено законом, что, во-вторых, по свидетельству сведущих граждан, это отношение обыкновенно разрешается и уже много раз разрешалось по такому-то, чаще всего устно сообщаемому правилу, и что, в-третьих, это правило не стоит в противоречии с действующими законами; убедившись во всем этом, судья облачает это правило в слова и признает его; с этого момента юридический обычай становится правовой нормою и применяется к разрешению всех подобных споров. Отсюда уже ясно, что не всякий бытовой обычай может получить значение правовой нормы. В России выработка обычного права допускается только в жизни крестьян и некоторых инородцев.

Понятно, какое великое значение имеют писанные законы в жизни народа и как важно сделать их общедоступными, облегчить каждому желающему ознакомление с ними. Из года в год, иногда из века в век накапливаются законы в каждом государстве и каждый закон наверное переживает своего составителя. Отсюда возникает потребность не только в собрании всех действующих законов и расположении их в стройном порядке (такая обработка законов называется инкорпорацией; примером ее является русский Свод Законов), но и в пересмотре накопившихся законов с тем, чтобы устранить случайные внутренние противоречия, восполнить пробелы, исключить одни нормы как устаревшие и изложить другие с большею ясностью (такая обработка законов представляет из себя в сущности новый законодательный акт и называется кодификацией; примером ее являются Судебные Уставы императора Александра II и Уголовное Уложение 1903 г.). Понятно, что в инкорпорировании и кодифицировании наравне с законом нуждаются и правительственные распоряжения и юридические обычаи.

1.21. Деление наук о праве

Если каждый из нас окинет внимательным взором всю свою жизнь, то он убедится, что жить в обществе людей значит непрерывно стоять во множестве отношений со множеством людей. Не все эти отношения имеют правовое значение и не все влекут за собой правовые последст-

вия, хотя все они имеют отношение к добру и злу, совести и морали. Науки о праве исследуют только те отношения, которые предусмотрены и признаны правовыми нормами. Наука, описывающая все действительные отношения людей и исследующая их причины и последствия называется социологией; социология, занимающаяся исследованием не всех реальных человеческих отношений, но одних правоотношений, будет социологическим правоведением; если же научное исследование описывает возникновение и развитие человеческих правоотношений не в общем типическом виде, а по отдельным эпохам и странам, то оно будет отнесено к истории права.

Однако к тем же правоотношениям можно подойти не с точки зрения причины и следствия, но с точки зрения их целесообразности. Такое исследование должно установить и доказать единую, высшую цель, осуществляемую правом и правовыми союзами людей, и вслед за тем подыскать верные средства, ведущие к осуществлению этой цели; оно рассмотрит каждое правовое явление и каждую правовую норму с точки зрения их практической годности и негодности и даст указание и советы мудрому правителю. Такое исследование должно называться политикой права.

Но помимо этого необходимо исследовать самостоятельно и нормы права, которые всегда предусматривают некоторые возможные правоотношения, кому-то что-то предписывают, определяют полномочия, обязанности и запретности некоторых могущих оказаться в действительности субъектов права и объявляют некоторый порядок как должный. Понятно, что этот должный и возможный правопорядок не совпадает с действительным, осуществляющимся строем правоотношений: люди часто не пользуются в действительности своими полномочиями или же превышают их; не выполняют своих обязанностей или выполняют больше, чем предписано; не совершают предусмотренных преступлений или создают новые непредвиденные отношения, требующие правовой защиты. Поэтому следует всегда отличать действительный, реальный правопорядок, осуществленный в жизни людей, все время развивающийся и меняющийся, — от должного и возможного правопорядка, описанного в правовых нормах. Изучение последнего создает так называемую нормативную науку о праве.

Наконец, важно иметь в виду, что изучать социологически, исторически, политически и нормативно можно самые различные правоотношения, как публично-правовые, так и частноправовые. Науки о праве делятся не только по той точке зрения, с которой ведется изучение (по методу), но и по характеру осуществившихся (или только предусмотренных) правоотношений (т.е. по свойствам изучаемого предмета). Эти два деления суть как бы горизонтальное и вертикальное, скрещивающиеся между собою.

Согласно основному делению правоотношений на публичные и частные (признак деления: в публичном правоотношении одна из сторон есть союз, уполномоченный властвовать над другою стороной, см. § 15), все право распадается на право публичное и частное. Изучение публичных правоотношений дает науку публичного права, изучение частных правоотношений дает науку частного права. В свою очередь, в науку публичного права входят следующие подчиненные науки: наука церковного права (изучает правоотношения между властвующим церковным союзом и его членами), наука государственного права (изучает те основные правоотношения между властвующим государственным союзом и его членами, которые слагают государственное устройство), наука административного права (изучает те правоотношения между правительственной властью и гражданами, которые возникают в процессе управления), наука финансового права (изучает правоотношения, возникающие между государством, властно собирающим налоги и ведущим свое хозяйство, и гражданами, а также третьими лицами, ссужающими деньги государственной казне), наука уголовного права (изучает правоотношения между государством и теми гражданами, которые совершают наказуемые правонарушения) и наука судебного права (изучает правоотношения между судебною властью государства и гражданами). Наука судебного права, в свою очередь, распадается на две части: науку уголовного процесса (изучает порядок судоговорения при рассмотрении наказуемых правонарушений) и науку гражданского процесса (изучает порядок судоговорения при рассмотрении споров граждан о частных полномочиях и обязанностях, см. § 15). Понятно, что во всех этих случаях властвующий союз бывает представлен своими уполномоченными органами.

С своей стороны, наука частного права также имеет подразделения. Она разделяется на четыре больших отдела, в зависимости от того, на чем сосредоточивается интерес людей, стоящих в правоотношении. Если интерес сосредоточивается на обладании вещью (наука частного права называет ее обычно "объектом" права), то правоотношение получает название вещного, а совокупность норм, предусматривающих эти правоотношения, рассматривается под именем вещного права. Если интерес сосредоточивается на действии, совершить которое обязалась одна из сторон, то правоотношение получает название обязательственного, а совокупность норм, предусматривающих эти правоотношения, рассматривается под именем обязательственного права. Если интерес сосредоточен на отношении кровной родственной связи между людьми и на возникающих отсюда полномочиях и обязанностях, то правоотношение называется семейственным (соответственно — семейное право). Если же в центре интереса стоит переход частных полномочий и обязанностей от умершего к живому, то юристы говорят о наследственном праве*(255).

Особое положение занимает наука международного права. Международное правоотношение возникает между двумя властвующими союзами (государствами), и поэтому некоторые ученые относят и самое правоотношение, и нормы, и науку — к области публичного права. Однако государства нередко выступают в международном правоотношении как равные стороны, связанные правом (нормами, установленными в договорах), но не уполномоченные к власти друг над другом; поэтому другие ученые предлагают отнести и самые правоотношения, и нормы, и науку к области частного права. Ввиду того, что международное право еще не окрепло и не сложилось окончательно, вопрос этот остается спорным.

Таковы основные юридические науки. К ним следует добавить еще общую теорию права, исследующую самую сущность права, и философию права, применяющую к праву законы этики (построение естественного права), а к науке права законы логики (вопрос о предмете и методе юриспруденции). Законоведение сообщает краткие сведения почти из всех этих наук.

Совет Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

Комитет Совета Федерации
по конституционному законодательству

Социально-инновационный центр России

**Учение И.А. Ильина
о праве, власти и социальной культуре России**

Материалы научно-практической конференции,
посвященной 125-летию выдающегося правоведа и философа
И.А. Ильина

19 июня 2008 года

Материалы представлены
Комитетом Совета Федерации
по конституционному законодательству

Редактор *Н.В. Ильина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским отделом
Управления информационного и документационного обеспечения
Аппарата Совета Федерации

Отпечатано в отделе автоматизированной подготовки документов
Управления информационного и документационного обеспечения
Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации

Тираж 250 экз. Заказ № 9801

«Ясно: вся, вся духовная культура, во всех своих священных основах требует от нас исследования и новых национально-русских ответов... И нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения; покаяться в своих соблазнах и в своем падении, неизмеримо величайшем, чем то, о котором взывал некогда Хомяков; вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений; но оно будет осуществлено и достигнуто.

А теперь позвольте мне сказать два слова о себе лично.

На протяжении всей моей жизни, с тех пор как я приступил к самостоятельным научным исследованиям, я работал именно в этом направлении. Ибо я понял политические опасности России еще во время первой революции; я увидел соблазнительность новой русской поэзии и новой русской публицистики в годы, предшествовавшие первой мировой войне; и пережил крушение России кровью сердца и пять лет изучал большевизм на месте. И в советских тюрьмах давал себе клятву идти безоглядно по пути этих исследований.

Но я не торопился писать и печатать мои книги. Так, мое исследование «О сущности правосознания», законченное в 1919 году, читанное в виде курса лекций в московских высших учебных заведениях, обсужденное не раз в заседаниях московского юридического общества и в частных собраниях московской доцентуры и профессуры, доселе еще не увидело света. Я давал моим трудам спокойно вызревать в течение десятилетий. У меня есть темы, вынашивающиеся по тридцать лет («Учение о духовном характере», «Аксиомы религиозного опыта») и по сорок лет («Учение об очевидности», «Монархия и республика»).

Я возвращался к каждой теме по многу раз, через пять-шесть лет, и все время накапливал материал; потом садился писать, записывал все, что было зрело, и снова откладывал. Теперь мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их я напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю — одну книгу за другой — и даю их читать моим друзьям и единомышленникам. Эмиграция этими исканиями не интересуется, а русских издателей у меня нет. И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь уберет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России».